

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Марийский государственный университет»

На правах рукописи

Рубцова Оксана Геннадьевна

**НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ**

(на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков)

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, доцент
Абукаева Любовь Алексеевна

Йошкар-Ола – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ	17
1.1. История изучения фитонимической лексики в разноструктурных языках	17
1.1.1. История изучения фитонимов в финно-угорском языкознании	17
1.1.2. Сопоставительные исследования фитонимов в русском и немецком языкознании	24
1.2. Терминология номинации	30
Выводы по первой главе	39
ГЛАВА 2. ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ФАРМАКОФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ	41
2.1. Мотивема «Применение в медицине»	44
2.1.1. Фитонимы, подчеркивающие универсальность применения в медицине	45
2.1.2. Фитонимы, указывающие на кровоостанавливающие свойства растения	47
2.1.3. Фитонимы, выявляющие цель лечения	49
2.1.4. Фитонимы, содержащие название определенного больного органа.....	52
2.1.4.1. Фитонимы, содержащие названия органов дыхания ..	53
2.1.4.2. Фитонимы, содержащие названия органов желудочно- кишечного тракта	54
2.1.4.3. Фитонимы, содержащие названия органов зрения	55
2.1.4.4. Фитонимы, содержащие названия органов сердечно- сосудистой системы	56

2.1.4.5. Фитонимы, указывающие на применение растения в акушерско-гинекологической практике	56
2.1.5. Фитонимы, указывающие на болезнь, которую лечили данным растением	58
2.1.6. Фитонимы, отражающие неправильное использование растения и его негативные свойства	62
2.1.7. Фитонимы, определяющие лекарственную форму растений ..	63
2.2. Мотивема «Бытовое использование»	64
2.2.1. Названия растений, отражающие их использование в кулинарии	65
2.2.2. Названия растений, определяющие их применение в повседневной жизни	67
2.2.3. Названия растений, выявляющие их применение в животноводстве	68
2.3. Мотивема «Вкус и запах»	70
2.4. Мотивема «Внешний вид растения»	75
2.4.1. Фитонимы, отражающие строение листьев денотата	75
2.4.2. Названия растений, подчеркивающие строение стебля реалии	80
2.4.3. Фитонимы, выявляющие строение корня (клубня) растения ..	82
2.4.4. Фитонимы, отражающие строение плода, семян растения ..	83
2.4.5. Названия растений, характеризующие строение и окраску цветка денотата	86
2.4.6. Фитонимы, свидетельствующие о способности растения или его частей выделять сок, жидкость	89
2.4.7. Фитонимы, отражающие жгучесть и колючесть поверхности растения	90
2.5. Мотивема «Место и условия произрастания»	93
2.5.1. Названия растений, произрастающих в сухой местности ..	93
2.5.2. Названия растений, произрастающих на влажных почвах	94

и вблизи водоемов	
2.5.3. Названия растений, связанные с топонимами	95
2.5.4. Названия паразитирующих или приносящих неудобства человеку в бытовой деятельности растений.....	96
2.6. Мотивема «Время цветения»	98
2.7. Мотивема «Цветобозначение»	99
2.7.1. Фитонимы, отражающие белый (светлый) цвет реалии	100
2.7.2. Названия растений, подчеркивающие яркость денотата (желтый, красный цвет)	100
2.7.3. Фитонимы, включающие в себя обозначения различных оттенков синего цвета	102
2.7.4. Названия растений, включающие в себя обозначения темной окраски денотата	102
2.8. Мотивема «Фаунистическая лексика»	104
2.9. Мотивема «Народные поверья, суеверия»	118
2.9.1. Фитонимы, связанные с обрядами праздника Ивана Купалы	125
2.10. Мотивема «Религиозные представления»	131
2.11. Мотивема «Антропоним»	136
Выводы по второй главе	141
Заключение	144
Список словарей, справочников лекарственных растений	148
Список литературы	154
Приложение 1. «Представленность мотивем в фитонимах исследуемых языков» (таблица)	169
Приложение 2. «Представленность мотивем в фитонимах исследуемых языков» (диаграмма)	170
Приложение 3. «Краткий четырехязычный словарь фитонимов»	171

ВВЕДЕНИЕ

Выявление сходств и различий в структуре отдельных языков, стремление понять и изучить их причины, произвести группировку существенных характерных признаков и систематизацию общих закономерностей – все это способствовало возникновению лингвистической типологии – особой отрасли в языкознании, которая исследует степень близости языков независимо от их родства.

Структура языка определяется как перечень формальных и семантических единиц. В составе формальных единиц, которые образуют план выражения, особое место принадлежит словам.

Типологические исследования начались не с выявления и вычленения из языкового материала типологически важных черт, как того требует логика исследования, а с составления общих типологических классификаций. Типология как особая лингвистическая дисциплина сложилась в Германии, и только в XIX в. она явилась плодом немецкого романтизма в языкознании, виднейшими представителями которого были братья А. и Ф. Шлегели, Ф. Бопп, В. фон Гумбольдт, А. Шлейхер. Все они в ходе своих исследований подчеркивали связь типа языка с морфологией, тем самым обращая особое внимание на установление общего характера связи морфем в словах не только родственных, но и неродственных языков [136, с. 23]. В России же типологические исследования продолжались на протяжении XIX и XX веков, в XX веке данной проблемой стали заниматься лингвисты и языковеды многих стран.

В начале XX века наблюдался некоторый спад в типологических исследованиях. В 1920-е годы вновь усилился интерес лингвистов к вопросам типологии. Следует отметить, что в отечественном языкознании наиболее продуктивными явились именно 30-40-е годы XX в., в первой половине 50-х годов не появилось ни одной работы по типологическому языкознанию, затем уже во второй половине 50-х годов вновь оживает интерес к данной тематике. Толчком послужили открытия и описания новых языков, прежде всего

американских индейцев. К этому времени четко обнаружались недостатки морфологических классификаций XIX века. Они заставили исследователей отказаться от классификационного принципа, по которому определялся общий тип языка на основе частного морфологического признака [136, с. 33].

Основываясь на морфологической классификации исследователей XIX и XX веков, почти все многообразие языков мира можно свести к четырем основным типам: изолирующие или аморфные языки; агглютинативные или агглютинирующие языки; флективные языки; инкорпорирующие или полисинтетические языки [188, с. 530]. Некоторые исследователи отмечают, что многие современные языки занимают промежуточное положение на шкале морфологической классификации, совмещая в себе признаки разных типов, например, языки Океании могут быть охарактеризованы как аморфно-агглютинативные. [130, с. 511-512].

Объединение языков на основе сходства морфологических признаков в отдельную типологическую группу является общепринятым, однако сопоставления языков может проводиться независимо от их родства и этнолингвистических факторов. Для сопоставительного анализа в работе нами были выбраны марийский, русский, немецкий и латинский языки. Такой выбор языков обусловлен тем, что исследования по сопоставлению разных языков имеют большую практическую и теоретическую значимость.

В лексикологии такие работы позволяют выявить связи между языками внутри одной языковой семьи на основе базового лексического слоя; локализовать, например, при помощи метода лингвистической палеонтологии (использование данных географии растений и животных в лингвистических исследованиях) природу языковой семьи; определить специфические черты каждого из сопоставляемых языков; выявить типологически общие черты в разноструктурных языках и т.д.

В любом языке названия растений представляют собой весьма специфический пласт лексики. Роль растений в жизни человека всегда была исключительно велика. Именно растения стали первыми лекарственными средствами.

Названия лекарственных растений воплощают в себе их определенные характеристики, отражают духовную и материальную культуру народов.

В ботанической терминологии большую группу образуют народные названия лекарственных растений, которые представляют собой интересный материал для исследования с точки зрения происхождения слова, особенностей его строения, связи с другими словами. Народная ботаническая номенклатура существенно отличается от научной: народные названия лекарственных растений неоднозначны, и само растение может иметь несколько наименований. Фитонимы, как правило, отличаются богатством синонимических вариантов. При этом наблюдается такая закономерность: если название растения распространено на обширной территории, то оно либо не имеет синонимических параллелей, или же имеет их, но немного, например: мар. *куэ* / рус. *береза* / нем. *die Birke*; мар. *тумо* / рус. *дуб* / нем. *die Eiche*; мар. *кож* / рус. *ель* / нем. *die Fichte*. Другие названия, наоборот, очень неустойчивы и имеют большое количество параллельных наименований. Народные названия растений тесно связаны с реальной действительностью: в них отражаются особенности формы, вкуса, цвета, характер цветения, лечебное свойство и характер воздействия на человека [183, с. 74].

Часто разные растения, а иногда и целые группы называются одним словом, поэтому определить, почему растение получает то или иное название, бывает достаточно трудно, а иногда это не представляется возможным. Нередко история происхождения фольклорных названий лекарственных растений в разных языках дает возможность увидеть их единый источник. Так *толокнянка обыкновенная* – трава, которую применяют как дезинфицирующее средство при воспалительных заболеваниях, имеет латинское название *uva-ursi* букв. ‘медвежий виноград (ягода)’. Можно столкнуться с удивительным совпадением внутренней формы фитонимов в разных языках: рус. диал. *медвежий виноград*; нем. *Bärentraube*; мар. *маскавӧчыж*; англ. *bearberry*; итал. *uva orsina* и фран. *raisin d'ours*.

Латинские фитонимы являются интернациональными благодаря общекультурному наследию и воздействию латинского и греческого языков

на языки Европы, в том числе и на немецкий язык. Для того чтобы яснее представить картину влияния классических языков античного мира – греческого и латинского – на литературные языки и, главным образом, на их медицинские терминосистемы, необходимо обратиться к истории развития и становления латинского языка. После покорения Римом Греции происходит взаимообогащение языков и культур, латинизация многих греческих слов (например, *Aloë* ‘алоэ’, *Hierochloë* ‘зубровка’, *Kalanchoë* ‘каланхоэ’) и заимствование в латинский язык многих греческих медицинских терминов. В связи с этим общепринятые названия многих наук, областей знаний, лекарственных трав и растений обязаны своим происхождением классическим языкам. Однако следует отметить, что латинский язык в ходе своего распространения на Европейской части континента не оказал такого же значительного влияния на финно-угорские и славянские языки, как на германские и романские. Марийская флористическая терминология охватывает те растения, которые связаны с хозяйственной и культурной жизнью народа. После распада финно-угорской общности марийцы контактировали с разными народами. Это повлияло на изменение лексики вообще и на флористическую терминологию в частности [138, с. 156].

Теоретической основой диссертационной работы послужили труды исследователей по типологическому языкознанию (О. И. Блиновой, В. Г. Арьяновой, Н. И. Коноваловой), теории номинации (В. Н. Телии, А. Ф. Журавлева, А. А. Уфимцевой, Е. С. Кубряковой, Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, О. П. Рябко), ономастике (А. В. Суперанской, О. Н. Трубачева, Н. Д. Голева), финно-угроведению (А. Н. Ракина, А. С. Ефремова, П. Сухонена, И. В. Бродского, А. М. Гребневой).

Для обозначения понятия «название лекарственного растения» в диссертационной работе вводится и используется термин «фармакофитоним» (греч. *pharmacōn* ‘лекарство’; *phyton* ‘растение’; *онума* ‘имя, название’).

Актуальность темы исследования определяется тем, что в современной лингвистике возрастает интерес к изучению компонентов лексической системы, которые отражают специфику духовной и материальной жизни народов.

Обращение к данной теме актуально и по причине того, что диалектные фитонимы выходят из сферы активного употребления и находятся на отдаленной периферии лексической системы. Выбор темы диссертации продиктован также отсутствием аналогичных исследований сопоставительного характера в марийском и в целом в финно-угорском языкознании. Все это и определяет необходимость комплексного исследования названий лекарственных растений в разноструктурных языках.

Объектом исследования являются однословные и составные фармакофитонимы русского, марийского, немецкого и латинского языков, которые рассматриваются как составная часть научной, общенародной ботанической терминологии и диалектной лексики.

Предметом исследования является лексико-семантическая группа «названия лекарственных растений» и ее мотивационно-номинативные признаки в русском, марийском, немецком и латинском языках.

Основным материалом исследования послужила сформированная авторская картотека из 53 основных и наиболее распространенных названий лекарственных растений. Данная картотека содержит более 4000 научных, общенародных и диалектных фармакофитонимов. Анализу были подвергнуты 3003 фармакофитонима, в том числе 70 латинских родовых и видовых названий растений, 1953 русских фармакофитонима, 383 марийских и 597 немецких наименований лекарственных растений. Все фармакофитонимы извлечены методом сплошной выборки из аутентичных одно- и многоязычных лингвистических и этимологических словарей ботанической тематики; аутентичных одноязычных справочников лекарственных растений, раскрывающих фитоморфологические признаки денотата; электронных пособий сети Интернет по фармакофитонимии. Марийские диалектные фитонимы были также собраны в результате диалектологических экспедиций в районы Республики Марий Эл, Пижанский, Советский, Яранский районы Кировской области и Мишкинский район Республики Башкортостан в период с 2011 по 2014 годы.

Доминирующее количество названий лекарственных растений принадлежит русскому языку. Это объясняется тем, что русский язык распространен на обширной территории, имеет большее количество носителей (по сравнению с марийским и немецким языками), а также отличается богатством словообразовательных формантов и сильным диалектным дроблением.

Все анализируемые фармакофитонимы, кроме латинских, используемых в ботанической номенклатуре, имеют параллельно бытующие научные и диалектные эквиваленты в русском, марийском и немецком языках. В приложении 3 представлен перечень отобранных нами названий лекарственных растений:

1. тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium*);
2. аир обыкновенный (*Acorus calamus*);
3. горицвет весенний (*Adonis vernalis*);
4. алоэ древовидное (*Aloë arborescens*);
5. алтей лекарственный (*Althaea officinalis*);
6. кошачья лапка двудомная (*Antennaria dioica*);
7. дудник лекарственный (*Archangelica officinalis*; *Angelica archangelica*, *Angelica officinalis*);
8. толокнянка обыкновенная (*Arctostaphylos uva – ursi*);
9. полынь горькая (*Artemisia absinthium*);
10. череда трёхраздельная (*Bidens tripartita*);
11. пастушья сумка обыкновенная (*Capsella bursa pastoris*);
12. тмин обыкновенный (*Carum carvi*);
13. василек синий (*Centaurea cyanus*);
14. ромашка аптечная (*Chamomilla recutita*; *Matricaria recutita*; *Matricaria chamomilla*);
15. чистотел большой (*Chelidonium majus*);
16. цикорий обыкновенный (*Cichorium intybus*);
17. спорынья (*Claviceps purpurea*);
18. ландыш майский (*Convallaria majalis*);

19. боярышник кроваво-красный (*Crataegus sanguinea*);
20. дурман обыкновенный (*Datura stramonium*);
21. живокость высокая (*Delphinium elatum*);
22. папоротник мужской (*Dryopteris filix mas*);
23. хвощ полевой (*Equisetum arvense*);
24. аистник обыкновенный (*Erodium cicutarium*);
25. подсолнечник однолетний (*Helianthus annuus*);
26. зверобой продырявленный (*Hypericum perforatum*);
27. девясил высокий (*Inula helenium*);
28. пустырник обыкновенный (*Leonurus cardiaca*);
29. донник лекарственный (*Melilotus officinalis*);
30. мелисса лекарственная (*Melissa officinalis*);
31. мята перечная (*Mentha piperita*);
32. вахта трёхлистная (*Menyanthes trifoliata*);
33. татарник колючий (*Onopordum acanthium*);
34. ятрышник пятнистый (*Orchis maculata*);
35. душица обыкновенная (*Origanum vulgare*);
36. вороний глаз четырёхлистный (*Paris quadrifolia*);
37. подорожник большой (*Plantago major*);
38. горец птичий (*Polygonum aviculare*);
39. горец змеиный (*Polygonum bistorta*);
40. лапчатка гусиная (*Potentilla anserina*);
41. первоцвет весенний (*Primula veris*; *Primula officinalis*);
42. медуница лекарственная (*Pulmonaria officinalis*);
43. шиповник коричный (*Rosa cinnamomea*);
44. щавель конский (*Rumex confertus*);
45. кровохлёбка лекарственная (*Sanguisorba officinalis*);
46. мыльнянка лекарственная (*Saponaria officinalis*);
47. звездчатка средняя (*Stellaria media*);
48. одуванчик лекарственный (*Taraxacum officinale*);

49. клевер красный (*Trifolium pratense*);
50. крапива двудомная (*Urtica dioica*);
51. крапива жгучая (*Urtica urens*);
52. валериана лекарственная (*Valeriana officinalis*);
53. фиалка трёхцветная (*Viola tricolor*).

Все фармакофитонимы представлены в соответствии с орфографией первоисточников.

При описании вариативных и синонимичных названий лекарственных растений в работе используются общепринятые названия, функционирующие в том числе в научном стиле речи. Ср.: *тысячелистник* вместо *тысячелистник обыкновенный*; *клевер* вместо *клевер красный*.

Многочисленные наименования отдельно обозначенного таксона являются лексико-семантической группой наименований. Такие номинации, с одной стороны, объединены сходством денотативного значения, но, с другой стороны, отличаются мотивационными признаками, разнообразием сигнификативных и эмоционально-оценочных компонентов значения, что, в свою очередь, обуславливает цель и задачи настоящей работы.

Целью работы является изучение фармакофитонимов как особой лексико-семантической группы в русском, марийском, немецком и латинском языках, а также описание основных принципов номинации лекарственных растений в обозначенных разноструктурных языках в сопоставительном аспекте.

Для достижения поставленной цели необходимо решить **следующие задачи**:

- 1) на материале выделенных названий лекарственных растений максимально полно обозначить инвентарь наименований, относящихся к указанной лексико-семантической группе, и подобрать аналоги в сопоставляемых языках;
- 2) исследовать закономерности процесса номинации лекарственных растений в анализируемых языках;
- 3) определить мотивационные признаки, лежащие в основе номинации фармакофитонимов в анализируемых языках, а далее и принципы номинации;

4) провести классификацию и сравнение лексического материала анализируемых разносистемных языков внутри указанной лексико-семантической группы;

5) из обозначенных фармакофитонимических наименований в разносистемных языках составить краткий четырехязычный словарь названий лекарственных растений.

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет собой первый опыт сопоставительного исследования фармакофитонимов марийского, русского, немецкого и латинского языков. В диссертации впервые определены и описаны основные принципы номинации фармакофитонимов на основе сопоставления обозначенных языков. В научный оборот введены и подвергнуты анализу не зафиксированные ранее в словарных статьях и справочниках лекарственных растений марийские фитонимы *тўжемшудо*, *ўпшан шудо*, *куку мама*, *андыз вож*, *маскануж*, *ия шудо*. Для некоторых марийских названий лекарственных растений впервые были выявлены ранее не рассмотренные принципы номинации. При изучении марийских фитонимов удалось зафиксировать ранее не описанные поверья и суеверия, связанные с названиями лекарственных растений. Впервые для русского, немецкого и марийского языков в сопоставительном аспекте выявлены и описаны фитонимы, которые содержат в себе элементы лингвокультурных и этнокультурных реалий, связанные с народным праздником Ивана Купалы / Ёыван кече / Johannestag.

Теоретическая значимость работы

Результаты диссертационной работы могут быть использованы исследователями, разрабатывающими и изучающими теоретические вопросы языковой номинации и функционирования лексической системы разноструктурных языков.

Изучаемая лексика может представлять определенный интерес и для этнографов, фольклористов, культурологов, так как фармакофитонимы в определенной степени отражают уровень познания народом окружающего мира, служат показателем развития его культуры.

Практическая значимость работы

Материалы диссертации найдут применение в практике преподавания марийского, русского, латинского и немецкого языков в учреждениях высшего и среднего профессионального образования гуманитарного и медицинского профиля. Выводы и иллюстративные материалы могут быть рекомендованы к применению при проведении занятий по таким дисциплинам, как «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Лингвокультурология», «Этнолингвистика», а также спецкурсов по лексикологии и ономастике.

При реализации регионального компонента образования материалы представленной работы могут найти применение в школьном курсе марийского языка, при проведении факультативных занятий по лингвокраеведению.

Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы при составлении многоязычных словарей. Исследования может послужить теоретической основой для аналогичных разработок в области ономастики других финно-угорских языков.

Методология и методы исследования

Сбор материала осуществлялся полевым методом посредством опроса и организации тематических бесед. Из письменных источников материал исследования был извлечен методом сплошной выборки. С целью определения общих и уникальных свойств фармакофитонимов был использован сопоставительный метод с элементами сравнительно-исторического анализа. При выявлении отдельного признака номинации и подтверждения связи названия с денотатом применялся семный анализ. Одним из основных методов является описательный, основанный на наблюдении за фактами анализируемых языков, их классификации и обобщения. Количественный анализ позволил выявить наиболее продуктивные мотивемы и установить отношения между исследуемыми классами и группами фармакофитонимов.

Положения, выносимые на защиту

1. В процессе номинации факты внеязыковой действительности воплощаются в языковой системе. При этом структура и значение языковой единицы отражают общественный опыт носителей языка независимо от типа языка.

2. Фармакофитонимическая лексика марийского, русского, немецкого и латинского языков демонстрирует значительное типологическое сходство, что обусловлено общностью фитоморфологических свойства денотата, а также национальных и лингвокультурных особенностей анализируемых языков.

3. Принципы номинации детерминируются множеством внеязыковых факторов. Для названий лекарственных растений это признаки объекта номинации, среди которых важнейшими являются целебные свойства, строение всего растения в целом и его частей, окраска денотата, территориальные особенности произрастания растения. Каждое наименование актуализирует определенные признаки.

4. Объект номинации получает множество наименований, что объясняется тем, что в каждом из сравниваемых языков в процессе номинации актуализируется несколько признаков.

5. Объект номинации представляет собой сложную совокупность наименований, что определяет образность и экспрессивность фармакофитонимов, и семантизируется рядом причин:

- спецификой самого объекта, его строением, признаками;
- территориальным варьированием названий (4 наречия в марийском языке: северо-западное, горное, луговое и восточное наречия; 2 наречия в русском языке и переходные среднерусские говоры; 3 наречия в немецком языке: нижненемецкое, средненемецкое и южнонемецкое);
- социально-психологической значимостью и популярностью объекта.

Апробация работы

Апробация представленной работы проходила на IV Международной студенческой научно-практической конференции «Язык, литература и перевод в социокультурном контексте» (г. Чебоксары, 2012 г.); Международной научно-

практической конференции «Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований» (г. Москва, 2013 г.); VII Международной научно-практической конференции «Язык и культура» (г. Новосибирск, 2013 г.); Международной научно-практической конференции «Ашмаринские чтения» (г. Чебоксары, 2014 г.); V Международной научно-практической конференции «Закономерности и тенденции развития науки» (г. Уфа, 2015 г.), X Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Языки, культуры, этносы: современные педагогические технологии в формировании языковой картины мира» (г. Йошкар-Ола, 2015 г.).

Основные положения диссертационной работы отражены в 16 публикациях, в том числе в 6 публикациях в изданиях, рецензируемых ВАК Министерства образования и науки РФ, и «Кратком четырехязычном словаре фитонимов (на материале латинского, русского, марийского и немецкого языков».

Структура и объем работы. Диссертационное исследование состоит из введения, 2 глав, заключения, списков словарей и справочников лекарственных растений (85 наименований), литературы (149 наименований) и приложений. Основной текст диссертации занимает 147 страниц компьютерного набора, общий объем работы – 218 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

1.1. История изучения фитонимической лексики в разносистемных языках

Лингвистическая типология исследует не частные, обособленные или единичные случаи сходств и различий в структуре языков, а лишь те, что охватывают широкий круг однородных признаков. Одним из наглядных примеров такого рода исследований могут быть типологические исследования фитонимической лексики в разносистемных языках.

1.1.1. История изучения фитонимов в финно-угорском языкознании

В финно-угорском языкознании степень изученности фитонимической лексики достаточно неравномерна. По мнению И. В. Бродского, наименее исследованы в этом отношении прибалтийско-финские языки: вепсский, ижорский, ливский и карельские наречия; лучше всего исследована и описана фитонимическая лексика языков, имеющих давние письменные традиции [101, с. 3].

Среди трудов по фитонимам в финно-угорском языкознании следует отметить работы А. Н. Ракина по коми фитонимии [174], Г. Вилбасте по эстонской фитонимии [234], П. Сухонена по финской фитонимии [233], А. М. Гребневой по мордовской фитонимии [112], А. С. Ефремова по марийской фитонимии [125], Й. Лиро по карельской фитонимии [230], И. В. Бродского по финно-угорским языкам [101], а также работы Э. Коппонен [228], Р. Карелсона [227], Й. Калима [223-226] и др., посвященные отдельным группам фитонимов в финно-угорских языках.

Первый перечень финских народных названий растений был опубликован в 1673 году Э. Тилландз. Но поистине значимая с научной точки зрения работа «Финские народные названия растений» принадлежит известному финскому собирателю фольклора Х. А. Рейнхольму [232, с. 159-160]. Фундаментальным

собранием финских фитонимов и в настоящее время остается книга П. Сухонена «Финские названия растений» («Suomalaiset kasvinnimet»), вышедшая в свет в 1936 году [233].

В финском языке автором труда «Флора Финляндии» («Flora Fennica. Suomen kasvisto») по определению растений Финляндии является Э. Лённрот [231]. В ходе своих исследований Э. Лённрот столкнулся с рядом сложностей и, в первую очередь, с необходимостью создания названий для многих растений, которые ранее не выделялись народом и на тот период времени не имели финских наименований. Большинство из предложенных им обозначений закрепились в языке и являются основой финской научной ботанической терминологии.

Методика исследований флористической лексики основательно была описана в многочисленных работах выдающихся лингвистов Г. Вилбасте [234] и Ю. Э. Коппалевой (Сюръялайнен) [202, 146]. Авторы работ при изучении фитонимов применяли одновременно целый комплекс методов – описательный, компонентного анализа и историко-этимологического анализа.

Исследованиям **финской** фитонимической лексики, ее структурному анализу и становлению посвящена книга Ю. Э. Коппалевой (Сюръялайнен) «Финская народная лексика флоры (становление и функционирование)» [146]. В ней дается краткая история изучения ингерманландских финских говоров, описываются способы и принципы номинации финских народных названий растений, а также их структурно-словообразовательные модели. Несколькими годами ранее в свет вышел двухтомный «Новый большой русско-финский словарь», содержащий названия наиболее известных и часто употребляемых названий растений [36].

Лексика флоры финно-угорских языков еще мало изучена, и в настоящее время существует ограниченное количество работ по сравнительно-типологическому исследованию фитонимической лексики.

Финно-угорская фитонимическая лексика в **прибалтийско-финских языках** была исследована Р. Карелсоном [227]. Он комплексно рассмотрел основные названия деревьев и привел соответствия в родственных языках.

Эстонские народные названия растений собирал Г. Вилбасте. Им была подготовлена к изданию рукопись «Rahvapärased taimenimesid. Keel ja kirjandus instituut, Emakeele Selts» [234], включающая в себя не только эстонские, но и ряд других названий растений, собранных как на территории Эстонии, так и в ближайших областях. Кроме того, Г. Вилбасте собрал и опубликовал водские названия растений.

Названиям растений в **коми** языке посвятил свою кандидатскую диссертацию «Лексика флоры коми языка» А. Н. Ракин, рассмотрев коми народные названия растений одновременно в нескольких аспектах: этимологическом, семантическом и морфологическом [174]. По теме диссертации им был опубликован ряд статей [172, 173]. В 1989 году издан «Краткий коми-русский и русско-коми ботанический словарь». Как описывает сам составитель, «словарь представляет собой первый систематизированный свод ботанической лексики коми языка. В него вошли материалы из всех доступных письменных и печатных источников, принадлежащих как языковедам, так и ботаникам, из хранящихся в архивах полевых экспедиционных отчетов, а также флористическая лексика говоров коми языка, выявленная автором во время диалектологических поездок в различные районы республики, начиная с 1973 года» [43]. Работа по изучению растительной лексики в коми языке исследователем продолжается до сих пор [175 – 180].

Удмуртские фитонимы в сопоставлении с коми наименованиями исследовал Е. С. Гуляев [113]. О необходимости изучения вопроса систематизации диалектных наименований растений в удмуртском языке свидетельствуют опубликованные научные статьи многих лингвистов, в том числе В. Г. Семенова [187], Л. В. Бусыгиной [104].

Изучением различных пластов лексики, в том числе названий растений в **эрзянском** языке чаще всего в сопоставительном аспекте с другими финно-угорскими языками занимался М. В. Мосин [164].

Автором опубликованного словаря **мордовских** названий растений является О. Е. Поляков [42]. К исследованию флористической лексики в мордовских языках также обращалась А. М. Гребнева. Мордовская флористическая лексика

была рассмотрена ею в аналогичных аспектах: этимологическом, семанто-масиологическом, морфологическом. Кроме того, в ходе написания кандидатской диссертации «Флористическая лексика мордовских языков» ею был составлен реестр мордовских названий и словарь фитонимов с вариантами диалектных названий [112].

Среди работ по изучению **вепсской** лексики можно выделить вышедший в 1913 году небольшой по объему словарь П. Успенского, содержащий ряд фитонимов, относящихся к северновепсскому диалекту [66]. Основные исследования по вепсской диалектной лексике, в том числе фитонимической, начинаются в послевоенные годы. Результатом этих исследований стало издание «Словаря вепсского языка» М. Зайцевой и М. Муллонен, включающего в себя более 400 названий растений [23].

В конце 90-х годов на факультете прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета велась работа по созданию словаря **карельских** названий растений (автор ст. преподаватель Н. Т. Чешейко). К сожалению, словарь не был издан, хотя автором были опубликованы научные статьи, в частности «Названия крапивы в карельском языке» [214]. В 2011 году Т. П. Бойко и Л. Ф. Маркиановой издается «Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие)», включающий в себя, в том числе, основную флористическую лексику [11].

Лексика флоры и фауны в южном наречии **коми-пермяцкого языка** проанализирована в диссертационной работе «Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка» Т. Н. Меркушевой. В ходе сбора и обработки материала был подготовлен специальный вопросник «Названия растений и животных» для работы в полевых экспедициях в поселках Коми-Пермяцкого автономного округа, и по итогам экспедиции сформирован сравнительный словарь лексики флоры и фауны говоров южного наречия коми-пермяцкого языка [161].

Следует отметить, что немногочисленными являются исследования флористической лексики **хантыйского и мансийского языков**. Основные

работы велись по изданию словарей, включающих в себя базовый минимум растительной лексики: в 1952 году издан «Русско-мансийский словарь», в 1958 году опубликован «Мансийско-русский словарь», составленный на основе русской графики, в словаре к словам северо-мансийского (сосьвинского) диалекта даны лексические соответствия (параллели) из южно-мансийского (кондинского) диалекта [7]. В 1982 году выходит в свет первый «Словарь мансийско-русский и русско-мансийский» для учащихся начальной школы [44], вслед за этим в 1983 году (1988 год – 2-е издание словаря) издается «Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский» [62]. В последние годы опубликованы статьи Е. И. Ромбандеевой «Этимология названий деревьев и кустарников в мансийском (вогульском) языке» [182] и В. Н. Соловар «Флористическая лексика хантыйского языка» [194].

Вопросом описания названий растений в финно-угорских языках в сопоставительном аспекте (на материале прибалтийско-финских и коми языков) занимался в ходе своего исследования И. В. Бродский. Целью его диссертационного исследования являлось «комплексное изучение и описание фитонимов как особой лексико-семантической группы в прибалтийско-финских и коми языках, а также исследование способов и закономерностей номинации флористической лексики этих языков» [101, с. 4].

Обращаясь к изучению **марийских** флористических названий, составляющих значительный пласт номенклатуры терминов, можно обнаружить довольно интересное по содержанию научное наследие. Первые письменные памятники датируются XVIII веком, они содержат различный языковой материал, в том числе и названия растений. Г. Ф. Миллер, историк и археолог, член Петербургской Академии наук, во время Сибирской экспедиции (1733-1743) собрал сведения из жизни различных народов. Марийские названия растений содержатся в словарной части третьего тома его «Собрания русской истории» [163]. В 1775 году выходит в свет первая печатная грамматика марийского языка «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка» [195], где наряду с грамматическим материалом богато представлена лексика марийского языка,

включающая также и ботаническую терминологию. Немалый интерес представляют собой рукописные словари XIX века, содержащие малочисленную флористическую лексику, например, «Черемисско-русский словарь», включающий в себя материалы по горному и луговому наречию марийского языка [65].

Наиболее полно фитонимический материал представлен в «Мари мутер» В. М. Васильева, изданном в Москве в 1926 г. (на обложке 1928 г.) [13] и в «Мутер. Русско-марийский словарь», для луговых наречий под редакцией В. М. Васильева и для горных – В. А. Мухина, изданном в Краснококшайске в 1928 г. [34]. Издание этих словарей является значительным событием в языковом строительстве марийского языка.

Со второй половины 50-х годов XX века сотрудниками Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева начинается активная работа по созданию и изданию двуязычных словарей, среди них «Марийско-русский словарь» (1956 г.) [28]; «Словарь северо-западного наречия марийского языка», составленный И. Г. Ивановым и Г. М. Тужаровым (1971 г.) [24]; «Словарь горного наречия марийского языка» А. А. Саватковой, основой словаря послужил еласовский говор, считающийся фундаментом существующего письменного горномарийского литературного языка (1981 г., 2008 г.) [46, 47]; «Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии» В. И. Вершинина (2011 г.) [15]. Во всех перечисленных словарях представлена флористическая лексика марийского языка, включающая в себя в большей или меньшей степени названия травянистых растений, грибов, ягодной флоры, овощей и сельскохозяйственных культур, деревьев и кустарников, снабженных пометой *бот.* (ботаника) и условными сокращениями, обозначающими слова отдельных говоров марийского языка.

С выходом в свет словарей доцента Марийского государственного университета Х. Ф. Балдаева «Русско-марийский словарь биологических терминов» (1983 г.) [8], «Марийско-русский словарь биологических терминов» (2012 г.) [9] сделан определенный шаг в деле упорядочения ботанической

номенклатуры марийского языка; последнее издание словаря содержит также диалектные названия.

Отдельно следует выделить издание двуязычного терминологического словаря А. Ермакова «Кушкыл, янлык, кайык...», ставшего важным событием в марийской лексикографии. Словарь включает в себя более 500 исконно марийских фитонимических названий, распространенных на территории Республики Марий Эл [22]. В 2011 году выходит аналогичный словарь для горного диалекта марийского языка «Кушкыш, йӓн, кек, кол. Растения, животные, птицы, рыбы: кырык марла-рушла, рушла-кырык марла лымдер. Гономарийско-русский, русско-горномарийский словарь» В. А. Бычкова, содержащий более 600 горномарийских названия растений [12].

Этимологию фитонимов в красноуфимских говорах марийского языка в своих статьях рассматривает А. Н. Куклин [150, 151]. Статья М. М. Калямшина посвящена изучению ботанической терминологии мензелинского говора марийского языка [138]. Авторы статей рассматривают историю изучения говора, лексику флоры с точки зрения происхождения, принципов номинации, а также их морфологическую структуру.

Фундаментальным исследованиям марийских фитонимов с семантико-этимологической точки зрения посвящена не только диссертационная работа «Названия растений в марийском языке», но и многочисленные научные статьи марийского лингвиста А. С. Ефремова [125]. В его работах проводится глубокий семантико-этимологический анализ наиболее распространенных фитонимов; выявляются пласты иноязычных фитонимов (заимствования из русского и тюркских языков); рассматриваются параллельно бытующие фитонимы-синонимы в марийском языке, им проведена группировка флористической лексики по принципам номинации на основе семантической мотивировки [119-124, 126-128].

Проанализировав научные труды А. С. Ефремова по марийской фитонимии, можно прийти к следующему выводу, что им впервые был сделан этимологический анализ не только простых односоставных, но и сложных

многосоставных фитонимов; марийские фитонимы были рассмотрены в семантическом, морфологическом и структурном аспектах; проведен словообразовательный анализ марийской флористической лексики.

Таким образом, следует отметить, что первые исследования фитонимов в финно-угорском языкознании проводились в сравнительно-историческом аспекте. Исследователями – финно-угроведами были изучены особенности структуры и семантики флористической лексики. В настоящее время лингвисты и филологи проявляют особый интерес к работам типологического и сопоставительного характера. Накопленный материал и работы по фитонимии отдельных финно-угорских языков открывают широкие перспективы для дальнейших исследований.

1.1.2 Сопоставительные исследования фитонимов в русском и немецком языкознании

На протяжении многих десятилетий в **русском** языкознании также активно проводятся типологические исследования флористической лексики. В последние десятилетия отмечается наибольшее число лингвистических исследований фитонимов именно в сопоставительном аспекте на материале односистемных или иносистемных языков.

В России в 1878 году выходит «Ботанический словарь» Н. И. Анненкова [1], включающий в себя как русские фитонимы, так и названия некоторых растений на финно-угорских языках (финском, карельском, эстонском, мордовском, марийском, коми, хантыйском, мансийском), а также на немецком, английском, французском и ряде тюркских языков. Небольшой ряд синонимов названий растений встречается в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [18-21].

Особый интерес к типологическим исследованиям появляется во второй половине XX века. В связи с этим в свет выходит ряд фундаментальных лингвистических трудов сопоставительного характера, среди которых можно

отметить «Ботанический русско-английско-немецко-французско-латинский словарь» Н. Н. Давыдова [17].

Проблема дифференциации искусственной и естественной номинации фитонимов в русском языке представлена в диссертационной работе В. В. Копчевой «Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале названий растений)». В ходе исследования автором обозначены аспекты номинативной деятельности, а также определены понятия народной и научной номенклатуры, в том числе отдельно выделен термин «условно-символическое наименование», систематизированы принципы и способы номинации в селекционной номенклатуре [145].

Этнические особенности образной номинации фитонимов в славянских, германских и тюркских языках сопоставил и описал в своем исследовании Р. Д. Сетаров [190].

Когнитивно-ономазиологические исследования названий лекарственных растений на материале славянских, германских и романских языков проводит Н. И. Панасенко [169].

Отдельного внимания заслуживает работа В. Б. Колосовой «Лексика и символика народной ботаники восточных славян (на общеславянском фоне). Этнолингвистический аспект». В работе автором описаны основные мотивационные признаки, которые нашли свое отражение в названиях растений, и на основании описанных номинационных принципов созданы этноботанические очерки основных и наиболее распространенных лекарственных растений, произрастающих одновременно в Европе и России [141]. Результатом дальнейших исследований по теме диссертации стала публикация в 2009 году одноименной монографии, включающей в себя дополнительный раздел «Взаимодействие кодов традиционной культуры» [142].

XXI век является веком информационных и коммуникационных технологий, все больше лингвистических словарей представлено в электронном виде или размещено в сети Интернет. Лексикографический анализ фитонимической лексики английского и русского языков в электронных глоссариях, принципы

построения многоязычных словарей подробно описаны и систематизированы в научной работе Н. А. Сиваковой [191].

Вопросам исследования этимологии элементов сакральности во флоронимах русского языка посвящены работы Т. Н. Бурмистровой [103], И. В. Родионовой [181]. Краткий анализ специфики лексического состава семантического поля «флора» отражен в диссертации С. Ю. Дубровиной «Христианская лексика в диалектах русского языка» [118]. Следует отметить, что в это же время кандидатом фармацевтических наук И. Н. Сокольским на основе Священного Писания издана книга «Прекрасные растения Библии», рассказывающая об упомянутых в Библии растениях. Автором подобраны цитаты из Библии, дается их толкование, приводятся легенды и поверья, связанные с этимологией латинских фитонимов [193].

Названия экзотических растений в сопоставительном аспекте на материале русского и английского языков были изучены и систематизированы А. В. Берестневой. В диссертационной работе «Названия экзотических растений в английском и русском языках: структурно-словообразовательный и номинативно-мотивационный аспекты» представлен структурно-словообразовательный анализ лексико-семантической группы «названия экзотических растений» в английском и русском языках и обозначены мотивационные признаки экзофитонимов в процессе номинации [97].

По материалам диссертационного исследования «Структурно-семантические и мотивационные свойства флоронимов в английском и французском языках» [94] Т. Д. Барышникова издает «Этимологический четырехязычный словарь растений», в котором латинские фитонимы располагаются в алфавитном порядке и к каждому из представленных фитонимов даются эквиваленты в русском, английском и французском языках с краткой этимологией. Словарь содержит более 200 основных названий растений [10].

Процесс номинации фитонимов русского и адыгейского языков в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах был рассмотрен в диссертационной работе А. А. Хатхе «Номинации растительного мира в когнитивном и

лингвокультурологическом аспектах (на материале русского и адыгейского языков) [208]. По материалам исследования автором была издана одноименная монография [209].

Различные модели и процесс формирования переносных значений фитонимов в английском, французском и русском языках исследованы в работе А. Г. Дементьевой [116].

Во второй половине XX – начале XXI столетия зафиксировано большое количество работ по исследованию названий растений в диалектах русского языка. Одной из значимых работ в русском языкознании по исследованию названий растений в диалектах русского языка можно считать работу В.В. Иванова, посвященную фитонимам средней полосы России. В работе представлен лексико-семантический анализ названий растений, выделены мотивировочные признаки, используемые при номинации растений в калужских говорах. Автором отдельно выделены названия растений, которые претерпели изменения под влиянием народной этимологии [134].

Позже исследования по фитонимике калужских говоров проводились также О. В. Смирновой, по итогам данных лингвистических исследований автором был составлен лингвистический атлас «Лексика растительного мира в северо-восточной части Воронежской области» [192].

Многолетний интерес В. Г. Арьяновой к исследованию диалектной лексики нашел свое отражение сначала в диссертационном исследовании «Фитонимика говоров Среднего Приобья (структурно-семантическая характеристика)» [93], позже в многочисленных научно-исследовательских работах. О. И. Блинова в биографической статье, посвященной памяти В. Г. Арьяновой, упоминает о том, что Валентина Григорьевна внесла неоценимый вклад в процесс создания и формирования томской лексикографической школы [98, с. 104]. При ее непосредственном участии проводилась работа по созданию множества словарей, таких как «Словарь русских старожильческих говоров» [61], «Среднеобский словарь» [63], «Полный словарь сибирского говора» [41] и многих других. Поистине фундаментальным трудом Валентины Григорьевны в исследовании

фитонимов считается 3-томный «Словарь фитонимов Среднего Приобья» [2, 3, 4] и «Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья» [5]. Названия растений в «Словаре фитонимов Среднего Приобья» даются в алфавитном порядке. Как отмечает рецензент словаря Г. В. Калиткина, заглавная статья включает в себя «собственно среднеобскую диалектную лексику, диалектные варианты общерусских фитонимов и общерусские названия (в том числе единицы ботанической номенклатуры)» [137, с. 125].

В словарной статье представлена также краткая ботаническая характеристика растения в целом, дан иллюстрированный материал народно-разговорной сибирской речи. Глубокий анализ структуры словаря фитонимов отражен в статье О. И. Блиновой «Словарь фитонимов Среднего Приобья» как источник диалектной мотивологии» [100].

Результатом изучения флористической лексики говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте явилась диссертационная работа Н. И. Коноваловой [144]. Систематизация собранных фитонимов, последующие исследования по теме диссертации нашли отражение в издании «Словаря народных названий растений Урала». Словарь содержит около тысячи диалектных фитонимов. В словарных статьях дается указание на сакральные компоненты, для некоторых названий растений приводятся легенды с целью объяснения их этимологии [25].

Диссертационное исследование Н. И. Налётовой посвящено изучению и проведению глубокого словообразовательного и лексикографического анализа названий растений в псковских говорах. Отдельным томом к диссертационной работе была подготовлена классификация растений, определены структурные особенности диалектных названий растений и составлена картография псковских фитонимов [167].

Этимология и систематизированный лексико-семантический анализ флористической лексики елецких говоров был представлен в научной работе Ю. Ю. Саввиной «Фитонимическая лексика елецких говоров» [185].

Исследования фитонимической лексики в немецком языке также являются актуальными уже на протяжении нескольких десятилетий. Немецкими и русскими филологами опубликован целый ряд научных работ, а также изданы лингвистические словари. Для исследования немецкой флористической лексики нами в ходе работы использовался «Этимологический словарь ботанических названий растений» (Etymologisches Wörterbuch der botanischen Pflanzennamen») Г. Генауста [77], содержащий названия основных лекарственных растений, объясняющих этимологию фитонима. Лингвистический «Словарь лекарственных растений» А. Ю. Болотиной содержит около 12000 латинских, русских, английских и немецких фармакофитонимов. Базовыми в данном словаре являются латинские фитонимы, к которым даны эквиваленты на русском, английском и немецком языках [50]. Богатый синонимический ряд русских и немецких названий растений широко представлен также в «Монографии ВОЗ о лекарственных растениях, широко используемых в Новых независимых государствах» [33].

Исследования флористической лексики в немецком языке представлены в большей степени в сравнительном аспекте с русским языком и языками романской группы.

Изучению гносеологических основ номинативных процессов и истоков гетерономинативности в семантическом поле номинации фитонимов на материале современного немецкого языка посвящена диссертационная работа Н. Б. Кудрявцевой. В ходе работы также была определена типология немецкой ботанической лексики и мотивационные признаки номинации немецких фитонимов [147]. Описание этнокультурного компонента номинативного процесса немецкой и русской фитонимической лексики в сопоставительном аспекте представлено в научной статье «Фитонимическая лексика в аспекте межкультурной коммуникации» [148].

Цель исследовательской работы К. Т. Гафаровой «Сопоставительный анализ фразеологических единиц с зоонимами и фитонимами в таджикском, немецком и русском языках» заключалась в выявлении типологических сходств и различий

во фразеологических фитонимах и зоонимах на материале структурно отдаленных языков [109, с. 8].

Особенности номинации элементов растительного мира в научной ботанической терминологии и разговорной речи в разноструктурных языках рассмотрены А. А. Хатхе и А. Н. Абреговым в работе «Научные и народные названия растений в английском, немецком, русском и адыгейском языках» [210].

Отдельных диссертационных работ по изучению латинских фитонимов нами выявлено не было. Но следует отметить, что латинские названия растений являются научными, поэтому в ходе типологических исследований лингвисты прямо или косвенно касались их этимологии и словообразовательного анализа. Для изучения этимологии латинских названий лекарственных растений были использованы «Этимологический словарь латинских ботанических названий растений» авторов Е. И. Светличная и И. А. Толок [48], «Латинский этимологический словарь» А. Вальде [82].

Таким образом, основываясь на аспектах ономастических исследований, дифференцированных А. В. Суперанской [201, с. 221], типологические исследования фитонимов в анализируемых языках можно разграничить по следующим основным направлениям: терминологическое (В. В. Копчева), типологическое (Р. Д. Сетаров, Н. И. Панасенко, Т. Д. Барышникова, А. Г. Дементьева), лексикографическое (Н. А. Сивакова, А. В. Берестнева), социологическое (Т. Н. Бурмистрова, И. В. Родионова). Географический аспект ономастических исследований подчеркивает ареальные особенности изучения флористической лексики (В. Г. Арьянова, В. В. Иванов, Н. И. Коновалова, Н. И. Налётова).

1.2. Терминология номинации

Непрерывное развитие современного общества ставит перед языкознанием задачу обеспечения всех областей жизнедеятельности человека новыми наименованиями. Раздел лингвистики, занимающийся процессом присваивания языковых наименований различным реалиям действительности и фактам

сознания, называют ономасиологией или теорией номинации [30, с. 266]. Предметом ономасиологии является изучение и описание общих закономерностей образования языковых единиц, взаимодействия мышления, языка и действительности в этих процессах, роли человеческого фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации, исследование языковой техники номинации – ее актов, средств и способов, построение типологии номинации, описание её коммуникативно-функциональных механизмов и т. д. [203, с. 336].

Центральное понятие ономасиологии – номинация. Как и многие другие лингвистические термины, термин «номинация» является многозначным. Многозначность термина отражается в разноаспектном комплексе его изучения. В языке существует определенная сложившаяся техника номинации, определенные средства и способы обозначения предметов и явлений окружающей действительности. В связи с этим в настоящее время под термином номинация (лат. *nominatio* ‘наименование’) в лингвистике понимают: 1) процесс наименования, конкретное соотнесение слова с данным референтом [6, с. 261]; 2) результат процесса номинации, само наименование; 3) раздел лингвистики, который исследует структуру актов номинации [203, с. 336]. Таким образом, номинация – это «процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами» [107, с. 237]. Кроме того, следует отметить, что номинация тесно связана с понятием денотата, который определяет содержание номинации [166, с. 8].

Разработкой проблемы номинации, изучением вопроса наименования фрагментов окружающей действительности с помощью слов и целых высказываний с точки зрения ономасиологического подхода начали глубоко и детально заниматься лишь в XX веке представители отечественной (В. Н. Телия, А. А. Уфимцева, Е. С. Кубрякова, Э. С. Азнаурова, Н. Д. Арутюнова, Л. С. Ковтун, Г. В. Колшанский, Б. А. Серебренников, В. Г. Гак, В. Матезиус, Л. В. Щерба, Д. Н. Ушаков, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин, О. И. Блинова) и зарубежной лингвистических школ (У. Вайнрайх, С. Ульманн). Всему этому способствовали несколько значимых фактов: 1) окончательное оформление

языкознания, как самостоятельной научной дисциплины, его структурирование, выделение в нем таких областей как фразеология, семантика, стилистика, которые неразрывно связаны с проблемами наименования и словообразования;

2) появление аналитического направления в философии, которое значительно обогатило не только теорию языка вообще, но и теорию номинации в частности [154, с. 25].

Во второй половине XX века лингвисты обратили внимание на вторичную, косвенную, событийную, фразовую и анафорическую номинацию. Результаты многолетних исследований в данной области были отражены в коллективной двухтомной монографии «Языковая номинация», где впервые был представлен глубокий и многогранный анализ как самого явления номинации, так и основных видов наименований. В первой книге «Языковая номинация. Общие вопросы» авторы раскрывают такие базовые аспекты языковой номинации, как лингвистический, познавательный и семантико-этимологический, а также подробно освещают проблемы определения и выбора признака наименования средствами разных языковых уровней [220]. Вторая книга «Языковая номинация. Виды наименований» описывает особенности процессов номинации и ее единиц на каждом из значимых уровней языка. Авторы монографии выделяют типы лексической номинации и ее языковой техники, процессы словообразовательной номинации [221].

Относительная устойчивость и определенность языковой системы, обеспечивающая возможность сохранения и передачи знаний о мире, обуславливающая возможности взаимопонимания между носителями языка, определяется, прежде всего, двумя факторами, лежащими в основе всякой номинации: абстрагирующим характером лексики и полифункциональностью ее единиц.

Выбор признака, лежащего в основе номинации, может быть существенным в момент самой номинации. Признак влияет также на длительность существования созданного на его основе наименования и на складывающиеся в лексике системные связи. Однако он не может влиять на абстрагирующий и

обобщающий характер самого слова. Естественно, с развитием языка меняется степень и характер самой абстракции и обобщения. Этимологическая изоляция слова в результате забвения его внутренней формы нередко является одной из причин его семантического изменения. Кроме того, язык обладает способностью при помощи ограниченных средств фиксировать и передавать всю безграничность человеческого опыта. В плане номинации эта особенность выражается в возможности слова передавать несколько значений, выступая тем самым одновременно в качестве различных единиц номинации. Таким образом, распределение семантического пространства происходит по неоднородным в плане материального выражения единицам номинации, что, в свою очередь, не влияет на их номинативную сущность. От соотношения данных единиц, удельного веса каждого из различных типов номинации во многом зависит устройство лексической системы в каждый момент его существования. Этими же особенностями определяются пути и способы образования новых обозначений [196, с. 5-6].

В структуре наименования В. Г. Гак выделяет три основных аспекта: значение или соотнесенность с определенным объектом; смысл или внутренняя форма обозначения; объем понятия. Логично, что объем и смысл номинации тесно связаны друг с другом, так как процесс их формирования зависит, прежде всего, от выделяемых в объекте признаков. Но с другой стороны, они не равнозначны, так как одно и то же понятие может быть обозначено наименованиями с разной внутренней формой. В таком случае можно отметить, что типология номинации основывается на характере обозначаемого объекта, на внутренней форме наименования и на собственно семантической стороне номинации [107, с. 239].

Акт номинации базируется на мышлении и психологии восприятия субъекта. Фиксация в сознании субъекта тех или иных внеязыковых признаков, которые могут послужить основанием для номинации, является генетической, то есть фиксация запрограммирована самой природой человеческого восприятия. Человек способен выделить только те стороны явления или предмета, которые могут восприниматься основными органами чувств. В процессе познания,

выявляя ряд свойств предмета (объекта), человек начинает «выделять одно свойство или небольшое число свойств в качестве наиболее информативных» [132, с. 316], что позволяет ему в дальнейшем легко выявлять данный предмет в ряду других. Это могут быть самые обычные, но непременно яркие и бросающиеся в глаза признаки.

Под процессом номинации принято понимать, с одной стороны, сознательный акт называния, присвоения имени явлению внеязыковой действительности, а с другой – появление такого имени вообще вне зависимости от целевых установок носителя языка, от осознанности им самого факта возникновения новой номинативной единицы. Нормативные единицы могут формироваться в языке в результате целеполагающей языкотворческой деятельности человека, в том числе и как следствие разного рода формальных и семантических трансформаций имеющегося языкового материала.

В зависимости от отправной точки исследования различают ономазиологический подход к проблемам номинации, когда за исходное берется отношение «реалия (денотация) – смысл (сигнификат) имени», или семасиологический, при котором смысл имени рассматривается как способ вычленения и называния реалии (или класса реалий, денотата) [203, с. 367].

Остановившись более подробно именно на ономазиологическом подходе при изучении процесса номинации, следует отметить, что он предполагает исследование языковых единиц с позиции их перевода внеязыкового содержания в определенную языковую форму. Тем не менее, важным аспектом исследования номинации является не столько поиск форм объективации значения или смысла, сколько изучение принципов и способов построения этих языковых форм – знаков. Таким образом, номинация в ономазиологическом понимании является процессом обращения фактов действительности в языковые значения, которые не только отражают в сознании носителей языка их социальный опыт [158, с. 44-56], но и принимают во внимание национальные специфические особенности, что в свою очередь является одной из основных задач лингвистики [107, с. 240].

В ономасиологии номинацию можно подразделить на несколько видов. В зависимости от ситуации контекста В. Г. Гак выделяет три основных типа номинации: 1) ситуативно обусловленная номинация, зависящая от знаний данной ситуации собеседниками; 2) синтагматически обусловленная номинация, которая зависит от других слов и связывается синтаксически; 3) повторная номинация, зависящая от ранее произведенного наименования того же элемента ситуации. В. Г. Гак описывает различия между первыми двумя типами следующим образом: «в первом случае опора при наименовании производится только на ситуацию, во втором – на ситуацию и на контекст» [107, с. 22].

Н. И. Мигирова в своих исследованиях выделяет также три основных типа номинации: 1) прямая и косвенная номинация; 2) узуальная и окказиональная; 3) словесная, синтагматическая и фразовая номинация. Обозначенная автором классификация основана на таких признаках деления как характер внутренней формы, частота употребления, структурные особенности [162, с. 45].

В зависимости от разновидности базовых слов принято выделять первичную и вторичную номинации. Под первичной номинацией понимают акт присвоения имени предмету, еще не имеющему своего языкового обозначения и только ждущему его. Вторичная же номинация представляет собой не что иное, как название новым именем уже названного предмета [129, с. 50]. Некоторые исследователи (В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия) между первичной и вторичной номинациями проводят дифференциацию на уровне слова и его значения, а также словосочетания (первичная номинация) и предложения (вторичная номинация).

Первичная или изначальная номинация выявляет обозначение элементов действительности на предметном и на событийном уровне при помощи непроемных слов. Непроемыми являются слова, которые в синхронном плане осознаются носителями языка как первообразные, т. е. не образованные от других слов, обозначающие фрагменты окружающей нас действительности непосредственно, немотивированно [219, с. 172-177]. Акты прямой номинации одновременно «сопряжены с опредмечиванием человеком объективного мира»,

связаны со всеми периодами его общественной и трудовой деятельности, а также с выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете познания [207, с. 8].

По мнению В. Н. Телия, изначальные процессы номинации крайне редко представлены в современных языках. Номинативный инвентарь языка пополняется, в первую очередь, за счёт заимствований или так называемой вторичной номинации. Таким образом, в акте номинации уже существующие номинативные единицы используются в новой для них функции. Способы вторичной номинации могут различаться характером соотношения «имя – реальность» в зависимости от используемых при создании новых имен языковых средств [203, с. 366]. Возникновение у предмета второго имени может быть обусловлено различными причинами, из которых наиболее важными являются моменты экспрессии и установка на экономию речевых средств [129, с. 50].

Так, А. П. Пересыпкин выделяет новый аспект изучения вторичной номинации, который «интегрирует лингвистический аппарат современной лингвокультурологии и традиционной этимологии» [170, с. 54]. Основываясь на данном подходе, можно выявить базовую основу, расположенную между замыслом высказывания и его речевой реализацией в конкретной коммуникативной ситуации.

Вторичная номинация обладает разным характером номинативной ценности. В соответствии с этим она может иметь самостоятельную и несамостоятельную номинативную ценность, что позволяет говорить о двух разновидностях вторичной номинации: непрямой (автономной) и косвенной (неавтономной). В результате непрямой номинации образуются номинативно-производственные значения слов (непрямое отображение внеязыкового объекта). Для образования косвенной номинации обязательна поддержка вспомогательного наименования. Отличие косвенного наименования от номинативно-производного заключается в самой структуре наименования.

Традиционно к единицам вторичной номинации относят метафору, метонимию и фразеологические выражения. Вторичные косвенные наименования

могут быть однословными (метафоры-слова, метонимия) и составными (метафоры-словосочетания, метафоры-предложения) [211, с. 120]. Природа метафоры обусловлена возможностью возникновения оценочного смысла в процессе «метафоризации». Для того чтобы метафора стала оценкой, денотат тоже должен входить в «ценностную картину мира» и включаться в субъективно-объективные отношения [106, с. 56]. Таким образом, метафора, являясь способом вторичной косвенной номинации, объединяет элементы языкового и культурного знания; семантика метафорической единицы, в свою очередь, выявляет национальное и культурное пространство носителей языкового сознания.

В основе всех видов вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления. В актах вторичной номинации устанавливаются ассоциации по сходству или по смежности между некоторыми свойствами элементов внеязыкового ряда и свойствами нового обозначаемого, называемого путем переосмысления этого значения. Ассоциативные признаки, актуализируемые в процессе вторичной номинации, по мнению В. Н. Телия, могут соответствовать компонентам переосмысляемого значения, а также таким смысловым признакам, которые соотносятся с фоновым знанием носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения [203, с. 367].

Таким образом, первое упоминание какого-либо явления речи становится первичной номинацией. Вторичная номинация, как способ переосмысления явлений действительности, при помощи языковых средств позволяет выразить свое отношение к реальности. Кроме того, вторичная номинация является важным источником пополнения словарного состава. Это обусловлено существованием в языке большого количества различных способов номинации, дополняющих друг друга. Система вторичной номинации, затрагивая механизм изменения значения слова, организуется в систему вторичного концептуального переосмысления и объединяет лингвистические и экстралингвистические факторы, что определяет ее национальный характер.

В. В. Копчева в своей работе впервые провела четкую дифференциацию понятий «естественная» и «искусственная» номинации для названий растений.

В основе разграничения естественной и искусственной номинации, по ее мнению, должно лежать противопоставление стихийно возникшего, автоматически появившегося языкового знака и специально созданного [145, с. 36].

Естественная номинация представляет собой сознательно неконтролируемый процесс и во многом не зависит от воли субъекта. А соотношение субъективных и объективных факторов, в свою очередь, склоняется в целом в сторону объективно существующих и действующих закономерностей. Для искусственной номинации характерно наличие сознательных установок. Такая номинация всегда преследует определенную цель, а не является просто реализацией потребности вербального выделения предмета в ряду подобных.

Н. П. Ульянова с точки зрения соотношения стихийного и сознательного в механизмах языковой номинации также выявляет естественную и искусственную номинацию [206].

Различие параметра «осознанности – неосознанности» новизны лингвистической единицы, которая несет номинативную функцию в момент ее появления в данном языке, может служить одним из параметров классификации номинаций. Другим параметром может быть стандартность – нестандартность номинации, ее соответствие или несоответствие норме языка. Комбинирование различных значений обозначенных параметров дает возможность выделить следующие классы номинации:

1) нормальные номинации, которые охватывают наибольшее количество вновь появляющихся в языке номинативных единиц. Такие номинации соответствуют нормам и в момент своего появления в речи обозначаются как новые;

2) мутации или номинации, которые характеризуются регулярностью, стандартностью и возникают в языке незаметно для его носителя (метонимические переносы, некоторые виды конверсий, устные заимствования и т.д.);

3) искусственные номинации, создаваемые сознательно с нарушением стандартов (контаминации, образованные путем междусловного наложения,

случаи замены однословных наименований фонетически близкими словами в арготических подсистемах и т.д.);

4) «патологические» номинации, возникающие как следствие всякого рода помех вне- и внутрilingвистического характера (явления формального преобразования слов под давлением ложной этимологизации) [129, с. 48].

Использование данных понятий в ономазиологии дает возможность для рассмотрения номинативной деятельности не только как самостоятельной отрасли наречения каких-либо объектов, но и как особое явление осознанного и преднамеренного воздействия человека на формирование ономастического пространства. Таким образом, естественная номинация является результатом привычных, регулярно используемых семантических либо словообразовательных моделей, а искусственная номинация предстает сознательным отступлением от правил. Хотя использование искусственной номинации не всегда представляет собой отступление от языковых норм.

Целесообразно рассматривать номинативные единицы в их связи с конкретным контекстом деятельности и фоновыми знаниями участников речевого взаимодействия, так как обозначение остается средством, а не целью речевого высказывания [217, с. 289].

Выводы по первой главе

Исследования флористической, в том числе фармакофитонимической лексики ведутся лингвистами уже на протяжении нескольких десятилетий, но будет неправильно однозначно утверждать, что выбранная нами лексико-семантическая группа «названия лекарственных растений» изучена полностью. Фундаментальные труды в русском, германском и финно-угорском языкознании дают дальнейшие предпосылки и открывают новые перспективы для исследования и описания флористической лексики в сопоставительном аспекте.

В финно-угорском языкознании изучены отдельные группы фитонимов; проведен словообразовательный, семантический, морфологический и историко-

этимологический анализ названий растений. Значительными являются достижения в лексикографии, однако следует отметить, что работы, посвященные описанию названий растений, в финноугристике остаются не многочисленными. В марийском языкознании практически отсутствуют сопоставительные исследования, объектом которых является фитонимическая лексика.

Типологические исследования фитонимов более активно осуществляются в русском языкознании; исследователями проведена дифференциация искусственной и естественной номинации фитонимов; в круг сопоставляемых вовлекаются два и более языка. Исследования фитонимической лексики в немецком языкознании проводятся в сравнительном аспекте.

Ряд теоретических проблем ономазиологии, в том числе сопоставительной, остается неразрешенным. Среди таких вопросов следует отметить многозначность самого термина «номинация». Представители лингвистических школ находят различные точки зрения при интерпретации базовых понятий теории номинации и классификации анализируемого материала.

Номинация – сознательный акт называния, явление внеязыковой действительности. И в то же самое время номинация зависит не только от целей носителей языка, от осознанности факта появления номинативной единицы. Этот процесс имеет национальные особенности. Исследования сопоставительного характера двух и более языков могут внести существенный вклад в решение задач как ономазиологии, так и семасиологии. Проводимые лингвистические исследования, направленные на решение основных задач теории номинации, должны помочь систематизировать существующую терминологию и создать целостную однозначно интерпретируемую теорию номинации.

ГЛАВА 2. ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ФАРМАКОФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Закономерности номинативного процесса имеют универсальный характер и охватывают словарный состав любого языка вне зависимости от типологических особенностей и его генетической принадлежности [205, с. 4]. В процессе номинации выделяются такие категории, как способ номинации и принцип номинации, при участии которых, наряду со средствами номинации, и формируется единица номинации. Понятие «принцип номинации» обобщает мотивировочные признаки, по которым происходит наименование.

Мотивировочный признак – это «один из объективных признаков самой реалии, выделяемый как «представитель» всей совокупности ее признаков, способный наиболее ярко охарактеризовать данный предмет в ряду ему однородных» [111, с. 96]. Признаки делятся на основные, производные от них и случайные. Мотивировочные признаки обычно выделяют для практической дифференциации [105, с. 159].

Различное сочетание обозначенных компонентов обуславливает многообразие названий [159, с. 78].

Понятие «принцип номинации» широко используется в современной ономазиологии под разными терминами. Под «принципом номинации» понимают отдельные стороны группы предметов, объединенных тематически. В них прослеживаются закономерности называния реалии в различных группах лексики. О. И. Блинова дает следующее определение понятию «принцип номинации – это исходное положение, правила, которые формируются на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для новых наименований» [99, с. 98.].

В ономазиологии существуют другие названия для обозначения данного понятия – тип мотивировочных признаков, способ номинации, мотив, разряд номинации [111, с. 96]. В ряде ономазиологических работ не прослеживается

четкого разграничения понятий «принцип номинации» и «способ номинации». Некоторые лингвисты в своих исследованиях употребляли термины «тип номинации» (Д. С. Сератов [189, с. 3]) или «мотивема» (М. М. Гинатуллин [110, с. 11]). В своей работе мы придерживались концепции М. М. Гинатуллина в определении понятия «мотивема – обозначение класса гомогенных мотивов» [110, с. 10].

Мотив нами рассматривается как конкретное воплощение мотивемы. Выбор мотива детерминируется тремя факторами: а) признаками денотата (объективная сторона номинации); б) намерениями номинатора (субъективная сторона номинации, которая детерминируется социальными, идеологическими, профессиональными, возрастными особенностями, следовательно, выбор мотива коммуникативно-ориентирован); в) словообразовательными моделями – структурно-семантическим типом языка, его системой [184]. Из рассматриваемых нами языков русский, латинский и немецкий языки являются флективными, марийский язык – агглютинативным.

Связь принципов номинации именно с языковыми факторами представляет большой интерес для лингвистики, так как мотивировочные признаки в процессе номинации становятся ономаσιологическими, базируясь на внутренней форме слова, и семасиологическими единицами. Эта связь может проявляться в отношениях принципов номинации с формами синтаксической объективации, со способами номинации, а также с различными словообразовательными аспектами.

Но не следует ограничиваться только лингвистическими аспектами изучения принципов номинации, так как непосредственно определяющими для них являются внеязыковые факторы. Сам процесс выделения принципов номинации и их классификации основан на свойствах и признаках самих реалий [111, с. 96].

Термин «способ номинации» также трактуется по-разному. Некоторые лингвисты (А. А. Уфимцева, Н. Д. Арутюнова, Э. С. Азнаурова, А. Ф. Журавлев, О. П. Ермакова) под способом номинации понимают способы создания наименований. Другая группа исследователей (О. И. Блинова, Н. Д. Голев,

Р. Я. Иванова, В. В. Копчева) определяют этот термин как прием реализации принципа номинации, представленного мотивировочным признаком [219, с. 175].

Как отмечает В. А. Меркулова, лексика фитонимов номинативна по своей природе и неразрывно связана с действительностью. Типичная семантическая модель для названий отдельно взятого растения или целой группы, положение единиц в микрополе, типичные связи значения являются отражением реальных свойств растений: их внешней формы и строения, цвета, вкуса, запаха, характера цветения, их употребления в пищу и т.д. [159, с. 83].

Следует отметить, что теория номинации предоставляет и открывает исследователям новые возможности рассматривать различные единицы и типы номинации на материале конкретного номинативного ряда.

Противопоставление и объединение признаков по определенному ярко выраженному качеству способствует образованию в каждой тематической группе названий специфически ограниченного набора принципов номинации, которые отражают «повторяющиеся, устойчивые, типичные этимологические признаки для членов данной группы» [159, с. 72]. Многообразие принципов номинации обусловлено богатством содержания обозначаемых реалий, разнообразием и непостоянством их отношений с носителями языка [218, с. 106]. Для понимания механизмов номинации важно выделить конкретные признаки и свойства растения, которые обусловили их функции и проявили себя в народных названиях лекарственных растений, в связи с этим логично сгруппировать растения по их признакам, отмеченным в языке и культуре.

Из основных типов функциональной значимости (номинативной, коммуникативной, прагматической) в составе названий лекарственных растений ведущим выступает прагматический. На первом плане оказывается практическое применение реалии, следовательно, лексема должна удовлетворять следующим требованиям: легкая запоминаемость (этому способствуют и метафорические лексемы); способность отражать наиболее существенные свойства денотата (строение всего растения и / или отдельных его частей); быстрое и безошибочное обнаружение среди множества реалий (сравнение частей реалии с частями тела и

(или) органами животных, птиц; окраска денотата; вкусовые и обонятельные характеристики растения); целебные свойства (для правильного и эффективного применения растения) и т.д. Таким образом, в акте номинации выбор признака является важным и значимым.

На основе наиболее существенных признаков номинации можно выделить наиболее продуктивные мотивемы. В названиях лекарственных растений анализируемых языков в данном исследовании были выявлены, проанализированы и описаны следующие мотивемы: 1) мотивема «Применение в медицине»; 2) мотивема «Бытовое использование»; 3) мотивема «Вкус и запах»; 4) мотивема «Внешний вид»; 5) мотивема «Место и условия произрастания»; 6) мотивема «Время цветения»; 7) мотивема «Цветообозначение»; 8) мотивема «Фаунистическая лексика»; 9) мотивема «Народные поверья, суеверия»; 10) мотивема «Религиозные верования»; 11) мотивема «Антропоним».

2.1. Мотивема «Применение в медицине»

Народная медицина имеет глубокие корни, на протяжении многих столетий из поколения в поколение люди передавали свои знания о целебном воздействии лекарственных растений. Познание целебных свойств растений давало людям возможность применять многие из них в качестве основного лекарственного средства. Источником современных медицинских знаний стал, безусловно, многовековой народный опыт врачевания. Не случайно на сегодняшний день фитотерапия по-прежнему является одним из ведущих способов лечения заболеваний различной этиологии.

Внутри указанной лексико-семантической группы фармакофитонимов в разносистемных языках могут быть выделены отдельные подгруппы с общим мотивировочным признаком. Это значит, что в основном мотивировочный признак не является случайным, а отражает характерные свойства самой реалии. Выявлению основы номинации помогает знание признаков и свойств самого предмета.

2.1.1. Фитонимы, подчеркивающие универсальность применения в медицине

Отражение в фармакофитонимах универсальности применения в медицине обусловлено, в первую очередь, способностью растения лечить заболевания различной этиологии, избавить от недомогания и придать человеку бодрость и силы.

Так русский фольклорный фитоним *бедренец* [1, с. 4] для обозначения **тысячелистника** мог произойти, по мнению В. А. Меркуловой, от праславянского корня *bedr-* ‘сила, здоровье, бодрость’ [160, с. 66]. Ср.: рус. *бидрик* [3, с. 155].

Русские фитонимы для номинации **алоэ доктор, домашний доктор, дохтур** [2, с. 20] говорят сами за себя.

Родовое название растения **алтей** *Althaea* могло произойти от греч. *althainein* ‘исцелять, лечить’ [77, с. 53], заживляющие свойства реалии нашли отражение в немецком и русском языках – *Apothekerstockmalve* (нем. *der Apotheker* ‘аптекарь, фармацевт’), *Heilwurz* (нем. *heilen* ‘лечить, заживлять’), *Heimischwurz* (нем. *heimisch* ‘домашний, местный; мед. эндемический’) [50, с. 15], *алтей лекарственный, алтейная трава* [1, с. 26], *алтей аптечный* [50, с. 15].

Русское название растения **дягиль** могло произойти от слов *дяглый* ‘крепкий, здоровый, сильный’, *дягнуть* ‘поправляться, выздороветь’ или от праславянского *degili* ‘растение с лекарственным действием’ [67, с. 561]. Ср.: рус. *дягиль лекарственный, аптечный дягиль, дяглица* [160, с. 59-60].

Средневековые травники называли **полынь** *матерью всех лечебных трав, травинкой над травинами, царской травой* [143, с. 40], *нерохвоц* [3, с. 92]. Ср.: латинское родовое название *Artemisia* (греч. *artemes* ‘здоровый’). По одной из версий, латинское название может быть производным от имени царицы Карики *Артемизии*, которая исцеляла от болезней полынью горькой [149, с. 207].

Ромашку в народе называют *сестрой милосердия*: «стоит цветок ромашки посреди поляны в белом чепчике, словно предлагает в фаянсовой чашечке спасительную настойку» [165], а **живокость** – рус. *царь-зелье, царь-сил* [1, с. 124].

Трава **зверобоя** издавна употребляется для лечения многих заболеваний, особенно в сочетании с другими растениями. В народе говорят «Как без муки нельзя испечь хлеба, так без зверобоя нельзя лечить многие болезни людей и животных» [142, с. 160]. Ср.: рус. *трава от «девяноста девяти болезней»* [32, с. 669], *хворобой* [1, с. 172], *здорова-трава* [18, с. 674].

Одним из самых древних лекарственных растений является **подорожник**, обладающий многосторонним целебным действием: рус. *лечебная трава, лечебник, доктор* [142, с. 204].

К универсальным лекарственным растениям можно отнести также **лапчатку** – лат. *Potentilla* (лат. *potentia* ‘сила, мощь’) [48, с. 190]; **одуванчик** – рус. *жизненная сила, жизненный эликсир* [48, с. 232]; **валериану** – рус. *болячник* [45, с. 242]; *хадрейник* [1, с. 372], лат. *Valeriana* (лат. *valere* ‘быть здоровым, здравствовать’) [48, с. 246], рус. и мар. *валериана* [27]. Ср. тж: рус. изм. *аверьянка, верьяновка* [2, с. 45], *балдырьян* [1, 372], нем. *Baldrian* [50, с.155], *Ollerjan* [83, с. 98].

В названии фитонима **девясил** отразилась магия числа «девять». Предполагалось, что растение излечивает от девяти недугов, дает человеку «девять сил» [160, с. 105]. Ср.: рус. *дивуха* [52, с. 51], *девясильный корень* [1, с. 176], *девятинка* [51, с. 324], *девятильник* [160, с. 105]. Немцы уважительно называют девясил *Edelwurz* (нем. *edel* ‘благородный, знатный’, *die Wurz* уст. диал. ‘корень’) или *Galantkraut* (нем. *gallant* ‘галантный, учтивый’) [50, с. 83], возможно, это связано с популярностью растения, помогающего при лечении многих заболеваний человека или животных. Числительное девять нашло отражение в русском народном фитониме *девятыха белая* [51, с. 325] для номинации **тысячелистника**, что также указывает на целебные свойства растения.

В ряде русских фитонимов прослеживается еще одно числительное – «сорок», указывающее на способность растения излечивать от большого количества различных недугов: **кошачья лапка** – *сорокаприточная трава* [1, с. 37]; **мыльнянка** – *сороканедужник* [1, с. 316]; **валериана** – *сорокоприточная трава*

[1, с. 373], *сорокоприточник* [45, с. 242]; **фиалка** – *сороконедужная трава* [1, с. 382].

Номинативный признак «универсальность применения в медицине» активно актуализируется в фитонимах всех анализируемых языков (*Artemisia, Althaea; доктор, дягиль, царь-зелье, валериана, Heilwurz*), отражая тем самым этнолингвистические реалии говорящего или говорившего на этом языке народа.

Наличие в ряде фитонимов параллельной мотивемы «имя числительное», которая представлена двумя числительными «девять» и «сорок», еще раз подчеркивает широкий спектр применения растений в народной медицине (*сороканедужник, девясильный корень, девятиха белая*).

Фитонимы, мотивированные функциональным признаком «применение в медицине», ярче реализуются по следующим семантическим моделям.

2.1.2. Фитонимы, указывающие на кровоостанавливающие свойства растения

Опыт народной и традиционной медицины при лечении различного рода кровотечений находит свое отражение в названиях лекарственных растений. Причем в названиях растений не всегда присутствуют лексемы, непосредственно указывающие на ранозаживляющие и кровоостанавливающие свойства реалии. Очень часто процесс номинация растений протекает косвенно. В фитонимах могут быть представлены лексемы, воплощающие в себе процесс и результат бытовой или сельскохозяйственной деятельности, в результате которых и возникают ситуации, когда необходимо применить то или иное растение как кровоостанавливающее средство. О способности растения останавливать маточные кровотечения свидетельствуют элементы гендерной принадлежности.

Тысячелистник, как гемостатик, применяют при различных кровотечениях (легочных, кишечных, носовых, маточных) и порезах: рус. *раневая трава*, [1, с. 5], *обрезная трава* [3, с. 155], *крававик* [143, с. 64], мар. *вўркучыишудо* (мар. *вўр* ‘кровь’; *кучаиш* ‘держат, сдерживать’; *шудо* ‘трава’), *пўчышудо* (мар. *пўчкаиш* ‘резать’) [124, с. 67-68] (при геморрагии); рус. *женский тысячелистник* [3, с. 155],

рудометка, девичьи пупки [1, с. 5], *поубел* [134, с. 62], нем. *Jungfraukraut* (нем. *jungfräulich* высок. ‘девственный, девичий’) [1, с. 5] (при маточных кровотечениях и белях), нем. *Wundheitkraut* (нем. *die Wundheit* ‘раневое (травматическое) ранение’; *das Kraut* ‘трава’), *Blutstillkraut* (нем. *die Blutstillung* ‘остановка кровотечения’) [78]. Как отмечает А. С. Ефремов в своей диссертационной работе, появление номинации «лекарственные свойства реалии» для фитонима *сарлашуды* (мар. горн. *сарла* ‘серп’) обусловлено тем фактом, что тысячелистник пользовался большой популярностью у жнецов, когда имелись случаи пореза руки [125, с. 131]. Ср.: рус. *серпорец, серпий, серберез* [3, с. 155]. Эти удивительные свойства тысячелистника зафиксированы в Ботаническом словаре Н. Анненкова следующим образом: тысячелистник «принимается при геморроидальных и маточных истечениях крови, при болях во время месячного очищения, при слизистых белях, девичьей немощи. В народной медицине в России употребляется от пореза для остановки кровотечения, для открытия молока у матери» [1, с. 5]. В одноязычных справочниках лекарственных растений можно найти схожее описание применения тысячелистника: «Schafgarbe ist aber auch ein großes Frauenmittel bei Menstruationsstörungen und Ausfluss. Der frisch gepresste Schafgarbensaft gilt als hervorragendes Blutreinigungsmittel» [83, с. 114] ‘Тысячелистник является также незаменимым средством для женщин при нарушениях в период менструации и при белях. Свежевыжатый сок считается превосходным средством для остановки кровотечения’.

К растениям с ранозаживляющими и кровоостанавливающими свойствами относят **алоэ**: мар. *пўчмышудо* (мар. *пўчкаш* ‘резать’) [22, с. 24], *кушмышудо* (мар. *кушмаш* ‘заживание, срастание’), рус. *ранник*; **дягиль**: рус. *подраница, подрянка* [1, с. 36]; **чистотел**: рус. *кровник* [1, с. 94], *крововишная трава, крововишник* [2, с. 51], мар. *вўршудо* букв. ‘кровяная трава’. По мнению А. С. Ефремова, марийское название *вўршудо* (мар. *вўр* ‘кровь’; *шудо* ‘трава’) связано с млечным соком чистотела, который при попадании на кожу оставляет бурые пятна, похожие на йод, вызывая тем самым сильное жжение [124, с. 62]; а также **зверобой**: рус. *крававец* [1, с. 172], *крававчик* [2, с. 91]; мар. *вўршудо* [27], нем.

Blutkraut (нем. *das Blut* ‘кровь’), *Wundkraut* (нем. *die Wunde* ‘ранение; рана’) [50, с. 914]; **подорожник**: рус. *кровоавник, опорез-трава, пуповник* [142, с. 204-206], *поранник* [3, с. 88], мар. *кушмышудо* [123, с. 79], *шыл кышкышы шуды* [27], *шылгышкышышуды* [8, с. 69] (мар. *кушмаш* ‘заживание, срастание’); **горец змеиный**: нем. *Blutkraut, Blutkrautknöterich* (нем. *das Blut* ‘кровь’) [50, с. 117]; **кровохлебка**: лат. *Sanguisorba* (лат. *sanguis* ‘кровь’, *sorbere* ‘поглощать, впитывать’) [48, с. 215], рус. *кровохлёбка* [10, с. 85], *крововишная трава* [2, с. 136], *кровососка лечебная* [1, с. 314], нем. *Blutwurzel, Blutströpfchen* [1, с. 315] (нем. *das Blut* ‘кровь’).

Примочки из *уразной травы* [1, с. 263] ‘горца птичьего’ в народной медицине используются травниками для заживления ран, особенно трофических язв. Горец птичий содержится в так называемых кровоочистительных чаях, поскольку способствует регулированию обмена веществ: нем. *Blutgarbe* [50, с. 117] (нем. *das Blut* ‘кровь’; *die Garbe bot.* ‘тысячелистник’).

Анализ материала позволяет сделать следующие выводы. Фитонимы, подчеркивающие кровоостанавливающие свойства растения, содержат, в первую очередь, лексему *кровь* в русском языке (*кровоавик, кровавец*), *sanguis* – в латинском (*Sanguisorba*), *Blut* – в немецком (*Blutkraut, Blutwurzel, Blutgarbe*) и *vür* – в марийском (*вўркучышшудо, вўршудо*).

Кроме того, в составе фитонима можно выявить лексемы, обозначающие порезы (*нўчмышудо, обрезная трава, опорез-трава, уразная трава*), раны (*поранник, раневая трава, Wundheitkraut*), процессы заживления (*кушмышудо, Blutstillkraut*). При номинации тысячелистника в фитонимах ярко представлен серп – орудие пореза (*сарлашуды, серпорез*).

2.1.3. Фитонимы, выявляющие цель лечения

В основу фитонимов, выявляющих цель лечения, может быть заложен желаемый результат, который стремились получить при проведении профилактики заболевания или самого процесса лечения.

Свежие листья **алоэ** применяют как ранозаживляющее средство при кожных заболеваниях (ожогах, нарывах, экземах и пр.). Применение алоэ при ожогах отражено в немецком языке – *Brandbaum* (нем. *der Brand* ‘ожог’; *der Baum* ‘дерево’) [50, с. 15].

Для возбуждения аппетита, улучшения пищеварения, регуляции веса принимают отвар **полыни** – нем. *Wiegekraut* (нем. *wiegen* ‘весить’) [50, с. 25]. Ср. тж.: нем. «Wermut ist dank seiner Bitterstoffe in erster Linie appetitanregend und verdauungsfördernd» [83, с. 120] ‘Благодаря содержанию горечи вермут в первую очередь вызывает аппетит и способствует пищеварению’.

Отвары растений, обладающих дезинфицирующими свойствами, использовались при дерматологических заболеваниях, в них часто купали детей или принимали ванны. Примеров таких фитонимов можно привести множество. Отваром *купальницы* ‘**ромашки**’ очищают кожу, после чего она приобретает особую нежность и бархатистость [40, с. 56]. Сами за себя говорят фитонимы в русском языке *чистец*, *чистуха*, *чистящая трава*, *чистоплот*, используемые для обозначения **чистотела** [1, с. 94]; *чистуха* – **чистотела** и **мыльнянки**.

Основанием фитонима *светлая трава* для номинации **чистотела** послужил тот факт, что многие поколения врачей, начиная с древнегреческих, считали чистотел полезным при глазных заболеваниях [149, с. 252]. По легенде, об этом свойстве растения люди узнали от ласточек. Однажды злая ворона набросилась на ласточкиных птенцов и выклевала им глаза. А мама-ласточка слетала за чистотелом, приложила траву к глазкам птенцов, и они опять стали видеть [143, с. 82]. Ср.: рус. *прозорник* [199, с. 160].

О применении **ятрышника** в качестве противовоспалительного средства при лечении глазных заболеваний свидетельствует фитоним *плакун-трава* [142, с. 261].

На Руси **ландыш** называли *молодило* или *молодильник*, полагая, что цветок дарит вечную молодость открывшим его тайну [160, с.110].

Мужчины держали под рукой траву *мужичок* ‘**полынь**’ [197, с. 159] и *любим корень*, *невстаниху* [142, с. 253], нем. *Knabenkraut* (нем. *der Knabe* ‘парень,

юноша, мальчик»; *das Kraut* ‘трава’) [50, с. 103] ‘**ятрышник**’. Отвар этих растений пили для восстановления потенции.

Принято считать, что корни **ятрышника** способствуют регуляции деторождения (предохраняют от нежелательной беременности), в связи с этим растение называют *травой от ребят* [142, с. 254]. Корень ятрышника пятнистого ворожеи давали крестьянкам носить с собой, «дабы другие любили, и особенно замужним женщинам при несогласии с мужьями» [54, с. 107]. Ср.: рус. *комонишник* [1, с. 233] (возм. от *комоница* ‘бесплодная женщина’) [54, с. 236].

Своим мочегонным эффектом в народе славится **толокнянка**: листья этого растения употребляются при болезнях мочевого пузыря [1, с. 43] – это свойство отражено в фитонимах рус. *водяница, водяница ягода* [1, с. 43]; нем. *Harnkraut* (нем. *der Harn* ‘моча’) [74, с. 78].

Настой травы **пастушьей сумки** применяют при воспалениях почек, мочевого пузыря и мочекаменной болезни [16 с. 232]. Ср.: нем. *Pinkelkraut* (нем. *pinkeln* разг. ‘мочиться’) [83, с. 38].

По мнению В. А. Иванова, **зверобой** носит фольклорное название *мужичья кровь*, так как его пьют при заболеваниях, вызванных поднятием тяжести. Для обозначения зверобоя в немецком языке на основе калькирования образован фитоним *Mannblut* (нем. *der Mann* ‘муж, мужчина»; *das Blut* ‘кровь’) букв. ‘мужская кровь’ [134, с. 64]. Ср. тж.: нем. *Mannskraft* букв. ‘мужская сила’ [78].

Употребление **подорожника** для размягчения уплотнений отражено в фитонимах *железняк, поджележник, поджележница*. Способность растения помогать при извлечении заноз отражается в диалектном названии растения *занозная трава* [142, с. 208]. Для того, чтобы вытянуть гной, травники прикладывали к ране *тягунец, тягуху* или *тягушки* [142, с. 202].

Топтуном ‘**горец птичий**’ называют не только потому, что его все топчут. Знахари советуют парить в ней уставшие, «оттоптаннные» ноги [143, с. 33].

Горец змеиный и **ятрышник** славятся своими вяжущими свойствами и используются при расстройстве кишечника, этим обусловлено название растения в русском языке *завязный корень* [1, с. 265].

В народной медицине в России **кровохлебку** используют также от выпадения кишок – *выпадошная трава* [1, с. 314].

Проанализировав лекарственные растения по признаку «цель лечения» можно сделать следующие выводы. Для очищения кожи при дерматитах различной этиологии применяли траву, при которой кожа становилась «чистой» (*чистуха, чистец*).

Зверобой, полынь и ятрышник пятнистый считались «мужскими травами», так как они придавали мужчине не только физическую (*мужская кровь, Mannblut*), но и сексуальную силу (*невстаниха, любим корень, Knabenkraut*).

Об использовании растения в народной медицинской практике для лечения мочекаменных заболеваний свидетельствуют фитонимы *Harnkraut, Pinkelkraut*.

Факт использования растений для улучшения остроты зрения представлен во внутренней форме фитонимов *прозорник, светлая трава, плакун трава*.

2.1.4. Фитонимы, содержащие название определенного больного органа

Процесс номинации, при котором в составе фитонима находится название больного органа, мог протекать на основании внешнего сходства отдельной части растения с больным органом или симптомами данной болезни.

Уже в далекой древности тысячелистник применяли при радикулите, болях в суставах и пояснице. Считалось, что при заболевании суставов хорошо помогает *Gliedkraut* ‘тысячелистник’ (нем. анатом. *das Glied* ‘сустав’, *das Kraut* ‘трава’).

Дельфиниум применяют для сращивания костей при переломе, отсюда рус. *живокость* [157, с. 62], *живокостник* [2, с. 86].

В народной медицине **аистник** «употребляют в припарках от опухоли между пальцами ног, откуда и название *расперстная*» [1, с. 136]. Кроме того, зафиксированы факты употребления отвара *костолома* для сращивания костей при переломе.

При зубной боли отваром *зубовника*, то есть ‘**вахты**’, полощут рот [1, с. 215].

Спорыш лечит многие болезни, поэтому его называют *почечная, сердечная, правильная трава* [143, с. 33]

Настоем корневищ с корнями *суставника* ‘**мыльнянки**’ лечили ревматизм и боли в суставах.

2.1.4.1. Фитонимы, содержащие названия органов дыхания

О способности растения излечивать заболевания различных органов дыхания свидетельствует лексема или составной компонент сложного фитонима – *грудь*. Легкие являются наиболее уязвимым к инфекционным заболеваниям органом, поэтому в названиях лекарственных растений этот орган дыхательной системы представлен во всех анализируемых нами языках чаще других.

Среди названий растений, которыми лечили заболевания органов дыхания, в русском языке можно отметить часто функционирующую лексему с корнем *груд-*: *грудная трава, грудная кашка* ‘**тысячелистник**’ [1, с.5]; *грудная трава* [1, с. 37], *грудница* [1, с. 343] ‘**звездчатка**’; в марийском *шодо-* (мар. *шодо* анат. ‘легкие’) – *шодо-шудо, шодышудо, шодышуды* [46, с. 204] – ‘**полынь**’; в немецком *Brust-* (нем. *die Brust* ‘грудь, грудина, грудная клетка’) – *Brustwurz* [85, с. 389] – ‘**дягиль**’; *Brustalant* – ‘**девясил**’. Фитоним *грудная трава* является омонимичным для обозначения нескольких растений: тысячелистника, алтея, кошачьей лапки.

Отдельно стоит выделить такое лекарственное растение, как **медуница**. Листья растения применяют при заболеваниях органов верхних дыхательных путей, легких, в том числе туберкулезе [16, с. 162]. В анализируемых языках существует ряд фитонимов, основанных на указанном свойстве растения: латинское родовое название *Pulmonaria* (лат. *pulmo* анат. ‘легкое’) [48, с. 194]; рус. *легочница* [1, с. 279], *легочная трава, легочный корень*; нем. *Lungenkraut* [50, с. 119], *Lungentee* [83, с. 72] (нем. *die Lunge* анат. ‘легкое’). При заболеваниях органов дыхания, особенно при кашле принимают настой **вахты** – нем. *Lungenklee* [1, с. 215] (нем. *die Lunge* анат. ‘легкое’).

2.1.4.2. Фитонимы, содержащие названия органов желудочно-кишечного тракта

В указанной подгруппе в составе фармакофитонимов наиболее часто отражаются такие лексемы, как желудок, кишечник и печень.

При лечении заболеваний органов желудочно-кишечного тракта немцами особенно ценится **тысячелистник** – нем. *Bauchwehkraut* (нем. *der Bauch* ‘живот’; *weh* ‘больной’). Ср.: нем. «Wegen ihres hohen Gehaltes an Bitterstoffen wird gewöhnliche Schafgarbe vor allem bei Erkrankungen des Magen und Darmes, bei Blähungen verwendet» [83, с. 114] ‘Из-за высокого содержания горечей тысячелистник обыкновенный используется при заболеваниях желудка и кишечника, при вздутии’; **аир** – нем. *Magenwurz* [74, с. 27] (Ср.: нем. «Man verwendet Kalmus bei Magenkatarrh, Magensenkung» [83, с. 124] ‘Аир используется при катаре желудка и при опущении желудка (гастроптозе)’). Н. Анненков отзывается об аире как о «сильном желудочном средстве» [1, с. 8].

Корень **дягиля** употребляется как средство, способствующее пищеварению [1, с. 36], отсюда рус. *желудочная трава*. В немецком языке лексема *Magenkraut* ‘**полынь**’ (нем. *der Magen* ‘желудок, живот’) [50, с. 25] также указывает на больной орган. Ср.: нем. «Wermut hilft bei Völle-, Druck-, Schmerzgefühl im Magen, lindert Magen- und Darmkrämpfe» [83 с. 120] ‘Полынь помогает при ощущении переполнения, давления и боли в желудке, облегчает спазмы в области желудка и кишечника’. Аналогичными свойствами обладает **вахта**, отсюда нем. *Magenklee* (нем. *der Magen* ‘желудок’) [1, с. 216].

Применение **чистотела** известно с очень давних времен. Уже Теофраст (372 – 287 гг. до н. э.) писал, что назначался *печёночник* при желтухе, опухолях печени. Эти сведения использовались более поздними авторами травников и в травниках средневековья, из которых почерпнуты знания народной медицины. Ср.: рус. *пичинково зелье* [1, с. 94].

В одноязычном немецком справочнике лекарственных растений зафиксировано способствующее пищеварению свойство **девясила**: «Neben der auswurfördernden Wirkung wurden verdauungsfördernde, den Gallenfluss

anregende Eigenschaften genutzt» [75, с. 243] ‘Наряду с отхаркивающим воздействием использовались свойства, способствующие пищеварению и выделению желчи’. Ср.: нем. *Darmwurz* (нем. *der Darm* анат. ‘кишечник’).

Горец змеиный, который широко используется при расстройстве желудка, называют *животный корень* или *желудочный корень* [1, с. 265], *ожулоничный корень* [45, с. 93].

2.1.4.3. Фитонимы, содержащие названия органов зрения (глаз)

Еще с античности люди уделяли большое внимание профилактике и лечению заболеваний глаз, о чем свидетельствует богатый синонимичный ряд фитонимов в разноструктурных языках.

Родовое латинское название *Acorus* связано с греч. *acoron; kore* ‘глазное яблоко’, так как в древности **аир** применяли для лечения глазных заболеваний [149, с. 23].

В виде примочек отвар *глазомоя* ‘**василька**’ используют от слабости глаз [1, с. 90]. Ср.: нем. «Da die blaue Blütenfarbe der Kornblume an gesunde, leuchtend blaue Augen erinnert, wurde die Art früher häufig bei Augenkrankheiten eingesetzt» [74, с. 139] ‘Так как голубые лепестки василька напоминают здоровые светло-голубые глаза, поэтому раньше их часто применяли при заболевании глаз’.

Настойка **ландыша** используется для промывания глаз при конъюнктивите. В «Ботаническом словаре» Н. Анненкова также подмечено данное свойство растения: «... в народной медицине употребляется от глазной боли в виде примочки ...» [1, с. 106], что явилось основанием для образования фольклорных фитонимов рус. *глазная трава*, нем. *Augenkraut* букв. ‘глазная трава’ [50, с. 45].

В русском [40, с. 107] и немецком [74, с. 438] справочниках лекарственных растений упоминается употребление **вороньего глаза** для лечения глазных заболеваний, о чем свидетельствует немецкий фитоним *Augenkraut* букв. ‘глазная трава’ [1, с. 242]. Немецкий фитоним *Augenkraut* является омонимичным для номинации чистотела [78].

В медицине и косметологии **валериану** (замороженный сок) применяют для снятия воспаления глаз: рус. *очный корень* [45, с. 242], нем. *Augenwurz, Augenwurtzel* (нем. *das Auge* ‘глаз’) [1, с. 373].

2.1.4.4. Фитонимы, содержащие названия органов сердечно-сосудистой системы

Выявление в фармакофитонимах названий органов сердечно-сосудистой системы свидетельствует об активной практике лечения травами сердечных заболеваний.

При функциональных расстройствах сердечной деятельности употребляют настой **боярышника** [40, с. 17], нем. *Blutdorn* (нем. *das Blut* ‘кровь’; *der Dorn* бот. ‘колючка’) [85, с. 332]; а также для стимуляции сердечной деятельности в народной медицине активно используют отвар **мяты перечной** [40, с. 88], нем. *Aderminze* (нем. *die Ader* ‘вена, кровеносный сосуд, артерия’; *die Minze* ‘мята’).

Фитонимы с корнем *серд-* / *Herz-* (нем. *das Herz* ‘сердце’) / *cardia-* (греч. *cardia* ‘сердце’) указывают на то, что растения являются кардиотоническими средствами: рус. *сердечки, сердочки*; нем. *Herzel, Herzkraut* ‘пастушья сумка’; рус. *пустырник сердечный* [50, с. 89], *сердечная трава* [1, с. 191], нем. *Herzgespann* [85, с. 584], *Herzkraut* [1, с. 191], *Herzheil* [74, с. 360], *Herzgold* [50, с. 89], латинское видовое название растения *cardiaca* ‘пустырник’; рус. *утешение сердца, сердечная отрада*; нем. *Herzkraut* [1, с. 213], *Herztrrost, Herzbrot* [78] ‘мелисса’; рус. *сердечник ‘ятрышник’* (для улучшения состава крови) [1, с. 233]; омонимичным является фитоним *сердечная трава*, который обозначает звездчатку и пастушью сумку.

2.1.4.5. Фитонимы, указывающие на применение растения в акушерско-гинекологической практике

Об активном использовании лекарственных растений в акушерско-гинекологической практике свидетельствуют фитонимы, которые содержат в своем составе лексемы, соответствующие физиологическим процессам женщины

в дородовый и послеродовый период, а также непосредственно в сам период родов.

Отваром *матренки* [56, с. 85] ‘тысячелистника’ поили кормящих мам для увеличения количества молока [156, с. 408]. Ср.: рус. *матрежки* [18, с. 308], нем. *Säugekraut* (нем. *säugen* ‘кормить грудью’) [1, с. 5].

Дягиль часто называют *женским женьшенем*, так как он имеет широкое применение в гинекологии [157, с. 74].

Считается, что водная настойка из **васильков** помогает при трудных родах. Ср.: рус. *дикий маточник, родовик* [142, с.153].

Ромашка, носящая названия рус. *маточная трава, маточник, маточница* [1, с. 209], нем. *Mutterkraut* (нем. *die Mutter* ‘мама, мать; мед. матка’; *das Kraut* ‘трава’) [83, с. 118], используется от женских болезней. Отдельно следует выделить латинское родовое название *matricaria*, образованное от латинского *matrix* ‘матка’. Само слово *matrix* восходит к существительному *mater* ‘мать’ [48, с. 62]. Ср. тж.: рус. *девичий цветок, девичник* [157, с. 152], нем. *Mägdeblume* (нем. *die Magd* поэт. ‘девушка, дева’; *die Blume* ‘цветок’) [83, с. 118].

Спорынья используется, главным образом, при маточных кровотечениях [48, с. 71]. Аналогичное описание применения растения в гинекологической практике встречается и в немецких справочниках: «Mutterkorn ist zum Stillen von Gebärmutterblutungen verwendet» [75, с. 406] ‘Спорынья применяется для остановки маточных кровотечений’. Ср.: рус. *матка, маточные рожки*, нем. *Mutterkorn* (нем. *die Mutter* анат. ‘матка’; *das Korn* ‘зерно’) [50, с. 41], мар. *авауржа, уржава, äväыржа* (мар. *ава (ävä)* ‘мама; мед. матка’; *уржа (ыржа)* ‘рожь, хлебный злак’) [9, с. 89].

При нарушениях менструации пили отвар *женской травы ‘мелиссы’*. Ср. тж.: рус. *дамское счастье, маточник* [18, с. 316], *матка*; нем. *Frauenkraut* букв. ‘женская трава’ [1, с. 213], *Frauenwohl* букв. ‘женское благополучие’ [74, с. 395], *Mutterkraut* букв. ‘маточная трава’ [78].

На Руси **душицу** ласково называли *материнкой*, так как прекрасно знали, что эта трава лечит женские болезни [143, с. 50]. В акушерско-гинекологической

практике *Blutgarbe* (нем. *das Blut* ‘кровь’) [50, с. 117] ‘спорыш’ используется как маточное кровоостанавливающее средство.

Кровохлебку применяли для уменьшения или остановки кровотечений при родах, что нашло отражение в фитонимах *радовик*, *рядовник* (вероятно измененное *родовник*) [1, с. 314-315].

Травниками ценилось противоспазматическое свойство **валерианы**, которая применялась для смягчения климактерических страданий женщин. Ср.: нем. *Dammarg* (нем. *der Damm anat.* ‘промежность’; *arg* ‘злой, дурной’) [50, с.155].

Таким образом, признак «название больного органа» представлен во всех анализируемых языках.

Разделение данного признака на подгруппы является этиологически маркированным. Фитонимы, содержащие названия анатомических органов дыхания, свидетельствуют о повсеместном употреблении растения для их лечения (*Pulmonaria*, *шодышудо*, *грудная трава*, *грудашник*, *легочница*, *Brustwurz*, *Brustalant*, *Lungenkraut*). Аналогичная параллель представлена для органов желудочно-кишечного тракта (*желудочная трава*, *печёночник*, *желудочный корень*, *Vauchwehkraut*, *Magenkraut*), органов зрения (*Ascorus*, *глазмой*, *очный корень*, *Augenkraut*), органов сердечно-сосудистой системы (*cardiaca*, *сердечки*, *Blutdorn*, *Herzkraut*, *Aderminze*). Также в отдельную подгруппу выделены названия растений с лексемами *матка-* (*авауржа*, *матка*, *дикий маточник*, *Mutterkraut*), *роды-* (*родовик*, *радовик*), *женщина-* / *дама-* / *дева-* (*женский женьшень*, *дамское счастье*, *женская трава*, *девичий цветок*, *Frauenkraut*), свидетельствующие о широком использовании растений в акушерско-гинекологической практике.

2.1.5. Фитонимы, указывающие на болезнь, которую лечили данным растением

С целью определения основных показаний к применению лекарственных растений знахари давали им «говорящие» названия. В основу наименования

закладывали название болезни, при которой рекомендовалось применять данное растение.

Грыжу в народной медицине лечили **тысячелистником**, отсюда мар. *пӧшыршудо, пӱсыршудо* [125, с. 130] букв. ‘трава от грыжи’; рус. *грыжная трава* [1, с. 5]; **кошачьей лапкой** – рус. *грыжник, грыжная трава* [1, с. 37]; **кровохлебкой** – рус. *грыжник* [1, с. 134]; **звездчаткой** – рус. *грыжник, грыжная трава* [2, с. 89].

В старину отеки снимали *запорной травой* ‘**горицветом**’ (в то время отеки называли «запором воды»). В «Ботаническом словаре» упоминается использование *волосяной травы* в народной медицине от волосатика (*Синдром larva migrans*, как официально называется эта болезнь, возникает, когда личинки кошачьих или собачьих нематод внедряются в неповрежденную кожу в открытых местах и мигрируют в эпидермисе, оставляя на коже «растущие» высыпания, рисунок которых повторяет подкожные движения личинки гельминта [117, с. 861]). Ср.: рус. *волосатик* [1, с. 10].

В народной медицине **алоэ** применяли для лечения гангрены: нем. *Brandbaum* (нем. *der Brand* ‘пожар, горение’; *мед.* ‘гангрена’; *der Baum* ‘дерево’).

Кошачья лапка имеет широкое применение в народной медицине: в отваре *золотушника* [1, с. 37] купают детей больных желтухой, а при поносах в Германии принимают *Ruhrkrautblume* (нем. *die Ruhr* ‘кровяной понос, дизентерия’) [83, с. 108]. Как кардиотоническое и сосудорасширяющее средство в медицине используют *жабную траву, жабник* [1, с. 37] (*грудная жаба* или *стенокардия* – одна из форм ишемической болезни сердца; заболевание артерий сердца [39, с. 766]).

Золотушная трава ‘**череда**’ вместе с листьями черной смородины и фиалки трехцветной входит в состав *Аверинского чая*, применяемого для лечения золотухи [1, с. 65].

Василек входит в состав фитосбора, принимаемого при ветряной оспе: нем. *Pockenblume* (нем. *die Pocken* ‘оспа’; *die Blume* ‘цветок’).

Корни и свежий сок **чистотела** применяют при различных новообразованиях на коже, особенно для удаления бородавок: рус. *бородавочник, бородавник* [1, с. 94], нем. *Warzenkraut* (нем. *die Warze* ‘бородавка’; *das Kraut* ‘трава’) [74, с. 150], мар. *шыгыль* (мар. *шыгыле* ‘бородавка’), *цүцүшуды* (мар. *цүцү* ‘мокрый лишай у лошадей на ногах’); *эрнайшудо* (возможно, связан с марийским глаголом мар. *эрнаш* ‘очиститься’) [124, с. 62].

Листья **дурмана** сушат и курят от одышки [1, с. 121]. В одноязычном справочнике лекарственных растений говорится следующее: нем. «Daneben wurden Stechapfel-Arten aber auch als Naturarznei eingesetzt, etwa zur Behandlung von Asthma, Keuchhusten oder rheumatischen Beschwerden» [74, с. 217] ‘Разновидности дурмана назначаются как природные лекарства при астме, коклюше или ревматических слабостях’. Ср.: нем. *Asthmakraut* (нем. *das Asthma* ‘астма’; *das Kraut* ‘трава’) [50, с. 53].

В отваре *кошовника* ‘**зверобоя**’ купали детей, больных кошулей (кожная сыпь) [142, с. 160].

Фитоним в русском языке *поносная трава* [1, с. 215] свидетельствует о вяжущих свойствах **вахты**.

На практике встречается факт употребления *Krebsdistel* [50, с. 103] (нем. *der Krebs* мед. ‘рак’; *die Distel* ‘чертополох’) ‘**татарника**’ при раке кожи и как профилактическое средство после удаления опухоли. Противосудорожное свойство отвара и настоя денотата отражено в немецком фитониме *Krampfdistel* [50, с. 103] (нем. *der Krampf* ‘судорога, спазм’; *die Distel* *бom.* ‘чертополох’).

Настоем **горца птичьего**, или *геморройной травы*, пользуются при геморроидальном или кишечном кровотечении. При геморрое в народной медицине практикуют сидячие ванны в отваре *геморройника* [2, с. 136] ‘**кровохлебки**’.

Корни и корневище **мыльнянки** в виде отвара применяют как отхаркивающее средство при бронхитах – нем. *Hustenwurzel* (нем. *husten* ‘кашлять’, *die Wurzel* ‘корень’) [50, с. 131]. В немецких травниках зафиксировано: «Früher wurde

die Droge häufig bei Katarrhen der Atemwege eingesetzt» [75, с. 400] ‘Раньше лекарственное сырье применялось чаще при катаре дыхательных путей’.

Препараты **валерианы** используются при эпилепсии наряду с другими лечебными мероприятиями. Ср.: рус. *трясовичное коренье* [1, с. 372].

Об употреблении **валерианы** в народной медицине от лихорадки свидетельствуют фитонимы рус. *лихорадочный корень, лихорадочная трава* [1, с. 373], **вахту** применяют при перемежающихся лихорадках – рус. *лихорадочник* [1, с. 216]. Ср. тж.: рус. *лихорадочная трава* [1, с. 359] ‘**клевер**’.

Использование **вороньего глаза** для заживления ран, ушибов ни в одном из справочников анализируемых разноструктурных языков не выявлено. Лишь в «Ботаническом словаре» Н. Анненкова можно найти описание применения *ранника* от рубленых и других ран [1, с. 241]. В связи с этим отдельно необходимо обозначить русский фитоним *ускопная трава*. В диалектах *ускопом* называют «всякую внутреннюю болезнь, происходящую от ушиба» [1, с. 242].

О наружном применении в народной медицине листьев **одуванчика** при нарывах, воспалениях кожи свидетельствуют марийские фитонимы *кокшавуйшудо* [22, с. 33], *кокшавуянишудо* [8, с. 59], *кокшашудо* [119 с. 101] (мар. *кокша* ‘фурункул, плешь, лысина’).

Анализ представленных фармакофитонимов свидетельствует о том, что целебные свойства растений при лечении заболеваний манифестируются в их названиях, что объясняется многовековым использованием растения для лечения и профилактики отдельно взятого заболевания (*кокшавуйшудо, ускопная трава, Hustenwurzel, Krebsdistel*).

Несколько растений могут использоваться одновременно в медицинской практике и содержать в составе фитонима разносистемных языков общий определительный компонент, указывающий на само заболевание (*пöшыришудо, грыжная трава, геморройная трава, лихорадочный корень; золотушник*).

С другой стороны, одно и то же растение имеет несколько диалектных названий, что подтверждает многогранность практического применения растения

в народной медицине (*золотушник, жабник, поносная трава, лихорадочник, Ruhrkrautblume*).

Таким образом, фармакофитонимы содержат в себе сведения о названиях наиболее распространенных заболеваний, которые лечили средствами народной медицины.

2.1.6. Фитонимы, отражающие неправильное использование растения и его негативные свойства

Любое лекарственное растение кроме целебного воздействия при нарушении правил заготовки и употребления приводит к пагубным последствиям для всего организма, не исключен в данном случае и летальный исход.

Чрезмерное употребление настоя **спорыньи** наряду с сужением сосудов может привести к развитию гангрены. Употребление муки, зараженной спорыньей, вызывает тяжелое заболевание эрготизм («антонов огонь»), которое сопровождается судорогами, гангреной и психическим расстройством [26, с. 369]. Ср: рус. *ядовитое зерно*; калькированием к русскому фитониму является нем. *Giftkorn* букв. ‘ядовитое зерно’, а также нем. *Brandkorn* (нем. *der Brand* ‘пожар, горение’; *мед.* ‘гангрена’) [50, с. 41].

Существует подозрение, что при поедании сена, содержащего **хвощ**, у лошадей возникает паралич задних конечностей. Такое необычное негативное свойство хвоща нашло отражение в фитониме *шатун*. Болезнь вскоре прекращается, если перестать давать такой корм лошадям [212, с. 160].

Воздействие сока **одуванчика** не всегда может быть безопасным, так, например, может привести у детей к развитию дерматита [74, с.586], отсюда название растения *болячки* [142, с. 193].

В соответствии с вышеизложенным, можно сделать вывод, что негативный опыт употребления лекарственных растений находит отражение в нескольких фитонимах только русского и немецкого языков.

Неправильное употребление растений находит отражение в фитонимах с лексемами *яд-* или *боль-*, которые несут большую функциональную нагрузку,

предупреждая тем самым о серьезных последствиях (*ядовитое зерно, болячки, Giftkorn*).

Результат поедания хвоща лошадьми – шаткая походка – обусловил образование названия растения *шатун* в русском языке.

2.1.7. Фитонимы, определяющие лекарственную форму растений

В ходе процесса сбора лекарственных растений травники искали способы «законсервировать» их целебные свойства. В связи с этим они не только засушивали надземные и подземные части лекарственных растений, заваривали их и принимали в виде отвара или лечебного чая, но и изготавливали спиртовые настойки, водные настои, и даже, смешивая измельченное свежее или засушенное растение с каким-либо жиром, делали мази. Позже с развитием науки фармакологи научились извлекать экстракты из любой части растения.

Известно, что **алтей** применяли еще с IX века до н. э. [48, с. 22], в настоящее время алтей входит в состав грудного чая [1, с. 26]: нем. *alter Tee* (нем. *alt* ‘старый’; *der Tee* ‘чай’). Настой корня растения представляет собой слизистую жидкость, поэтому алтей принято называть *слизь, слизь великая* [1, с. 26], нем. *Schleimwurzel* букв. ‘слизистый корень’ (нем. *der Schleim* ‘слизь’) [74, с. 54].

Лекарственные растения чаще всего входят в состав различных фиточаев, поэтому марийцы называют **зверобой** – *чай, чайшудо, цайшуды* (мар. *чай* ‘чай’). Фитоним *чайшудо* в марийском языке употребляется также в отношении **душицы**, что обусловлено тем, что душица входит в состав потогонного чая и употребляется как суррогат чая [1, с. 235].

Отвар и настой душицы применяют для ароматических фитованн, в виде лечебных ванн от нечистот и сыпей на теле – *Badekraut* (нем. *das Bad* ‘ванна’, *das Kraut* ‘трава’) [1, с. 234].

Способ приготовления и употребления растения, его лекарственная форма определили наличие составных компонентов в фитониме. Так, например, если растение необходимо было настаивать и пить в виде чая, то лексема *чай-*отражена в разноструктурных языках (*чайшудо, alter Tee*).

Фитонимы данной мотивемы отражают медицинские знания народа о растении, указывают на конкретную область применения лекарственных растений в народной медицине, выявляют особенности их использования.

Использование трав в народной медицине и процесс их номинации не всегда были обусловлены реальными свойствами растения. Для применения растений в лечебных целях иногда было достаточно внешнего сходства морфологической части растения с больным органом или симптомами отдельной болезни. При этом люди могли исходить из суеверных представлений о том, что Бог посылает на землю различные заболевания, а для избавления от них посылает и лекарства от них в виде определенных растений. В некоторых фитонимах наряду с функциональным свойством растения отражено и внешнее строение растения. Так, например, дополнительный признак «строение поверхности листьев» проявляется в фитонимах *плакун трава* для обозначения ятрышника пятнистого – листья растения крупные с фиолетовыми пятнами [16, с. 164]; *железняк* ‘подорожник’ – листья широкояйцевидные с продолговатыми дугообразными жилками [40, с. 53]; *волосатик* ‘адонис’ – листья трижды перисто-рассеченные, с узколинейными долями. Кроваво-красная окраска плодов боярышника и наличие колючек на ветках растения [16, с. 20] объясняют функционирование в немецком языке фитонима *Blutdorn* букв. ‘красная колючка’.

Количественное соотношение названий лекарственных растений для данной группы представлено следующим образом: русский язык – 310 фармакофитонимов (68,7 %); немецкий язык – 95 (21,1 %); марийский язык – 35 (7,8 %); латинский язык – 11 (2,4 %).

2.2 Мотивема «Бытовое использование»

Человечество научилось подмечать универсальные качества и свойства лекарственных растений и не только находить им применение в лечении заболеваний, но и использовать их в повседневной жизни для приготовления пищи, в хозяйственной деятельности. Такое необычное использование растений находит отражение в фитонимах. В соответствии с этим, наименования растений

дифференцированы на смысловые подгруппы с общим мотивировочным признаком внутри указанной лексико-семантической группы.

2.2.1. Названия растений, отражающие их использование в кулинарии

Аир с древнейших времен считается уникальной пряностью, которая соперничает с лавровым листом, корицей, имбирем и мускатным орехом. Ср.: нем. *Gewürzkalmus* [1, с. 8] (нем. *das Gewürz* ‘пряность’; *der Kalmus* ‘аир’). В «Ботаническом словаре» встречается информация об употреблении аира в виде пряности: корневище, особенно на Востоке, служило для приготовления конфет, употребляемых при эпидемиях [1, с. 8].

В русском и немецком языках для обозначения **полыни** существуют названия рус. (*горький*) *вермут*, нем. *Wermut* [85, с. 574], *Wärmede*, *Wermat*, *Wermutkraut* [78]. Это связано с использованием растения при изготовлении таких алкогольных напитков, как вермут и абсент [157, с. 144]: нем. «Das Wort bezeichnet heute auch ein mit Wermut ausgesetztes alkoholisches Getränk [76, с. 924]» ‘Слово обозначает сегодня также приготовленный на основе полыни алкогольный напиток’.

Корни **цикория** в народе использовались в качестве суррогата кофе и примеси к натуральному кофе для приготовления кофейного напитка – «цикорного кофе или цикория» [1, с. 98]. Ср.: лат. *Cichorium* (греч. *kichorion* ‘цикорий’), рус. *цикорий*, *цикорная трава*, *цыхорная трава*, нем. *Cichorie* [1, с. 98], *Zigori*, *Zichori*, *Kaffeekraut* букв. ‘кофейная трава’, *Kaffewurzel* букв. ‘кофейный корень’, *Zichorie* [83, с. 102]. Нем. «Die gerösteten Wurzeln wurden in Notzeiten manchmal als Kaffee-Ersatz verwendet («Blümchenkaffee») [74, с. 158]» ‘Обжаренные корни растения в голодное время использовались иногда как заменитель кофе («Цветочный кофе»)’. В словаре «Duden, das Herkunftswörterbuch» приводится следующая трактовка фитонима *Zichorie*: «Der seit dem XVI Jh. bezeugte Name der Wegwarte, aus deren Wurzeln ein Kaffee-Ersatz hergestellt wird [78, с. 947]» ‘С XVI века известно название растения «цикорий» (*Wegwarte* – придорожный знак), из корней которого изготавливается заменитель кофе’.

В кулинарии листья и цветки **мяты** используют, в первую очередь, как освежающий чай. Данное свойство растения отражается в русском языке в фитониме *чайная мята* и в немецком – *Teeminze* букв. ‘чайная мята’ [74, с. 397]. Как суррогат чая маришцы использовали *чайшудо* или *цййшудо*, эти фитонимы – омонимичные названия растений **зверобой** и **душица** [125, с. 127].

Известно, что **тмин** применяется для приготовления ликера Кюммель. Ср.: нем. *Kümmel* [50, с. 35], *Kümmich*. Нем. «In der Küche werden die Samen vor allem zur Verfeinerung von Kohl, Sauerkraut, Eintopf, Fleisch- und Quarkspeisen sowie Backwaren und Spirituosen verwendet [74, с. 131]» ‘В кулинарии семена тмина используются прежде всего для придания утонченности блюдам из свежей и квашеной капусты, густого супа (национальное блюдо), мяса и творога, также при выпечке хлебобулочных изделий и при изготовлении спиртных напитков’. Ср.: мар. *киндышудо*, *киндывуч*, *калачышудо* (мар. *кинде* ‘хлеб’, *калач* ‘калач, белый хлеб’, *шудо* ‘трава’, пуч ‘стебель’ (п>в) [22, с. 9-10]; нем. *Brotkümmel*, *Brodkümmel* (нем. *das Brot* ‘хлеб’; *der Kümmel* ‘тмин’).

Название **толокнянка** восходит к восточнославянскому *tolokъno* ‘толченая овсяная мука’ [71, с. 248] и связано с тем, что в старину сухие ягоды запасались крестьянами впрок, их толкли в ступах и полученную муку добавляли в хлеб [10, с. 174]. Ср.: рус. *мучинник*, *мученик*, *мученицы*, *мучаник*, *мученичник*, *мучник* *ягоды*, *мучница*, *толоконник*, *толокняник*, *толокница*, *толоконка*, *толочанник*, *толокилики*, *талаганник*; нем. *Mehlbeere* (нем. *das Mehl* ‘мука’; *die Beere* ‘ягода’) [1, с. 43].

«Хлебным» растением кроме толокнянки принято считать и **клевер**. Его высушенные, измельченные корневища добавляли в муку для выпечки хлеба – рус. *хлебцы*, *мякушка*, *мякушечки*, *мякушечник* (рус. *мякушка* ‘коврига хлеба’), *папки*, *папушки*, *папушник*, *папачки*, *папынька* (рус. детск. *papa* ‘хлеб’) [160, с. 91], *хлебушка* [1, с. 360], нем. *Himmelsbrot* букв. ‘небесный хлеб’ [73, с. 174].

Ядовитое растение **спорынью** крестьяне приловчились использовать для замеса теста. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» приводит такое описание растения: «спорынья вредна в пищу (хотя не столько как

рожки пшеничные), но зерно вырастает втрое, да притом от него квашня (забродившее тесто) хорошо поднимается, отчего и название *спорынья*» [21, с. 297]. Ср. тж.: рус. *спорина, спорына* [3, с. 135].

Необычное применение в кулинарии имеют также семена **пастушьей сумки**, из которых на Руси крестьяне научились готовить острую столовую приправу, напоминающую горчицу [198, с. 160]. Ср.: рус. *гурчак, грицики* [1, с. 82], *крестьянская горчица*; нем. *Bauernsenf* (нем. *der Bauer* ‘крестьянин’, *der Senf* ‘горчица’) [50, с. 33].

В немецких поваренных книгах встречается название растения *wilder Majoran* букв. ‘дикий майоран’, так немцы называют **душицу** за ее пряные вкусовые качества [74, с. 429]. Это растение используется для придания утонченного вкуса блюдам.

Летом в сельской местности дети лакомились *сосульками*, так в просторечье называли сладкие на вкус цветки **клевера**, смоктуя их с большим удовольствием. Ср.: рус. *сусянка, сусяк* (слав. суслить ‘сосать’), *сосунчик* [1, с. 360], *смоктуши* (диал. *смоктовать* ‘сосать’) [143, с. 94].

2.2.2. Названия растений, определяющие их применение в повседневной жизни

Чтобы молоко не скисало, крестьянки парили молочные крынки и горшки травой *жёлтомолочника* ‘чистотела’. Отвар **чистотела** с добавкой квасцов использовали также для окрашивания шерсти в желтый цвет [200, с. 160]. В средневековье алхимики использовали желтый сок **чистотела** в своих опытах, пытаясь получить золото из неблагородных металлов [48, с. 63]. Отсюда пошли названия рус. *золотая трава*, нем. *Goldkraut* букв. ‘золотая трава’ (нем. *gold* ‘золотой’; *das Kraut* ‘трава’), *Goldwurz* букв. ‘золотой корень’ (нем. *gold* ‘золотой’; *die Wurz* ‘корень’) [83, с. 36].

В этот же период времени измельченный **тысячелистник** являлся заменителем нюхательного табака, что обусловило появление русских народных фитонимов *носочистка* или *чихотная трава*.

К концу лета стебель **дягиля** становится очень твердым, марийцы научились использовать пустой стебель растения для изготовления дудок – мар. *курай*, *курайвуч* (мар. *курай* ‘дудка’, *вуч* ‘ствол, стебель’) [125, с. 58]. Ср.: рус. *дудель*, *дудка* [1, с. 36], *дудочник*, *луговая дудка* [143, с. 127].

На долгое время **хвощ**, к сожалению, был забыт как лекарственное растение, его зеленые летние побеги ценились только как *оловянная трава*, которую применяли для чистки дорогой оловянной посуды. Кроме того, хвощ использовали вместо наждачной бумаги для обработки поверхности изделиям из дерева или кости [143, с. 85]. Ср.: нем. *Zinnkraut* букв. ‘оловянная трава’ (нем. *das Zinn* ‘олово’) [83, с. 16]. Марийцами аналогичным образом в быту используются хвощ болотный и хвощ зимующий – мар. *ягашудо*, *йагашудо* (мар. *ягылташ* ‘сглаживаться, шлифоваться, полироваться, трением делаться (сделаться) гладким, чистым, ровным, блестящим’, *шудо* ‘трава’).

Русские названия растения *мыльнянка*, *мыльник*, *мыльница*, *мыльный корень*, *мыльная трава*, *мыльный цвет*, *пузырник*, *чистуха* [1, с. 316], немецкие – *Seifenkraut* [74, с. 540], *Seifenwurzel* [50, с. 131] (нем. *die Seife* ‘мыло’), *Waschkraut*, латинское видовое название *Saponaria* (лат. *sapo* ‘мыло’), марийский фитоним *шавыньшуды* (мар. горн. *шавынь* ‘мыло’) [125, с. 126] свидетельствуют о применении растения **мыльнянка** в народной практике в качестве аналога мылу [48, с. 215].

2.2.3. Названия растений, выявляющие их применение в животноводстве

Корневой **цикорий** является хорошим кормом для скота. Замечено, что его с удовольствием поедают и коровы, и лошади, и овцы. Однако такой корм дают животным в ограниченном количестве, несмотря на то, что корм, содержащий цикорий, повышает удои и улучшает качество молока. Это ограничение обусловлено тем фактом, что частая и объемная дача коровам травы цикория может добавить молоку совсем нежелательный горьковатый привкус [200, с. 161]. Ср.: нем. *Schlempkraut* (нем. *die Schlempe* спец. ‘барда (отходы винокурения и

пивоварения в виде гущи, используемые как корм для скота) [60, с. 61]'; *das Kraut* 'трава') [83, с. 102].

По одной из версий, русское название растения **донник** представляет собой искаженное 'дойник', так как еще в древности было подмечено, что при употреблении растения в пищу у коров усиливается лактация [10, с. 53]. Ср. тж.: мар. *донник*.

Таким образом, рассмотренные фитонимы в разносистемных языках отражают этнолингвистические реалии их практического применения.

Использование растений в кулинарии в качестве приправы подчеркивают фитонимы *крестьянская горчица, гирчак, Bauernsenf, wilder Majoran*.

Среди «хлебных» растений можно выделить фитонимы с компонентами *хлеб, мука, толочь* и их диалектными вариантами в марийском, русском и немецком языках: *киндышудо, папки, хлебцы, мякушка, толочанник, Himmelsbrot*.

С давних времен принято готовить из растений не только суррогаты чая или кофе, но и алкогольные настойки. В связи с этим в анализируемых языках встречаются фитонимы, содержащие название самого напитка – *чайшудо, чайная мята, Teeminze, Kaffekraut; вермут, Wermut, Wermat; Kümmel, Kümmich*.

В зависимости от того, какими необычными свойствами обладает само растение, его применяли в качестве мыла (*Saponaia, шавыньшудо, мыльник, мыльница, Seifenkraut*), средства для чистки посуды (*оловянная трава, Zinnkraut*).

Фитонимы в марийском и русском языках выявляют использование растений детьми для развлечений – *курайвуч, дудка, соскульки, смоктуши*.

О применении растений в хозяйственной деятельности и животноводстве свидетельствуют фитонимы *дойник, носочистка, желтомолочник; Schlempekraut; Waschkraut*.

Количественное соотношение названий лекарственных растений для данной группы представлено следующим образом: русский язык – 114 фармакофитонимов (66,7 %); немецкий язык – 38 (22,2 %); марийский язык – 17 (9,9 %); латинский язык – 2 (1,2 %).

2.3. Мотивема «Вкус и запах»

Довольно часто для распознавания и номинации лекарственного растения среди множества аналогичных травники использовали их ярко выраженный вкус или запах.

Известно, что в средние века **аир** или, как его часто называли, *ароматный корень*, привозили в Европу через Стамбул, но только в засахаренном виде как восточную сладость. Рецепт приготовления *трости благовонной* турки тщательно хранили в тайне [149, с. 23]. За пряный аромат, напоминающий запах розы, и несколько терпкий вкус в русском языке растение получило названия *душной аир*, *душной ир* [2, с. 18], *аир пахучий* [40, с. 11], *вонючка* [1, с. 8].

Все части **дягиля** имеют сильный аромат. Ср.: рус. *вонючий дягиль* [18, с. 16], *вонюка*, *вонючка* [1, с. 36]. В промышленности *сладкий ствол* применяют для ароматизации напитков и вин, кроме того, дягиль является прекрасным медоносом, из него получается ароматный, вкусный мед.

Видовое латинское название *absinthium* – латинизированное греческое название **полыни** *absinthion* (греч. *a* отрицательная приставка ‘не’ и *psinthos* ‘наслаждение, удовольствие’) букв. ‘растение, не доставляющее удовольствия’ [48, с. 32]. Ср.: нем. *Absinth* [78]; рус. *абсент*. Русское название *полынь* произошло от славянского **polěti* ‘гореть, пылать’, из-за горького вкуса, от которого горит во рту [69, с. 320]. Не зря в народе говорят «Горек, как полынь». Ср.: рус. *полынка* [3, с. 92], *пелынь* [1, с. 47], *полыньюшка*, *полынок* [18, с. 267]. Признак «горький» связан с «гореть», что находит выражение и в деривационной связи номинативных единиц, обозначающих эти понятия. О горечи растения свидетельствуют фитонимы в русском языке *полынь горькая*, *горечь* [1, с. 47], *горький бурьян* [143, с. 38], *горькая трава* [25, с. 27] в марийском – *кочышудо* [27], *кочшудо* [125, с. 134] (мар. *кочо* ‘горький’; *шудо* ‘трава’).

Так как полынь считается травой с самой сильной горечью, в народе ее метафорически называют *вдовьей травой* [3, с. 92], возможно, сравнивая ее горечь с горькой вдовьей долей [157, с. 144]. Ср.: нем. *Jungfernkraut* (нем. *die Jungfer* ‘(старая) дева’; *das Kraut* ‘трава’), *Weiberkraut* (нем. *das Weib*

‘женщина, баба’; *das Kraut* ‘трава’) [78]. Рассказывают, будто полынь стала такой горькой потому, что впитала в себя всю горечь людских страданий и разочарований [48, с. 33].

Семена **тмина** имеют жгучий, горьковато-пряный вкус, немного похожий на вкус аниса, и легкий укропный запах, такие необычные сходства двух разных растений – тмина и аниса – представлены в фитонимах рус. *анис дикий* [1, с.87], *анасим* [3, с.145] и мар. *анисшудо*, *анис шуды* [27]. Следует отметить, что марийское слово *анис* в одном из значений на русский язык переводится как ‘укроп’ с пометой *горн.* [27]. Ср.: рус. *дикий укроп*.

Видовое латинское название **ромашки** *chamomilla* происходит от греческих слов *chama* ‘земля’ и *mellon* ‘яблоко’. По представлениям древних, запах ромашки напоминает яблочный. Плиний Старший, римский писатель, называл ромашку *земляным яблоком* (*mellon chamae*) [149, с. 222]. А древние греки в свою очередь дали ромашке название *низкая яблоня* [157, с. 152]. Ср.: мар. *олмашудо* (мар. *олма* ‘яблоко’; *шудо* ‘трава’) [27]; нем. *Apfelkraut* (нем. *der Apfel* ‘яблоко’; *das Kraut* ‘трава’), *Apfelblümlein* [78], *Apfelblüml* (нем. *der Apfel* ‘яблоко’; *das Blümlein* ‘цветочек’) [83, с. 118].

В этимологическом словаре «Duden, das Herkunftswörterbuch» происхождение слова *Kamille* дается следующим образом: нем. «Der Name der zu den Korbblütern gehörenden Heilpflanze, deren getrocknete Blüten zu Aufgüssen und der Bereitung von Tee verwendet werden, beruht auf Entlehnung und Kürzung aus mlat. *camomilla*. Dies geht über lat. *chamaemelon* auf griech. *chamaimelon* ‘Kamille’ zurück, das wörtlich etwa ‘Erdapfel’ bedeutet. Der Name soll sich auf den apfelähnlichen Duft der Blüten bezeichnen» [76, с. 381] ‘Название растения, относящегося к семейству сложноцветных, чьи высушенные цветки используются для приготовления настоев и чая. Название образовано путем заимствования и сокращения среднелатинского слова *camomilla*, восходящего к *chamaemelon*, которое в свою очередь является латинизированным греческим словом *chamaimelon* ‘ромашка’ и обозначает ‘земляное яблоко’. Название дано растению за яблочный аромат цветков’. Ср.: рус. *камила*, нем. *Garnille*, *Kamelle*, *Kühmelle* [78].

Существует мнение о том, что фитоним **ландыш** мог быть образован от слова *ладан*, так как цветки растения источают приятный аромат [149, с. 121]. Ср.: рус. *ландышка* [45, с. 41], *ландиш*, *лянушки* [1, с. 108], мар. калькированный из русского языка фитоним *ландыш* [27].

Фитоним *вонючий дурман* является синонимом фитонима *болиголов* [1, с. 123], так как оба названия растения базируются на неприятном и одуряющем запахе, который исходит от цветков **дурмана** и его растертых листьев.

Фитоним *оман*, используемый для обозначения **девясила**, связан с особым ароматом корней растения. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера происхождение фитонима объясняется как **о-манъ* ‘манить’ ввиду одурманивающего действия этого растения [69, с. 138]. Ср. тж.: рус. измен. *омен*, *аман* [1, с. 176], *умен* [45, с. 186].

Определительный компонент *мед-* в фитонимах разноструктурных языков отражает тот факт, что **донник** является хорошим медоносом [1, с. 123]: латинизированное родовое название *Melilotus* (лат. *mel* ‘мед’; греч. *lotos* ‘лотос’) [48, с. 153]; рус. *медовая трава* [2, с. 77]; нем. *Honigklee* (нем. *der Honig* ‘мед’; *der Klee* ‘клевер’) [50, с. 97]. Ср. тж.: рус. *ароматник* [25, с. 21].

Лимонный запах листьев и побегов **мелиссы** [16, с. 47] ярко представлен в богатом синонимичном ряду русского и немецкого языков: рус. *цитронная трава* [1, с. 213], *мелисса лимонная* [50, с. 97]; нем. *Zitronenmelisse* [74, с. 395], *Citronenkraut* [1, с. 213], *Zitronenminze* [50, с. 97] (нем. *die Zitrone* ‘лимон’).

Наличие общего корня *мед* в фитонимах разноструктурных языков свидетельствует о том, что **мелисса** также является прекрасным медоносом: рус. *медовый башимачок*, *папочная трава* (вероятно *паточная трава*); нем. *Honigblume* [1, с. 213] (нем. *der Honig* ‘мед’; *die Blume* ‘цветок’).

Видовое латинское название *piperita* ‘перечная’, фитонимы рус. *холодянка* [18, с. 375], *холодка-мята* [1, с. 214], *холодка* [45, с. 207]; нем. *Pfefferminze* [1, с. 214] (нем. *der Pfeffer* ‘перец’; *die Minze* ‘мята’) характеризуют жгучий, «холодящий» вкус листьев **мяты** [48, с. 154]. Наличие острого пряного запаха растения

представлено в марийском языке – *пушанишудо* (мар. *пуш* 'запах'; *шудо* 'трава'), *ўпшан шудо* (мар. *ўпш* 'запах').

Наличие душистого аромата во всех частях растения отражено в русском научном названии растения **душица** (рус. *дух*, *душить* 'пропитывать чем-то душистым') [10, с. 56], а также в русских диалектных фитонимах *ладанка*, *духовой цвет* [1, с. 234], *душичка*, [2, с. 80], *душиная трава* [160, с. 139].

Видовое название *горец* для растений **горец птичий** и **горец змеиный** связано с горьким вкусом листьев [10, с. 145]. Русские фитонимы *горечавка*, *горчанка*, *горчак* используются исключительно для обозначения горького вкуса листьев **горца змеиного** [1, с. 264].

В цветках **медуницы** содержится сладкий нектар [26 с. 298], который привлекает пчел. В.А. Меркулова отмечает, что термин *медуница* может быть связан с праславянским **medunica* 'название медоносного растения' [160, с. 106]. В связи с этим вариативность этого названия по русским говорам исключительно велика – *медунка* [56, с. 74], *медяник*, *медуника* [1, с. 279], *медок* [160, с. 106]. Ср.: мар. *мўй-шудо* [1, с. 279] (мар. *мўй* 'мед'; *шудо* 'трава').

Русское название растения **щавель** образовано от др.-русс. *щавьнь* 'кислый' [70, с. 495] и связано непосредственно с кислым вкусом листьев и стеблей [10, с. 200]. Ср.: рус. *щаль* [4, с. 60].

С древнерусским прилагательным *щавьнь* 'кислый' в русских говорах обнаруживается другое название щавеля с тем же признаком в основе: рус. диал. *кислица*, *кисличка*, *кислушка*, *кислятник* [4, с. 60]. Как отмечает В. А. Меркулова, названия *щавель* и *кислица* географически четко распределены: южнорусские говоры – *щавель*, северно-русские – *кислица* [160, с. 73]. Щавель издавна употреблялся в пищу. Из него в силу его кислого вкуса, варили щи. Ср.: рус. диал. *щавей*.

Фитонимы в разноструктурных языках – рус. *медовый цвет* [160, с. 91], *медовка* [56, с. 71-75], *медовая кашка* [1, с. 360]; нем. *Honigblume* букв. 'медовый цветок' [73, с. 174], мар. *мўйшуды*, *мўйшудо* [119, с. 100], *мўйвуй* [22, с. 17] (мар. *мўй* 'мед'; *шудо* 'трава', *вуй* 'голова') характеризуют **клевер** как медоносное

растение. Сладкий вкус его головок представлен в русском языке сочетаниями *сладкие соски* (название *соски* связано с тем, что дети обычно сосут головки клевера) [160, с. 91], *сладкий цветок* [25, с. 100].

В средние века о **валериане** отзывались как о лекарстве, несущем благодушие, согласие и спокойствие, кроме того, валериана почиталась в качестве одного из самых популярных ароматических средств, отсюда возникло еще одно название – *ладанница* [149, с. 56]. Резкий специфический аромат корней валерианы представлен в следующих фитонимах: рус. *земляной ладан* [2, с. 45], *смердючка* [45, с. 242], *аломатник* [1, с. 372]; нем. *Stinkwurz* [50, с. 155] (нем. *stinken* разг. ‘вонять, дурно пахнуть’; *die Wurz* ‘корень’).

Таким образом, практическое использование растений определило принципы номинации, оценивающие сладкий (*сладкие соски*), горький (*absinthium*, *кочышудо*, *полинъ*, *полынь*, *горчуха*, *горец*, *горчанка Absinth*), жгучий (*анисшудо*, *анис дикий*, *холодянка*, *Pfefferminze*) или кислый (*щавель*, *кислица*) вкус денотата.

Запах используется растениями-медоносами для привлечения насекомых с целью опыления, в соответствии с этим в названиях данных растений разноструктурных языков присутствует лексема *мед* (*Melilotus*, *мүй-шудо*, *мүйвуй*, *медовый башмачок*, *медуница*, *медок*, *медовая трава*, *медовая трава*, *Honigblume*, *Honigklee*), которая указывает на сладость этих растений.

Одурманивающее воздействие растений на животных или на человека обусловлено наличием как приятного (*ландушка*, *ландыш*; *оман*, *уман*), так и смердящего, резкого запаха, что отражается в фитонимах *болиголов*, *лесной ладан*, *Stinkwurz*.

Наличие сильного пряного аромата самого растения или отдельных его частей может свидетельствовать также о его бытовом употреблении (*сладкий ствол*; *ароматный корень*; *душичка*, *духмянка*).

Количественное соотношение названий лекарственных растений для данной группы представлено следующим образом: русский язык – 161 фармакофитоним (72 %); немецкий язык – 45 (20 %); марийский язык – 14 (6,3 %); латинский язык – 3 (1,3 %).

2.4. Мотивема «Внешний вид растения»

В фольклорной фитонимике при более детальном рассмотрении встречается большое количество названий растений, сгруппированных, главным образом, по принципу «строение стебля, корней, листьев» и т.п. Это обусловлено тем, что по внешнему виду растениям давались уникальные названия, способные выявить определенное растение среди множества аналогичных.

2.4.1. Фитонимы, отражающие строение листьев денотата

Структура и внешнее строение листьев растений определило процесс их номинации в анализируемых языках.

Родовое латинское название *millefolium* (лат. *mille* ‘тысяча’, *folium* ‘лист’) **тысячелистник** получил из-за формы листьев: многократно мелко рассеченных на узкие дольки [40, с. 66]. В восточных говорах марийского языка используют название *түжемшудо* (мар. *түжем* ‘тысяча’, *шудо* ‘трава’), сходное по способу образования и по значению с русским *тысячелистник*. Ср.: рус. *столистник*, *пятидесятилистка*, *сорокалистник* [3, с.155]; нем. *Tausendblatt*, *Tausendblättchen* (нем. *tausend* ‘тысяча’, *das Blatt* ‘лист’) [212, с. 114]. Еще один марийский фитоним *тыгыде пишол* [27] букв. ‘мелкая вязель’ выявляет небольшие по размеру листья денотата. Названия в русском языке *морковник* [1, с. 5], *морковочка* [134, с. 41], *морковка* [3, с. 155] отсылают к слову *морковь*, так как листья обоих растений сходны по строению.

Листья **aira** в длину достигают одного метра, мечевидно-линейные, сочные, также душистые густонарастающие [26, с. 59]. Ср. также описание: нем. «Blätter schwertförmig, lineal zugespitzt...» [83, с. 124] ‘листья мечевидные, прямолинейные, заостренные...’. За форму листьев в народе аир называли рус. *сабельник* [160, с. 55], *косатик* [1, с. 8], *касатик* [19, с. 7], *сабельнюк* [58, с. 12]; нем. *Bajonettstangen* (нем. *das Bajonett* ‘длинный нож, который насаживают на ствол ружья, штык’; *die Stange* ‘штанга’) [83, с. 124].

Со строением листьев В. А. Меркулова связывает еще два диалектных фитонима в русском языке для номинации аира – *пасошья* и *леууга*, хотя

последнее является омонимом к фитониму рогоза. Слово *пасошья* узкоместное, но, как отмечает В. А. Меркулова, оно примечательно своей архаической структурой. Это производное слово с приставкой *ра-* и суффиксом *-ja* от слова *соха* ‘рогатина’ [160, с. 50]. *Лещук, лещуг, лещуга* – это, скорее всего, образования с экспрессивным суффиксом *-уг* от глагола *лещать* (лещить) ‘хлопать крыльями, биться, плескаться, раскалывать, болтать’. Однокоренное слово *лещедь* значит ‘шестик, жердь, камышинка, расколота на конце’ [160, с. 51].

В марийском языке **алоэ** называют *кояшудо, койашудо* или *кайашудо* (мар. *коя*; горн. *кая* ‘толстый, плодородный’) за мясистые листья. Хотя А. С. Ефремов связывает данные фитонимы со способностью растения выделять сок, жидкость [125, с. 125].

Узкорассеченные листья **адониса** составлены словно из ниточек, торчат во все стороны, отчего все растение кажется мохнатым: отсюда народные названия *мохнатик, полевой укроп* [45, с. 11], *сосенка, еловой* [1, с. 10].

В латинском родовом названии **череды** *tripartita* (лат. *tres* ‘три’, *pars* ‘часть’) находит отражение форма листьев денотата [48, с. 43]: листья супротивные, трехраздельные с крупнозубчатыми долями [40, с. 72]. Ср.: рус. *череда трёхраздельная* [50, с. 28].

В. А. Меркулова предполагает, что приводимое Н. Анненковым название **цикория** *щербак*, вероятнее всего, может восходить к западнославянскому источнику. Само слово является производным от *щерба* ‘зазубрина’, возможно, в связи со струговидной формой листьев [160, с. 120]. Форма листьев реалии, как отмечает А. С. Ефремов, явилась семантической основой для марийского фитонима *пырынзык* [125, с. 79], *пӱзӱрньык* [12, с. 42] (мар. *пӱрӱнзык* ‘складки, сборки (на одежде)’).

Существует предположение о происхождении русского фитонима **ландыш**, согласно которому название растения образовано от слова *ладыш*, так как листья реалии гладкие. Ср.: рус. *ладыш* [149, с. 121], *гладушник* [45, с. 41], *галадушник* [1, с. 105]. Продолговато-эллиптическая форма листьев денотата отражается также в русских названиях растения *язык лесной, язычник* [1, с. 121],

Лист **папоротника** напоминает перо птицы, такое сходство определяет этимологию фитонимов в разносистемных языках: рус. *папоратник*, *папортъ* [3, с. 72], *папертник* [160, с. 118], *папероть* [40, с. 49]. В. А. Меркулова подчеркивает, что перечисленные русские фитонимы имеют праславянскую форму **raportъ* (ср.: рус. *папоротка* ‘второй сустав крыла у птицы’ [160, с. 118]). Латинское родовое название *dryopteris* произошло от греч. *drys* ‘дуб’ и *pteron* ‘крыло, перо’, так как считалось, что похожее на папоротник растение паразитировало на дубах. В «Этимологическом словаре немецкого языка» Фридриха Клюге зафиксировано, что русское слово *paprot* является соответствующим немецкому *Farn* [79, с. 277]. В одноязычном немецком «Этимологическом словаре ботанических названий растений» говорится о том, что латинское видовое название денотата образовано от греческого *pteris* ‘Farn’ [77, с. 218]. В немецких фитонимах *männliches Farnkraut* [50, с. 57], *Farnkrautmännchen* [85, с. 693] определительный компонент *Farn* ‘папоротник’ восходит к древнеиндийскому *parnam* ‘Flügel, Feder, Blatt’ (нем. *der Flügel* ‘крыло’, *die Feder* ‘перо (птицы)’, *das Blatt* ‘лист’). Этимологический словарь немецкого языка «Duden. Das Herkunftswörterbuch» описывает растение папоротник следующим образом: нем. «Die Pflanze ist also nach ihren federartigen Blättern benannt worden» [76, с. 205] ‘Растение получило свое название из-за перистых листьев’. Двоякоперисторассеченная форма листьев папоротника [26, с. 336] отражена в русском фитониме *сорокозуб*.

На нижней поверхности листьев папоротника к концу лета появляются бурые сорусы, по окраске похожие на ржавое железо, что, в свою очередь, явилось основанием для образования ряда синонимов в марийском языке – *күртньышудо*, *күртньӧлӧлдыш* (мар. *күртнӧ* ‘железо’), горн. *кыртнилүлыш*, *кыртнилүдыш*, (мар. горн. *кыртни* ‘железо’) [124, с. 69]

Фитоним *чындаран лышташ*, употребляемый в красноуфимском говоре марийского языка для номинации папоротника, определен наличием на листьях реалии характерного рисунка-узора [150, с. 22]. Ср.: тат. *челтәр* ‘кружево’ [64, с. 386].

Перисто-рассеченные листья **аистника** имеют внешнее сходство с морковной ботвой. Представленное сходство отражено в русском фольклорном фитониме *дикая морковка* [1, с. 136].

Латинское видовое название растения *perforatum* ‘перфорированный’ характеризует просвечивающие светлые листья **зверобоя**, имеющие черные точечные железки [40, с. 32]. Строение листьев растения выявляют русские фитонимы *диравик* [1, с. 172], *зверобой дырявый* [142, с. 155], *дюравец обыкновенный* [40, с. 32], *зверобой пронзённолистный* [50, с. 81], немецкие – *durchlöchertes Hartheu* (нем. *durchlöchern* ‘продырывать, изрешетить’; *der Hart* швейц. ‘общинное пастбище’; *уст.* ‘лесистые горы’), *Tüpfel-Hartheu* (нем. *getüpfelt* ‘в крапинку’) [50, с. 81], *Tausendlöcherkraut* (нем. *tausend* ‘тысяча’; *das Loch* ‘дырка, отверстие’; *das Kraut* ‘трава’), *Siebenundsiebziglöcherkraut* (нем. *siebenundsiebzig* ‘семьдесят семь’) [85, с. 274].

Фитоним *шершавая трава* может отражать не только строение поверхности листьев **девясила** (листья сверху голые, редко шершавоопушенные, морщинистые, снизу – густоопушенные, бархатистые), но и короткожестковолосистый стебель реалии [26, с. 156].

Внешнее сходство крапивы и **пустырника**, отсутствие жалящих волосков на листьях растения послужили основанием для образования фитонимов в разносистемных языках: рус. *глухая крапива*, *дикая крапива*, *крапивничок* [1, с. 191], мар. *пуста нуж* (мар. *пуста* ‘пустой, голый, чистый’; *нуж* ‘крапива’) [27], *маскануж* (мар. *маска* ‘медведь’).

Тройчатые листья **вахты** находят свое отражение в лексике всех разноструктурных языков: лат. *trifoliata* (лат. *tres* ‘три’; *folium* ‘лист’); мар. *кымпылыш* [12, с. 31], *кумпылыш* [22, с. 13], *кумвылыш* [27] (мар. *кум(ыт)* ‘три’; *пылыш* ‘ухо’); рус. *трёхлистка*, *трилистка* [2, с. 48], *трифоль* [1, с. 215], *трёхлопник* [143, с. 94], *третьяна* [45, с. 73]; нем. *Dreiblatt* [50, с. 97], *Dreikohl* [1, с. 215] (нем. *drei* ‘три’).

Мелкие пятна на листьях **ятрышника** представлены в латинском родовом фитониме *maculata* (лат. *macula* ‘пятно’); рус. *ятрышник пятнистый* [48, с. 163].

Листья **вороньего глаза**, расположенные крест-накрест, собраны по четыре в мутовку на верхушке стебля [40, с. 107]. Это определило образование фитонимов в русском языке – *крест-трава*, *хрест трава*. Ср.: лат. родовое название растения – *quadrifolium* (лат. *quattuor* ‘четыре’; *folium* ‘лист’); русское родовое название – *четырёхлистный*; в немецком – *Vierblatt* букв. ‘четырёхлистник’ (нем. *vier* ‘четыре’; *das Blatt* ‘лист’) [1, с. 241].

Наличие дуговидных жилок на листьях **подорожника** [26, с. 354] представлено в фитонимах рассматриваемых языков – мар. *түрлемшудо* (мар. *түрлаш* ‘вышивать’, *шудо* ‘трава’) [40, с. 53], *шөншудо* (мар. *шөн* ‘жила, сухожилие’) [27]; рус. *семижильник* [1, с. 259], *жилистый листок* [142, с. 202]. Видовое латинское название *major* ‘большой’ характеризует большой размер листьев [10, с. 142].

Латинское родовое название *Plantago* образовано от лат. *planta* ‘ступня, подошва’ и *agere* ‘делать’, так как прижатые к земле листья напоминают след ноги [48, с. 183]. Ср.: мар. *йолшудо* (мар. *йол* ‘нога’, *шудо* ‘трава’) [27]. Размер и форма листьев **подорожника** представлены в марийском языке фитонимом *йылмешудо* (мар. *йылме* ‘язык’, *шудо* ‘трава’) [27].

Родовое латинское название **щавеля** *Rumex* имеет значения ‘1. щавель; 2. дротик, вид металлического снаряда’ и связано с формой листьев, напоминающих копье [48, с. 211]. В «Этимологическом словаре ботанических названий растений» говорится, что латинское существительное *rumex* могло произойти прилагательного **rumos* ‘кислый, горький’ [77, с. 546].

По сходству листьев реалии с листьями рябины **кровохлебку** в народе часто называют *дикая рябина*, *лесная рябинка*, *рябинник* [1, с. 314].

Фитонимы в русском языке *зубник* [40, с. 47], *зубец*, *зубная трава* [45, с. 112] отражают резную форму края листьев **одуванчика**.

Листья **клевера** представляют собой трилистник, сросшийся при основании [16, с. 243]. Такое необычное строение листьев отражено в фитонимах разносистемных языков: лат. *Trifolium* (лат. *tres* ‘три’; *folium* ‘лист’) [78, с. 656]; рус. *треушник*, *троелистка*; нем. *Dreiblatt* букв. ‘трилистник’ [1, с. 360]; мар.

кумпылыш букв. ‘трилистник’ (мар. кум ‘три’, пылыш перен. ‘перо (лука, чеснока), лист (некоторых растений)’) [22, с. 9].

Фитонимы, базирующиеся на принципе «строение листьев», представлены такими основными характеристиками, как наличие пятен или отверстий на поверхности листа (*maculata*, *диравник*, *ятрышник пятнистый*, *зверобой дырявый*); шероховатое или гладкое строение поверхности (*пуста нуж*, *глухая крапива*, *ладыш*, *язык лесной*; *шершавая трава*), длина и размер листа (*major*, *тыгыде пишол*, *касатик*, *Vajonettstangen*), сравнение с отдельными предметами (*rutex*, *кўртньынӧлдыш*), другими растениями (*dryopteris*, *дикая рябина*; *морковочка*; *сосенка*, *еловой*, *полевой укроп*), пером птицы (*папороть*, *Farnkrautmännchen*), наличие расчлененной формы листа (*millefolium*, *тўжемишудо*, *Tausendblatt*), зубчатый край листа (*пырынзык*, *щербак*, *зубец*), наличие жилок, образующих подобие узора на поверхности (*чындаран лышташ*; *тўрлемшудо*, *жилистый листок*), особое количественное расположение листьев (*Trifolium*, *trifoliata*, *quadrifolium*, *кумвылыш*, *крест-трава*, *череда трёхраздельная*, *трилистка*, *треушник*, *Dreiblatt*; *Vierblatt*).

2.4.2. Названия растений, подчеркивающие строение стебля реалии

Ярко выраженные фитоморфологические признаки растения, характеризующие строение стебля, также легли в основу номинации.

Фитонимы в русском языке *волосец*, *волосяная трава* [1, с. 4] для номинации **тысячелистника** отражают прямой и пушистый стебель растения.

Прямостоячий стебель **aira**, напоминающий по форме тростник, находит свое отражение в видовом латинском названии реалии *calamus* (греч. *kalamos* ‘тростник’). Фитоним *calamus* в видоизмененной форме перешел во многие языки, так в русском и немецком языках можно встретить созвучные с латинским фитонимы: рус. *калмус* [1, с. 8], *колмус* [40, с.11]; нем. *Calmus* [1, с. 8], *Chalmus* [50, с. 51], *Kalmus* [78, с. 124].

Алоэ является вечнозеленым древовидным растением [40, с. 77], о чем свидетельствует латинское видовое название растения *arborescens* ‘становящийся

деревом' (причастие активного залога настоящего времени от инфинитива *arborescere* 'становиться деревом'); рус. *алойное дерево, алоэ древовидный* [40, с. 77]; нем. *baumartige Aloe* (нем. *baumartig* 'деревянистый') [50, с. 15].

Большой синонимичный ряд фитонимов в разносистемных языках определяет внешний вид стебля **дягиля**: стебель прямой, толстый, округлый, полый, бороздчатый, достигающий в длину до 2,5 м. [26, с. 171]. Ср.: рус. *ствольняк, ствол, веретено*; нем. *Stengel* (нем. *der Stengel* 'ствол'), *Tuten* (нем. *die Tute* 'труба, рог') [160, с. 67]; мар. *чаравуч* (мар. *чара* 'голый'), *шымăвыч, шимавуч* (мар. *шыма* 'гладкий, нежный') [27].

Латинское родовое название **боярышника** *Crataegus* произошло от латинизированного греческого слова *krataigos* 'сильный, мощный' и связано с крепкой и прочной древесиной растения [48, с. 81].

Высокий, прямостоячий стебель **живокости** с заостренными цветами отражен в марийском языке – *салтакшуды, салтакшудо* (мар. *салтак* 'солдат', *шудо* 'трава') [8, с. 28]. Ср. тж.: латинское видовое название *elatum* 'высокий' [48, с. 89].

Молодые ростки **хвоща** в русских говорах называют *пестики*. Образ, лежащий в названии, по мнению В.А. Меркуловой, прозрачен: молодой хвощ похож на пест. Ср.: рус. *пестушки* [1, с. 134], *перстик* [4, с. 27], *опестыш*, аналогичные названия со стороны значения *толкачик* (от рус. диал. *толкач* 'пест') [160, с. 116], *толкач* [1, с. 134].

Подрастающий хвощ получает название *ёлки* или *сосенки*, так как стебель растения напоминает хвойное деревце [160, с. 117]. Ср.: рус. *сосенка* [1, с. 134], *ёлочник* [4, с. 27]. В основе номинации фитонимов рус. *помёлочка* [4, с. 27], *метёлка, швабра-трава*, нем. *Fegekraut* (нем. *fegen* 'мести, чистить'; *das Kraut* 'трава') [83, с. 16] лежит признак, указывающий на летний мутовчато-ветвистый стебель хвоща [40, с. 68]. Форма и строение весеннего стебля реалии определяет значение русских названий растения *столбунец* [4, с. 27], *столбичек* [1, с. 134].

Форма безлистного, прямостоячего, тонкобороздчатого стебля **подорожника** с цилиндрическим колосом из мелких буроватых пленчатых цветов [40, с. 53] представлена в русском фитониме *солдатики* [3, с. 88].

Русское название *спорыш* дано растению **горец птичий** за способность быстро отращивать сломанные или поврежденные побеги [10, с. 45]. Ср. тж.: рус. *спорыш, шпорыш* [1, с. 263], *спорынь* [2, с. 67]. Родовое латинское название спорыша *Polygonum* в переводе обозначает ‘многоколенный’ (греч. *poly* ‘много’; лат. *geni* ‘колено’) [48, с. 187]. Связано это с тем, что стебель растения узловатый, в узлах вздут, и это производит впечатление многоколенности [149, с. 64]. Ср.: рус. *узловатая трава* [143, с. 32]; нем. *Knotengras* (нем. *der Knoten* ‘узел’) [50, с. 117].

Свойство стеблей **одуванчика** сворачиваться, будучи расщепленными, отражено в русских фитонимах *кульбаба* [142, с. 190], *куйбаба, куйбабка* [160, с. 101].

Фитонимы в русском языке *крапива маленькая, крапива мелкая* [2, с. 134]; немецком – *kleine Nessel, kleine Brennessel* (нем. *klein* ‘маленький’, *die Nessel* ‘крапива’) и марийском *кокшанпочкалтыш* [8, с. 40], *кокшанелчан* [22, с. 5] (мар. *кокша* ‘младший ребенок в семье’; *пелчан* ‘осот, бодяк полевой’) выявляют низкорослость **крапивы мелкой**.

Таким образом, наименование растений происходит путем указания на твердость (*arborescens, Crataegus, алоэ древовидный, baumartige Aloe*), высоту (низкорослость) (*calamus, elatum, салтакшудо, кокшанелчан, калмус, ствол, Chalmus; Stengel*), гладкость (*чаравуч, шымавуч*) или мягкость стебля (*кульбаба, куйбаба*); отдельно подчеркнута косвенная связь с временным периодом роста стебля (*пестовник, толкач, ёлочник, столбунец*).

2.4.3. Фитонимы, выявляющие строение корня (клубня) растения

Названия растений могут выявлять внешние особенности строения корня или клубня растения и быть образованы чаще всего путем метафорического переноса.

Фитонимы рус. *мечекорень*; нем. *Schwertchenwurzel* [50, с. 11], *Schwertwurzel* [83, с. 124] (нем. *das Schwert* ‘меч’; *die Wurzel* ‘корень’) отражают толстое длинное цилиндрическое ползущее корневище **aira** [26, с. 59]. Собранные обработанные

корневища *лепёшника* разрезаются на куски длиной 15-20 см. [40, с. 11]. Ср. тж.: рус. *лепёха, лепёшка* [1, с. 8].

Фитоним в русском языке *земляные орехи* [1, с. 134] отражает строение корня **хвоца** с шаровидными клубнями [40, с. 68].

Пальчато-раздельная форма клубней **ятрышника** [38, с. 82] находит отражение в русских фитонимах *пятипалечная трава, пятипалишник* [1, с. 233].

Латинское видовое название *Orchis* (греч. *orchis* ‘ядро, яйцо (половой орган)’) [48, с. 162], рус. *ятрышник* (диал. *ятро* ‘яйцо’) [10, с. 208], нем. *kleine Orchis* букв. ‘маленькие яички’ (нем. *der Orchis* анат. ‘яичко, семенник’) [78] даны ятрышнику пятнистому по яйцеобразной форме клубней.

Рассмотренный принцип номинации растений, представленный лишь в русском и немецком языках, выявляет внешний вид и длину корня денотата. Кроме того, следует отметить, что при номинации ятрышника в фитонимах разносистемных языков ярко представлена параллельная мотивема «часть тела» (*ятрышник, Orchis, пятипалечная трава, kleine Orchis*).

2.4.4. Фитонимы, отражающие строение плода, семян растения

Растение может получить свое название на основании формы плода (семян), при этом наделяться какими-то свойствами.

Плод **алтея** дробный, состоящий из большого количества одногнездных плодиков, в виде просвирки. Ср.: рус. *просвирка, просвирняк* [20, с. 12], *просвирки, просвирник* [1, с. 26].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля значение фитонима *калачики* описывается следующим образом: «от подобия семенных головок его» [19, с. 12]: семена темно-бурые, голые, гладкие, почковидные длиной 2-2,5 мм и шириной 1,75-2 мм [26, с. 72]. Ср.: рус. *калачник* [53, с. 239], *маковейник* [55, с. 311], *маковшник* [55, с. 313]. Марийцы сравнивают плоды реалии с творожными лепешками, называя алтей *туарашудо* (мар. *туара* ‘творожная лепешка’) [27].

Плоды **толокнянки** представляют собой шарообразную костянку [16, с. 197], что послужило основанием для фитонимов в русском языке *костянки* [40, с. 66], *костянка* [1, с. 43].

Названия растения лат. *bidens* букв. ‘двузубчатый’ [48, с. 43] (лат. приставка *bi* ‘дву-’, *dens* ‘зуб’); рус. *двузубец* [10, с.189], *бадульки* [40, с. 72], *остючки* [1, с. 65]; нем. *Gabelkraut* [1, с. 65] (нем. *die Gabel* ‘вилка’, *das Kraut* ‘трава’), *Zweizahn* [50, с. 28] (нем. *zwei* ‘два’; *der Zahn* ‘зуб’) свидетельствуют о том, что **череда** приспособилась распространять свои плоды-семянки с помощью двух зубцов на верхушке.

Латинское название растения **пастушья сумка** *Capsella bursa pastoris* связано с треугольной формой плода, напоминающей сумку пастуха: лат. *capsa* ‘ящик, шкатулка’, *bursa* ‘шкура’ (сумки для пастухов шили раньше из шкур животных), *pastor* ‘пастух’ [48, с. 50]. По такому же принципу построен и немецкий термин *Hirtentäschelkraut* [82, с. 125] (нем. *die Tasche* ‘сумка’, *der Hirt* ‘пастух’; *das Kraut* ‘трава’). Ср. тж: нем. *Täschelkraut* [85, с. 553] (нем. *die Tasche* ‘сумка’, *das Kraut* ‘трава’); *Säckelkraut* (нем. *der Säckel* ‘кошелек’) [1, с. 82], *Täschel* [50, с. 32]. Немецкие одноязычные справочники дают следующее описание плода: «Schötchen 3-eckig, verkehrt-herzförmig, an eine Hirtentasche erinnernd» [84, с. 420] ‘плод треугольный, неправильной сердцевидной формы, напоминающий пастушью сумку’; *vielsamige, 3-eckige Schötchen* [81, с. 131] ‘многосемянной треугольной формы плод’. «Справочник по лекарственным растениям Марийской АССР» описывает форму плода аналогичным образом: «Плод сплюснутый, обратнотреугольной формы с выемкой наверху» [40, с. 49]. Ср.: рус. *сумочник пастуший* [50, с. 32], *кошелёк* [1, с. 82], *мошёнчик* [18, с. 23]. С другой стороны, плоды денотата по своей форме напоминают сердце [198, с. 160], что объясняет наличие фитонимов рус. *сердечки*, *сердочки* [1, с. 82]; нем. *Herzel* [78, с. 38], *Herzkraut* [50, с. 33], *Herzelkraut* [78] (нем. *das Herz* ‘сердце’).

Плод **чистотела** представляет собой стручковидную коробочку, которая раскрывается двумя створками, причем с треском. За это чистотелу в народе дали название *щелкунец* [199, с. 160].

Латинское видовое название **спорыньи** *Claviceps* образовано от латинских слов *clava* ‘жезл, посох, булава’ и *seps*, но следует отметить, что последнее существительное является стяженной формой существительного *caput* ‘голова’ [48, с. 70]. Прорастающие склероции гриба имеют форму удлинненно-продолговатых головок, искривленных и заостренных к концам [40, с. 61]. Ср.: рус. *клавицес*, *крючки*, *рожки* [20, с. 297], *бодники* [40, с. 61]; нем. *Zapfenkorn* (нем. *der Zapfen* ‘пробка, затычка, шишка (у растения)’, *das Korn* ‘зерно’) [50, с. 41].

Красные плоды **боярышника** свисают гроздьями и создают иллюзию того, что кустарник полностью украшен красными сережками. Этот необычный факт подмечен марийцами и отражен в фитониме *алгавондо* (мар. *алга* ‘серьги’; *вондо* ‘куст’) [9, с. 5].

Сухая семянка-плод **аистника** в длину достигает 3-4 см. Семянки расположены близко друг к другу, словно зубья у граблей. Ср: рус. *грабельки* [1, с. 136], тж. рус. *клювики* [2, с. 18], *косарики*, *игольник*, *носок* [1, с. 136].

С шаровидной коробочкой-плодом **вахты** связаны русские диалектные фитонимы *бобовник*, *бобровник*, *бобрик*, *бабенник* [1, с. 215]. Как отмечает В. А. Меркулова, корень *боб-* / *баб-* выступает в славянских языках для обозначения чего-то вздувшегося, мелких круглых предметов [160, с. 36].

На верхушке стебля **вороньего глаза** расположен один цветок, из которого образуется единственная многосемянная сизовато-черная ягода-плод [40, с. 107]. Ср.: нем. *vierblättrige Einbeer* букв. ‘четырёхлистная одна ягода’ [50, с. 106]. Представленный немецкий фитоним выявляет одновременно строение листьев и наличие одной ягоды-плода денотата.

Плоды **горца змеиного** схожи с плодами гречихи, такое сходство обусловило наличие фитонимов в русском языке *гречиха-змеевик* [45, с. 93] и *дикая греча* [1, с. 264].

Многочисленный синонимичный ряд фитонимов выявляет строение созревших семян **одуванчика**, которые при дуновении ветра легко отрываются от цветоложа и разлетаются [10, с. 122]. Возможность сдуть появляющегося

на месте цветка пуха нашла свое отражение не только в литературном названии растения *одуванчик*, но и народных названиях этого растения: рус. *дуан* [40, с. 47], *летучки* [1, с. 350], *ветродуйки* [160, с. 110], *ветреник* [3, с. 63]; нем. *Pusteblume* (нем. *die Puste* ‘дыхание’, *die Blume* ‘цветок’) [73, с. 190].

Семантический признак «строение плода, семян растения» выражается метафорически путем сравнения плода и семян реалии с разного рода предметами обихода (*Capsela bursa pastoris*, *алгавондо*, *грабельки*, *игольник*, *крючки*, *кошелёк*, *сумочник пастуший*, *Gabelkraut*, *Täschelkraut*, *Zapfenkorn*), анатомическими органами (*сердечки*, *носик*, *клювики*, *Herzel*), кондитерскими изделиями (*туарашудо*, *калачики*), также функционирует в тех фитонимах, где прослеживается сходство с другими растениями (*гречиха полевая*; *маковейник*), описывается строение плода (*двузубец*, *bidens*; *vierblättrige Einbeer*), его шаровидная форма (*бобовник*, *бабенник*), способность семян легко отделяться от цветоложа (*дуан*, *летучки*, *ветреник*, *Pusteblume*).

2.4.5. Названия растений, характеризующие строение и окраску цветка денотата

В названиях растений широко представлена окраска и внешнее строение цветка и его соцветий.

Мелкие цветки *дягиля* собраны в сложные крупные зонтики, что послужило основанием для образования диалектного фитонима в русском языке *кудрявый дягиль*.

Марийское название растения *шаргенчышудо* [8, с. 64], *шергеньышудо* [46, с. 197] (мар. *шаргенче* перен. разг. ‘малявка’, ‘малышня’; *шудо* ‘травя’) для обозначения **пастушьей сумки** связано с мелкими белыми цветками денотата, собранными в кистевидные соцветия, которые в начале цветения кажутся зонтиковидными. Следует обратить внимание также на прямое значение слова *шаргенче* ‘гнида’.

При рассмотрении цветков **василька**, издали создается ощущение, что внешние лепестки растения рассечены на небольшие лоскутки. Этим объясняется

образование русских диалектных фитонимов *лоскутница* и *лоскутный цвет* [1, с. 89]. Ср.: нем. *Sichelblume* (нем. *die Sichel* ‘серп’; *die Blume* ‘цветок’) [1, с. 90]. В марийских фитонимах прослеживается схожий мотивировочный признак. Однако, по мнению А. С. Ефремова, смысловое содержание марийских фитонимов *кудлу* букв. ‘шестьдесят’, *кудлувуянпеледыш* букв. ‘шестидесятиглавый цветок’, *кутлуки* букв. ‘шестьдесят сучьев’ основывается на количественной характеристике цветков объекта. По-видимому, все эти названия хронологически более поздние по сравнению с композитой *торгавуй* букв. ‘раскидистая голова’, в образовании которой участвуют лексемы финно-угорского происхождения, обладающие довольно высокой частотностью употребления в говорах марийского языка [123, с. 71]. Округлая форма цветка реалии создает иллюзию голубой пуговицы – рус. *пуговник* [1, с. 89].

На Руси **ромашку** называли *пунавками*, потому что в центре соцветий возвышается желтый «пупок». Желто-белая окраска легко узнаваемых цветков ромашки функционируют в названиях растения – рус. *невесточка*, *солнечник* [157, с. 152], мар. *шергаивуйшудо* (мар. *шергаиш* ‘кольцо’; *вуй* ‘голова’; *шудо* ‘трава’) [27], *туаткалпеледыш* (мар. *туаткал* ‘ватрушка’; *пеледыш* ‘цветок’), *мунопеледыш* (мар. *муно* ‘яйцо’; *пеледыш* ‘цветок’), *понарвеледыш* (мар. *понар* ‘фонарь’, *пеледыш* ‘цветок’) [123, с. 81]. Цветы ромашки внешне похожи на пуговицы, именно этот признак, по мнению А. С. Ефремова, стал основой марийских фитонимов *полдышвуй*, *полдышвуйшудо* (мар. *полдыш* ‘пуговица’) [8, с. 439].

Марийский фитоним *онгырвуй* (мар. *онгыр* ‘колокольчик’; *вуй* ‘голова’) [121, с. 65] базируется на строении цветочной стрелки **ландыша** с однобокой кистью белых колокольчатых душистых цветков [40, с. 41].

Темно-синие цветки **живокости** имеют шпорец в кистевидных соцветиях. Большое количество фитонимов, базирующихся только на строении цветка реалии, представлено в русском языке: *рыцарская шпора*, *шпорник* [157, с. 62], *острожка*, *сокирки*, *топорики*. Ср. тж.: нем. *Rittersporn* букв. ‘рыцарская шпора’.

Русский фитоним **подсолнечник** связан с крупной корзиной растения, напоминающей солнце. За способность поворачивать соцветия вслед за солнцем [10, с. 144] греки называли подсолнечник *Helianths* (греч. *helios* ‘солнце’; *anthos* ‘цветок’) – «цветок солнца» [73, с. 252]. Ср.: рус. *солноверт*, *вороты-солнце* [1, с. 163], *солноворот* [59, с. 267].

Компонент *солнце* повсеместно присутствует в фитонимах русского языка: *сонячник* [1, с. 163], *подсолнушник* [3, с. 90], *солнешник* [59, с. 265], *солнушник* [59, с. 270]; *Sonne-* (нем. *die Sonne* ‘солнце’) в немецких фитонимах: *Sonnenblume* [50, с. 77], *Sonnenkrone*, *Sonnenstern* [74, с. 313]; *кече-* (мар. *кече* ‘солнце’) в марийских названиях растения *кечшудо* [14, с. 67], *кечывоштек* (воштек < поштек ‘вслед за’), *кечывөртем* (вөртем < пёрдем ‘круговорот’) [100], *кечыгалпак* (галпак < калпак ‘шапочка, колпак’) [47, с. 91], *кечывуй* [22, с. 9].

Цветки **девясила** по своей круглой форме и желтой окраске лепестков денотата напоминают цветки подсолнечника, такое сходство растений представлено в русских народных фитонимах *дикий подсолнечник* [1, с. 176], *солнечник* [2, с. 74]. Ср. тж.: рус. *жёлтый пуговальник* [1, с. 172].

С давних пор **чертополох** называли *татарником*, *татарки* [1, с. 232] или *татарин* [25, с. 191], потому что его цветок с ярко-малиновым венчиком напоминает татарский национальный головной убор [157, с. 178].

Латинское видовое название **щавеля** *confertus* ‘густой, плотный’ и русский фитоним *щавель густой* [40, с. 163] определяются его густыми соцветиями [92, с. 164].

Форма цветков **кровохлебки**, собранных в головчатые колосья и расположенных на концах стеблей [40, с. 38], послужила основанием для образования фитонима в русском языке *шишечки* [1, с. 315].

Наличие мелких цветков **мокрицы**, имеющих вид звездочки [40, с. 115], отражается в латинском видовом названии растения *Stellaria* (лат. *stella* ‘звезда, планета’) [77, с. 609]; в русском – *звездчатка*, *звёздочка* [2, с. 89]; нем. *Feldsternmiere* [50, с. 143], *Sternblume* [85, с. 404], *Sternkraut* [78] (нем. *der Stern* ‘звезда, светило’).

О наличии в цветоносе **одуванчика** полости свидетельствуют русские названия растения *пустодуй, полая трава, половка* [86, с. 158].

Трехцветная окраска цветков **фиалки** представлена во многих названиях растения – *фиалка трёхцветная* [50, с. 158], *троецветка* [45, с. 128], *тройцвет* [1, с. 382], *трёхцветка* [4, с. 23]. Ср. тж.: рус. *краски* [134, с. 37].

Рассмотренные фитонимы указывают, главным образом, на строение цветочной стрелки, соцветия (*confertus, онгырвуй, понарвеледыш, шергаивуишудо, щавель густой, шишечки, кудрявый дягиль, шпорник, полая трава, пустодуй, Rittersporn*), размер цветка (*шаргенчышудо, подсолнечник*), окраске лепестков (*жёлтый пуговальник, тройцвет*), на их внешнее строение (*кудлу, лоскутница, Sichelblume*), округлую форму цветка (*полдышвуй, пуговник*), также прослеживается сходство с астрономическими объектами (*Stellaria, кечывоштек, кечывуй, подсолнух, трава солнца, звёздочка, Sonnenblume, Sonnenkrone, Sternblume*).

2.4.6. Фитонимы, свидетельствующие о способности растения или его частей выделять сок, жидкость

Растения, которые в силу своего строения способны выделять млечный сок, носят соответствующие названия с лексемой *молоко* и лексическими компонентами, указывающими на процесс доения.

Наличие млечного сока в стебле **чистотела** послужило основанием для образования русского фитонима *молочай* [1, с. 94].

Способность **одуванчика** выделять млечный сок при повреждении целостности растения представлена в следующих фитонимах: рус. *молокоед* [1, с. 349], *молоканицик* [3, с. 63], *молосная трава* [160, с. 100]; мар. *шөршудо* [9, с. 121] (мар. *шөр* ‘молоко’; *шудо* ‘трава’). В немецком языке можно встретить сравнение сока денотата не только с молоком, *Milchblume* [73, с. 190] (нем. *die Milch* ‘молоко’; *die Blume* ‘цветок’), но и с топленным салом – *Schmalzblümchen* [50, с. 147] (нем. *das Schmalz* ‘жидкий жир, топленое сало’). Этимология русских фитонимов *дойник* [45, с. 112], *подойник* [142, с. 188],

подоянка [1, с. 349], связанных доением, также свидетельствует о сходстве сока одуванчика с молоком [142, с. 188].

Принцип «способность растения выделять сок» воспроизводят, в большей степени, диалектные фитонимы русского языка, менее богатый синонимичный ряд представлен в марийском и немецком языках. В рассматриваемых языках фитонимы для номинации отдельных растений содержат общую лексему *молоко* в русском языке (*молосная трава, молокоед, молочай*), *Milch* – в немецком (*Milchblume*) и *шөр* – в марийском (*шөршудо*).

2.4.7. Фитонимы, отражающие жгучесть и колючесть поверхности растения

Наличие шипов или жгучих волосков, покрывающих все растение целиком или отдельные его части, отражено в названиях растений всех рассматриваемых нами языков.

Мясистые листья **алоэ** с шиповатыми краями [40, с. 77] находят свое отражение в русском фольклорном фитониме *колючий цветок* и марийских – *иманшудо, пүяншудо* [125, с. 128] (мар. *иман* ‘иглистый, колючий’; *пүян* ‘зубчатый, с зубками’; *шудо* ‘трава’).

Фитонимы рус. *колючка* и нем. *Hagedorn* (нем. *der Hag* ‘кустарник’; *der Dorn* ‘колючка’) [50, с. 49] базируются на наличии колючек на побегах **боярышника**.

Колючий шарообразный плод-коробочка **дурмана** отражен в большом синонимическом ряду в разносистемных языках: нем. *Dornapfel* букв. ‘колючее яблоко’, *Igelkorben* букв. ‘ежовая коробочка’ [50, с. 53]; рус. *колюки-яблоки* [40, с. 27], *колюки, колючье* [1, с. 123].

Названия **дурмана** *репей, репейник* [143, с. 57] связаны с тем, что растение повсеместно имеет шипы, в том числе и на цветках. Существует предположение, что название растения *репей* связано со слав. **rěpīi* с лит. *aprėpti, aprėpiù* ‘охватить’, *replės* ‘щипцы’ [69, с. 471].

Русское название **шиповник** растение получило из-за острых и прочных шипов, способных причинить серьезные неприятности неосторожному человеку

или животному. Фитоним *шиповник* образован от общеславянского *шип*, первоначальное значение которого ‘острие; то, чем можно уколоть(ся)’, и фиксируется словарями русского языка с XVIII века, хотя в древнерусском и старославянском было употребительно слово *шипъкъ* ‘цветок розы’ [71, с. 412], ему соответствуют фитонимы: рус. *шиповный цвет*, *шюшина* [1, с. 300], *чипшиник* [4, с. 56], мар. *шуанвондо*, *шуанванды* (мар. *шуан* бот. ‘с шипами, колючками, иголками’; ‘колючий’; *вондо* ‘куст’) [27].

Обжигающее свойство **крапивы двудомной** и **крапивы малой** вызвано наличием множества жгучих волосков, покрывающих полностью листья и стебли денотата. Не случайно латинское видовое название растения *Urtica* связано с латинским глаголом *urere* ‘жечь’ [48, с. 243]. Само название *крапива* в русском языке растение получило от слова *кран* [143, с. 45], которое может быть связано с общеславянским глаголом **kropiti* (рус. *кропить*) ‘ожигать’, что мотивировано способностью этого растения наносить ожоги, обжигать [72, с. 153].

Фитонимы для номинации **крапивы двудомной**, отражающие данное свойство, являются самыми многочисленными и представлены в русском языке словами *жегала*, *стрекаша* [1, с. 369], *стрекучка* [45, с. 121]; в немецком языке – *Brennessel* [85, с. 456], *Sengnessel* [78, с. 32] (нем. *brennen* ‘гореть’; *sengen* ‘жечь, палить’; *die Nessel* ‘крапива’), в марийском – *почкалтыш* [8, с. 40], *почкалдыш* [13, с. 161] (мар. *почкаш* ‘обжигать крапивой’).

Существует несколько русских названий растений с общим корнем *костр-*: *костичка* [160, с. 115], *кострива*, *кострыка* [1, с. 369]. В. А. Меркулова считает, что перечисленные фитонимы могут быть связаны с названием жесткой коры льна или конопли, отделяемой при трепании, которую складывали в кучи и сжигали. Вероятно, по этой причине и возник такой метафорический перенос [160, с. 115]. Хотя, с другой стороны, можно предположить, что ожоги, образуемые на кожном покрове от крапивы, внешне очень схожи с легкой формой ожога от костра.

Крапива малая обладает большей жгучестью в отличие от крапивы двудомной, о чем свидетельствуют названия растения в русском языке: *ожальник*

[2, с. 134], *озжиха* [1, с. 370]; в марийском – *аярнуж* [8, с. 40] (мар. *аяр* ‘яд’, ‘отрава’, ‘жгучий’; *нуж* ‘крапива’), в немецком – *Scharfnessel* [82, с. 605] (нем. *scharf* ‘острый’).

Семантический признак, выявляющий жгучесть или колючесть реалии, обусловлен наличием на поверхности всего растения (*иманшудо, шуанвондо, чипшиник, реней*) или отдельных его частей (плода, листьев) колючек (*колюки, колючий цветок*) или жалящих волосков (*Urtica, аярнуж, почкалдыш, жегала, озжиха, Scharfnessel*).

Таким образом, мотивема «внешний вид растений» является одной из наиболее актуальных при номинации растений, так как определяет особенности строения стебля, ветвей, листьев, цветов, корней, поэтому актуализируется в фитонимах всех анализируемых языков. Схожие по внешнему виду растения, даже не принадлежащие одному семейству, номинативно не имеют явных различий, например фитоним *молочай* является омонимичным для чистотела (семейство маковых) и одуванчика (семейство астровых).

В основе номинации ряда фитонимов по отдельным принципам лежит метафора. Следует отметить, что любая лексема в составе отдельного метафорического выражения несет определенную смысловую нагрузку: *морковь* – описывает рассеченное строение листьев, *күртнӧ* ‘железо’ – объясняет наличие бурых сосуров на нижней стороне листа; *жила, шӧн* ‘жила, сухожилие’ – выявляет неординарный рисунок на поверхности листа; *дерево* – подчеркивает твердость стебля; *ствол* – его длину; *сумка* – описывает треугольную форму плода; *пух, мамык* ‘пух’ – показывает особенность строения цветоложа и т.п.

Количественное соотношение названий лекарственных растений для данной группы представлено следующим образом: русский язык – 535 фармакофитонимов (72 %); марийский язык – 92 (12,5 %); немецкий язык – 86 (11,7 %); латинский язык – 24 (3,2 %).

2.5. Мотивема «Место и условия произрастания»

Место и условия произрастания лекарственных растений ярко отражаются при их номинации. В связи с этим все фитонимы можно распределить на несколько основных подгрупп.

2.5.1. Названия растений, произрастающих в сухой местности

Произрастание **тысячелистника** на суходольных лугах, опушках лесов, на полях и, главным образом, у дорог отражено в русском языке фитонимом *подорожница* [1, с. 5].

Трава **адонис** встречается на каменистых склонах, среди кустарников и по меловым горам: нем. *Bergadonisröschlein* (нем. *der Berg* ‘гора’) [1, с. 10].

Песчаника [1, с.38], или **кошачья лапка**, произрастает на сухих песчаных почвах, на лугах и полях, а также вдоль дорог [40, с. 124]. Ср.: рус. *песчанка*; нем. *Sanduhrblume* (нем. *der Sand* ‘песок’, *die Uhr* ‘часы’, *die Blume* ‘цветок’) [83, с. 108].

В последние десятилетия **дягиль** стал культивируемым растением. Его выращивают на приусадебных участках, садах или огородах как эфирномасличное, пряное, а, главное, лекарственное растение: рус. *дудник садовый*; нем. *Gartenengelwurz* [50, с. 19], *Gartenangelika* [1, с. 36] (нем. *der Garten* ‘сад’; *der Engel* ‘ангел’; *die Wurz* ‘корень’).

Основным местом произрастания **тмина**, в первую очередь, являются долины рек, но изредка растение можно встретить в степной зоне, на лугах, в разреженных лесах, на лесных полянах и опушках. Ср.: рус. *анис полевой* [1, с. 87], *тмин полевой*; нем. *Feldkümmel*, *Wiesenkümmel* [50, с. 35] (нем. *das Feld* ‘поле’; *die Wiese* ‘луг’; *der Kümmel* ‘тмин’).

Чистотел в русских говорах прозвали *подтынником*, так как его можно часто встретить возле тына [199, с. 160] (рус. *тын* обл. ‘забор, частокол’ [39, с. 818]).

Способность **цикория** расти на лугах, также на пустырях и вдоль дорог отражена в рассматриваемых языках: рус. *луговник*, *придорожник* [142, с. 229]; мар. *корнывоктенишудо* (мар. *корно* ‘дорога’; *воктен* ‘рядом’; *шудо* ‘травя’),

нем. *Feldwegwarte* [1, с. 98], *Wegtritt* [83, с. 102] (нем. *der Weg* ‘дорога’; *das Feld* ‘поле’).

Латинское родовое название **ландыша** *Convallaria* буквально переводится как ‘лилия долин’ (лат. *convallis* ‘долина’; греч. *leirion* ‘лилия’) [48, с. 77]. Ср.: нем. *Tallilie* букв. ‘лилия долин’ [78], рус. *конвалия*, *конвалырия*, *полевая лилия*. Излюбленным местом произрастания ландыша являются леса, отсюда рус. *лесной колокольчик*.

Родовой компонент *arvense* в научном названии **хвоща** определен местом произрастания растения – лат. *arvense* ‘полевой’ [48, с. 100]. Ср.: рус. *хвощ полевой*, мар. *насу урвоч* (мар. *насу* ‘поле’; *ур* ‘белка’; *поч* ‘хвост’); нем. *Ackerschachtelhalm* [1, с. 134], *Feldschachtelhalm* [50, с. 59] (нем. *der Acker* ‘поле’; *das Feld* ‘поле’).

Большой синонимичный ряд фитонимов в разноструктурных языках для обозначения **подорожника** подчеркивает его приуроченность к дорогам, поэтому русские фитонимы чаще всего образованы от лексем *дорога*, *тропа*, *путь* и *топтать*: рус. *попутник*, [89, с. 158], *путничное листьё*, *трипутень* [1, с. 259], *дорожник* [3, с. 88], *тропинник*, *топтотел* [142, с. 198 – 200]; немецкие – от лексемы *Weg* ‘дорога, путь, тропа’ – *Wegbreit*, *Breitwegerich* [83, с. 92], *Rothwegerich* [1, с. 259]; марийские – от лексемы *корно* ‘дорога’ – *корнышудо*, *корнытүршудо* (мар. *корно* ‘дорога’; *түр* ‘край’; *шудо* ‘трава’) [27], *корнывоктенишудо* [123, с. 77] (мар. *воктен* ‘возле, рядом’).

2.5.2. Названия растений, произрастающих на влажных почвах и вблизи водоемов

Аир произрастает в стоячих водах, на болотах, по берегам рек, озер, прудов. Это послужило основанием для образования следующих фитонимов: рус. *аир болотный*, *водяная трость*, нем. *Teichkalmus* (нем. *der Teich* ‘пруд, озеро, водоем’; *der Kalmus* ‘аир’) [1, с. 8], мар. *вүдлокама* (мар. *вүд* ‘вода’; *локама* ‘шиповник’) [40, с. 11].

Местом произрастания **алтея** считаются поймы рек и заболоченные низины, влажные луга и берега рек [40, с. 12], отсюда нем. *Flusskraut* букв. ‘речная трава’ [78] (нем. *der Fluss* ‘река’).

Луговая дудка [45, с. 142] ‘**дягиль**’ растет на заливных лугах и сырых местах, у берегов рек и озер [16, с. 171].

Фитонимы для номинации **череды** в русском языке *болотная стрелка* и немецком *Wasserdosten, Wassersternkraut* [1, с. 65] (нем. *das Wasser* ‘вода’) ярко выявляют влажные места произрастания растения – канавы, берега водоемов, заболоченные луга.

Существует мнение, что родовое латинское название **вахты** *Menyanthes* происходит от греческих слов *menyo* ‘показывать’ и *anthos* ‘цветок’, так как растение имеет крупное соцветие бледно-розовых цветков, которое хорошо заметно в темноте, и тем самым предупреждает путника о топком месте, где растение обычно обитает [149, с. 61]. Этим же объясняются русские фитонимы *вахта, вахка, вехк* [160, с. 37], *вахта-трава* [1, с. 215].

Звездчатка произрастает на влажных почвах. Способность растения сохранять влагу и оставаться влажным даже в сухую погоду [40, с. 116] отражена в фитонимах русского языка *мокрижник* [56, с. 209] *мокруша* [160, с. 138], *водяная звёздочка* [25, с. 54], мар. *ночкышудо, лазырашудо* букв. ‘сырая трава’ (мар. *ночко* ‘сырой’; *лазыра* ‘водянистый’; *шудо* ‘трава’) [27].

2.5.3. Названия растений, связанные с топонимами

В отдельных случаях растению давали наименования на основании названия той области (местности), где оно произрастало.

Адонис можно встретить в степях и лесостепях европейской части России, Западной Сибири [149, с. 69]: рус. *адонис сибирский* [2, с. 17].

Плиний считал, что родовое название **тмина** *Carum* может быть связано с названием местности Кария в Малой Азии, где произрастает лучший тмин [48, с. 53].

Слово **ромашка** происходит от латинского слова *romana*, что значит ‘римская’ [10, с. 152]. В старинных травниках встречается упоминание о растении *романова трава* и *романов цвет* – это ромашка [165, с. 37]. Сейчас ромашка воспринимается как исконно русское слово, и никто даже не догадывается, что это слово является заимствованием. Ср.: нем. *Remi, Romerei* [78], рус. *ромен, романец* [45, с. 201].

Мята культивируется в Центральной Европе, главным образом, искусственно, в садах [75, с. 397], в Англии это растение является дикорастущим [1, с. 214]; рус. *английская мята* [1, с. 214], *мята садовая* [3, с. 55], нем. *englische Minze* букв. ‘английская мята’, *Gartenminze* ‘садовая мята’ [78].

2.5.4. Названия паразитирующих или приносящих неудобства человеку в бытовой деятельности растений

Излюбленным местом произрастания некоторых лекарственных растений становятся сельскохозяйственные угодья. Нередко они становятся сорняками, паразитируют культурные растения и доставляют большие неудобства человеку в бытовой и сельскохозяйственной деятельности. Все обозначенные отрицательные свойства лекарственных растений находят свое отражение в фармакофитонимах.

Поскольку **василек** растет на лугах, на скудных почвах и именно как сорняк встречается на хлебных полях вместе со злаками, он имеет богатую группу соответствующих названий в разносистемных языках, таких как *ржевой цвет*, [1, с. 89], *василек полевой* [2, с. 46], *полевой цветок* [142, с. 145]; мар. *незершудо* (мар. *незер* ‘бедный, скудный’; *шудо* ‘трава’), нем. *Kornblume, Kornflockenblume* (нем. *das Korn* ‘зерновой хлеб, зерно, рожь’) [50, с. 51], *Roggenblume* (нем. *der Roggen* ‘рожь’) [1, с. 90].

Спорынья считается болезнью злаковых растений, преимущественно ржи, в связи с этим в русском языке существуют фитонимы, базирующиеся на способности денотата поражать культурные и дикорастущие злаки, рус. *ржанец, аржанец* [3, с. 135].

Спорыш растет повсеместно: около жилищ, по сорным местам, возле дорог и т.д. Но отличается *топтун-трава* уникальной «устойчивостью к вытаптыванию: и люди по ней ходят, птица и скот на ней пасутся, телеги и машины ездят, а ей все нипочем» [149, с. 64].

Рассказывают, что спорыш когда-то хотел уйти в горы, так как люди его очень топтали, норовили уничтожить. Но встретила ему на пути ведьма с пучком злых кореньев и отправила его обратно к людям, пообещав, что больше люди не смогут обижать спорыш. Напротив, он будет им вредить и сможет расти везде, где захочет. Действительно, стал спорыш, *ведьмина трава*, расти повсеместно, и там, где он поселится, другая трава уже не растет [143, с. 33]. Ср.: рус. *топтун*, *колесница* [88, с. 158], *подорожник* [1, с. 263], нем. *Angerkraut* (нем. *der Anger* ‘деревенская площадь, поляна’) [50, с. 117], мар. *тошкемшудо* [40, с. 23], *ташкымышуды* [9, с. 95] (мар. *тошкаш* ‘топтать’).

Таким образом, признак «место произрастания» представлен в фитонимах всех анализируемых языков, он выявляет локальные особенности фитонимической лексики с помощью определенных лексем: дорога – *корнывоктышшудо*, *корнышудо*, *подорожница*, *придорожник*, *дорожник*, *Wegtritt*, *Wegbreit*; поле – *arvense*, *хвоц полевой*, *полевой цветок*, *Feldschachtelhalm*; *Feldwegwarte*; болото – *аир болотный*; *болотная стрелка*; мокрый – *лазырашудо*, *мокруша*.

Отдельную группу образуют фитонимы, выявляющие паразитирующие свойства растения (*ржанец*; *ржевой цвет*) и связь с топонимами (*Carum*, *английская мята*; *романов цвет*, *Remi*). Такая классификация названий растений позволяет определить их естественное географическое положение.

Количественное соотношение названий лекарственных растений для данной группы представлено следующим образом: русский язык – 117 фармакофитонимов (58,5 %); немецкий язык – 60 (30 %); марийский язык – 19 (9,5 %); латинский язык – 4 (2,0 %).

2.6. Мотивема «Время цветения»

В фитонимах данной группы находит свое отражение весенний и летний период цветения лекарственных растений, и актуализируются соответствующие признаки – периодичность, время, продолжительность цветения, а также косвенное указание на отмеченные признаки, поскольку большинство растений собирали именно в пору цветения.

Адонис появляется ранней весной сразу после таяния снега, а период цветения растения выпадает на конец апреля – начало мая. Ср.: латинское и русское родовое название растения *vernalis* (лат. *ver* ‘весна’) [48, с. 12], рус. *горюцвет весенний*; нем. *Frühlingsadonis*, *Frühlingsadonisröschen* [50, с. 11] (нем. *der Frühling* ‘весна’).

В комнатных условиях **алоэ** цветет редко, так как к моменту цветения (декабрь-январь) света и тепла становится уже недостаточно. Это послужило основанием для народных фитонимов *столетник* и *столетнее дерево*, т.е. цветущее один раз в сто лет [149, С. 31].

Подмечено, что время нахождения солнца в зените совпадает с порой цветения **цикория** [200, с. 160]; это и объясняет наличие следующих фитонимов в сопоставляемых языках: рус. *солнцева сестра*, *солнцева трава* [1, с. 98], нем. *Sonnenwedel* [83, с. 102] (нем. *die Sonne* ‘солнце’).

Видовое латинское название растения *majalis* ‘майский’ определяет период цветения **ландыша** – май – июнь. Определительный компонент *май* подчеркивает признак раннего цветения реалии и представлен во многих фитонимах разносистемных языков для номинации не только **ландыша** – нем. *Mayblume* букв. ‘майский цветок’, *Maililie* букв. ‘майская лилия’, [1, с. 108], *Maiglöckchen* букв. ‘майский колокольчик’ [50, с. 45], рус. *ландыш майский* [45, с. 41], *маевка*, *майская лилия*, но и **боярышника** – рус. *майский кустарник*, **шиповника** – рус. *шиповник майский*, нем. *Mairose* букв. ‘майская роза’ [50, с. 127].

Примула цветет одной из первых. Такое раннее появление денотата отмечено в следующих фитонимах: латинское родовое название *Primula* (лат. *primus* ‘первый’) [48, с. 192]; латинское видовое название *vernus* (лат. *ver* ‘весна’), что

может обозначать 'дар весны' [148, с. 190]; рус. *первоцвет весенний, первенец* [1, с. 273]; нем. *Frühlingsschlüsselblume* (нем. *der Frühling* 'весна'), *Primel* [50, с. 119], мар. *лумйымал* (мар. *лум* 'снег', *йымалне* 'внизу, под') [27]. Желтые цветки в зонтикообразном соцветии отождествляют с миниатюрными ключиками, поэтому в народе за растением закрепилось необычное название *ключики от лета* [153, с. 368].

Фитонимы по принципу «время цветения» выявляют весенне-летний период цветения растений, в том числе указание месяца и срока цветения денотата: *vernalis, горицвет весенний, первоцвет весенний, первенец, столетник, маевка, майская лилия; майский кустарник, шиповник майский, Frühlingsadonis, Frühlingsschlüsselblume, Maiglöckchen, Mairose*. В процессе номинации прослеживается связь с астрономическими объектами (*солнцева сестра, солнцева трава, Sonnenwedel*).

При более глубоком анализе представленных фитонимов можно отметить, что некоторые названия растений имеют вторичную номинацию «имя числительное» – *столетнее дерево, столетник; Primula, первенец*; «погодные явления природы» – *лумйымал*.

Количественное соотношение названий лекарственных растений для данной группы представлено следующим образом: марийский язык – 24 фармакофитонима (47,1 %); русский язык – 18 (35,3 %); немецкий язык – 5 (9,8 %); латинский язык – 4 (7,8 %).

2.7. Мотивема «Цветобозначение»

В основе номинации растений чаще других оказываются абсолютные (основные) цветоименования. Сюда могут относиться цвета спектра (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый) и другие важные цвета: белый, коричневый, серый, черный. В. Г. Гак отмечает, что белый, черный и серый (только для русского языка) цвета можно отделить в небольшую группу ядерных – наиболее распространенных и употребительных обозначений цвета [108, с. 193].

2.7.1. Фитонимы, отражающие белый (светлый) цвет реалии

Белая окраска цветков отражается в фитонимах всех рассматриваемых языков: для номинации **тысячелистника** используются рус. *белоголовник* [4, с. 155], *белоцвет*, *белошка* [1, с. 5], мар. *ошвуйшудо* (мар. *ошо* ‘белый’; *вуй* ‘голова’, *шудо* ‘трава’) [124, с. 19]; **антеннарии** – *белый зверобой*, *бессмертник белый* [40, с. 124]; **ландыша** – мар. *ошорлапгепеледыш* (мар. *ошо* ‘белый’; *орлапге* ‘гроздь, кисть (растение)’; *пеледыш* ‘цветок’), **боярышника** – рус. *белая колючка*; нем. *Weissdorn* (нем. *weiss* ‘белый’; *der Dorn* ‘колючка, шип’) [50, с. 49].

Белый налет на **полыни горькой** послужил основанием для образования фитонимов рус. *белица* [85, с. 28] *белокорка* [142, с. 12], *полынь белая* [40, с. 54], мар. *ош арым* (мар. *ошо* ‘белый’; *арым* ‘полынь’) [27].

Слово *белый* несет основную функциональную нагрузку при обозначении **ромашки** в фитонимах разносистемных языков: рус. *белоцвет* [157, с. 152], *белоглазка* [142, с. 12], мар. *ошвуй*, *ош саска* (мар. *саска* диал. ‘цветок’), *ошшергашвуй* (мар. *ошо* ‘белый’; *шергаш* ‘кольцо’; *вуй* ‘голова’) [126, с. 121].

2.7.2. Названия растений, подчеркивающие яркость денотата (желтый, красный цвет)

Яркая окраска в названиях лекарственных растений представлена в работе спектрами желтого и красного цветов.

Среди первых ранневесенних цветов по яркости цветения **адонису** нет равных. На склонах он начинает распускаться уже в конце апреля – начале мая, а его яркие желтые цветки словно «горят» на фоне снега и тусклой прошлогодней травы. Ср.: рус. *алик*, *аленький цветочек*, *жёлтый огонек* [2, с. 17]. По мнению В. Б. Колосовой, цвет играет огромную роль в народной медицине. Так, например, желтуху излечивали отваром желтых растений: *жёлтотысячника*, *жёлтоцветом* ‘адонис’ [142, с. 12]; *желтушником*, *жёлтым чистяком* ‘чистотел’ [1, с. 94]; *зверобоем жёлтым* ‘зверобой’ [142, с. 18].

Из-за способности **цикория** окрашивать ткань в желтый или красивый кремовый цвет растение называют *желтяница* [90, с. 158].

Видовые названия в немецком фитониме *blutroter Weissdorn* (нем. *blutrot* ‘кровоаво-красный’; *der Dorn* ‘колючка, шип’) [50, с. 49], латинском *sanguinea* (лат. *sanguis* ‘кровь’) [48, с. 81] и русском боярышник *кровоаво-красный* выявляют окраску плода **боярышника**.

Слово *жёлтый* продуктивно представлено при номинации ряда других растений: **девясил** – мар. *нарынчевуйчача* (мар. *нарынче* ‘желтый’; *вуй* ‘голова’; диал. *чача* ‘цветок’); **донник** – рус. *жёлтый цвет* [40, с. 26], *жёлтый донник* [1, с. 212] нем. *gelber Steinklee* (нем. *gelb* ‘желтый’, *der Steinklee* бот. ‘донник’) [50, с. 97], *gelber Klee* [74, с. 393]; мар. *сар донник* (мар. *сар* ‘желтый’).

Русские диалектные названия растения *жёлтый молочай*, *красномолочник* [142, с. 13] и марийские *сар-кына*, *саргыне* [27] связаны с желтовато-красным млечным соком **чистотела**. Однако фитоним *сар-кына* является заимствованием из татарского языка и, по мнению А. С. Ефремова, связан со способностью растения выделять какой-либо сок, в данном случае оранжевый (тат. *сары* ‘желтый’) [121, с. 70]. Ярко-желтые цветки растения в свою очередь также отражены в фитонимах рус. *жёлтая трава*, нем. *Gilbkraut* (нем. диал. *gilb* ‘желтый’; *das Kraut* ‘трава’) [78].

Яркая окраска цветков и плодов **шиповника** определили образование латинского родового названия растения *Rosa*. По одной из версий, оно образовано от кельтского слова *rhodd* ‘красный’ [148, с. 254].

Такой признак денотата, как красные цветы **клевера**, проявляется в фитонимах рус. *корасноголовка*, *красная коврига* [1, с. 359], *красный клевер* [2, с. 122], мар. *йошкар клевер*, *чевер клевер* (мар. *йошкар* ‘красный’, *чевер* ‘алый, румяный’) [126, с. 122], нем. *roter Kopfklee*, *Rotklee* (нем. *rot* ‘красный’, *der Kopf* ‘голова’, *der Klee* бот. ‘клевер’) [50, с. 151].

Наличие прилагательного «красный» в роли цветообозначения в составе фитонима может свидетельствовать также и о кровоостанавливающих свойствах денотата [142, с. 13]: *красные коренья*, *краснокоренник* ‘**кровохлебка**’; *красная травица*, *краснокоренка* ‘**зверобой**’. Таким образом, слово расширяет свое первоначальное значение ‘красивый’ и становится многозначным [95, с. 165].

2.7.3. Фитонимы, включающие в себя обозначения различных оттенков синего цвета

В настоящее время прилагательное «синий» занимает необычно крепкую позицию, называя самые разнообразные оттенки цвета, так как в группе синего цвета допустимым является только стилистически нейтральное прилагательное «голубой», таким образом «синий» имеет более широкие возможности [95, с. 192]. Наряду с прилагательными «синий» и «голубой» в русском языке представлено также прилагательное «лазоревый» (от сущ. *лазорь* – название краски, которая добывалась из минерала лазурит) [95, с. 203].

В течение всего лета на полях и лугах можно заметить красивые голубые цветки **василька**. Ярко выраженный мотивационный признак представлен в латинском видовом названии растения *suavis* (греч. *суанос* ‘синий’) [48, с. 57] и в русских фитонимах, как правило, с корнями *син-* и *голуб-*: *синюшка* [2, с. 46], *голубоцветник*, тж. *лазоревый цветок* [142, с. 143-145]. Ср.: нем. *Suane* [1, с. 90]; мар. *кандывуй* (мар. *канде* ‘синий’, *вуй* ‘голова’, *шудо* ‘трава’, *пеледыш* ‘цветок’), *кловой шудо* (мар. *кловой* горн. ‘голубой’), *чалка пеледыш* (мар. диал. *чалка* ‘синий’) [126, с. 121].

Синяя окраска цветков **цикория** отражена в фитонимах – рус. *синие батоги*, *синий цветок* [142, с. 229], мар. *кувашудо* (мар. *кува* диал. ‘бледно-голубой, синеватый’; *шудо* ‘трава’) [100].

В русском языке **живокость** называют *синичка* или *синовник* [1, с. 125]; а марийцы нарекли **фиалку** *ошкандепеледыш* (мар. *канде* ‘синий’, *ошо* ‘белый’) [122, с. 34].

2.7.4. Названия растений, включающие в себя обозначения темной окраски денотата

В названиях растений черный цвет отражается довольно редко. Как уже упоминалось ранее, **адонис** цветет довольно рано, когда только начинает сходить снег. На темных проталинах становятся заметны яркие цветки **черногорки**. Ср.: рус. *чёрная трава*, *чернодубка* [40, с. 24].

Темно-коричневый цвет плодов денотата лег в основу следующих названий растений: *чернобривец* [40, с. 72] – для номинации **череды**, *чернушка* [40, с. 65], *Schwarzkümmel* [1, 87] (нем. schwarz ‘черный’) – для обозначения **тмина**, *brauner Dosten* [50, с. 103] (нем. braun ‘коричневый’; *der Dosten* бот. ‘душица’) – для номинации **душицы**.

Народное название *чёрное зерно* растение-гриб **спорынья** получило из-за черно-фиолетового цвета рожков реалии. Ср.: мар. *шем нурак, шемуржа* (мар. *шеме* ‘черный’; *нурак* ‘пыль’; *уржа* ‘рожь’) [27], нем. *Schwarzkorn* (нем. schwarz ‘черный’, *das Korn* ‘зерновой хлеб, зерно, рожь’) [50, С. 41].

Прилагательное *черный* функционирует в немецких фитонимах *Schwarzauge*, *Schwarzperle* (нем. schwarz ‘черный’, *das Auge* ‘глаз’, *die Perle* ‘жемчужина’), которые подчеркивают окраску ягод **вороньего глаза** [50, с. 106].

Латинское видовое название *cinnamomea* (греч. *κινναμόμον* ‘коричневый’) и фитонимы в русском языке **шиповник коричный**, *роза коричная*, немецком – *Zimrose* (нем. *der Zimt* ‘корица’) [50, с. 127] характеризуют красно-коричневый окрас ветвей реалии, как у корицы [48, с. 206].

В фитонимах рус. *бордоголовка, черноголовка*, [2, с. 136], *красноголовник, черноголовник* [40, с. 38], *чернотрав* [1, с. 315], мар. *күренвуй* [22, с. 5], *кырәнвуй* [27] (мар. *күрен* ‘коричневый’) прослеживается связь с темно-красными, почти черно-пурпурными цветками **кровохлебки**.

Таки образом, мотивема «цветообозначение» неравномерно представлена в фитонимах рассматриваемых языков. В разносистемных языках при сравнительном анализе выявляются типологические сходства для номинации фитонимов. Представленность основных цветонаименований обусловлена, в первую очередь, наличием определенных коннотаций: черный цвет в лексическом составе фитонима приобретает негативную оценку, это может быть вызвано ядовитыми свойствами денотата (*шем уржа, чёрное зерно, Schwarzauge*).

Растениям также давались названия по цветовому признаку в зависимости от его лечебных свойств (*краснокоренник, жёлтоцвет, зверобой жёлтый*).

Наиболее продуктивным основанием для образования фитонимов, связанных с номинацией цвета, является окраска цветка реалии (*суанис, йошкар клевер, ошкандепеледыш, белоголовник, лазоревый цветок, черноголовник*). К числу малопродуктивных оснований для номинации фитонимов можно отнести окраску плода, семян (*күренвуй, Schwarzkorn, brauner Dosten*), стебля (*cinnatomea, белая полынь, шиповник коричневый*) или сока реалии (*сар-кына, жёлтый молочай*).

Количественное соотношение названий лекарственных растений для данной группы представлено следующим образом: русский язык – 128 фармакофитонимов (70,4 %); марийский язык – 33 (18,1 %); немецкий язык – 18 (9,9 %); латинский язык – 3 (1,6 %).

2.8. Мотивема «Фаунистическая лексика»

Определяющие компоненты фаунистической лексики в составе фитонимов выявляют общие универсальные и специфические особенности в процессе номинации для всех анализируемых языков. В составе названий лекарственных растений анализируемых языков обнаруживаются зоонимы, орнитонимы, инсектонимы и ихтионимы.

В народе **тысячелистник** за ланцетовидную, перисторассеченную форму листьев называют рус. *овечий язык, гусинник* [1, с. 5], нем. *Gänsezungen* (нем. *die Gans* ‘гусь’; *die Zunge* ‘язык’), *Schafzunge* [83, с. 114] или *Feldschafgarbe* (нем. *das Schaf* ‘овца’, *die Garbe* ‘сноп; бот. тысячелистник’) [50, с. 9].

Этимологический словарь «Duden, das Herkunftswörterbuch» предлагает следующую трактовку термина *die Schafgarbe*: нем. «Der westgermanische Name der Wiesenpflanze, die die Schafe gern essen [76, с. 703] ‘западногерманское название лугового растения, которое с удовольствием поедают овцы’.

Адонис цветет весной в период кукования (конец апреля – начало мая). Определительный компонент *куку* в марийском фитониме *кукувеледыш, куку пеледыш* (мар. *куку* ‘кукушка’; *пеледыш* ‘цветок’) указывает на время цветения растения. С этой же семантической функцией лексемы *куку* связаны фитонимы

кукуняня (мар. няня детск. ‘хлеб, кушанье’) для обозначения **хвоща**, кукугынзылаванды – **одуванчика** [125, с. 57].

Зооним *кошка* широко представлен в марийских фитонимах *котилапа* [125, с. 55], *пырысчашудо* [27] (мар. *пырыс* ‘кошка’, *чаша* ‘лапка; маленькая стопа ноги животных, птиц’; *шудо* ‘трава’), русском – *кисачьи лапки* [2, с. 133], *кошечки* [1, с. 37] и в немецком – *Katzenpfötchen* (нем. *die Katze* ‘кошка’; *das Pfötchen* ‘лапка’) [1, с. 38] для номинации **антеннарии**, так как в ее соцветиях можно увидеть сходство с пушистыми и мягкими кошачьими лапками. Лапки кошек очень похожи на заячьи, этот факт отражен в немецком фитониме *Hasenpfötchen* букв. ‘заячья лапка’ (нем. *der Hase* ‘заяц’; *das Pfötchen* ‘лапка’). Ср.: рус. *заячья лапка*, *заячья трава* [1, с. 37].

Зооним *змея* и орнитоним *ворона* встречаются во многих фитонимах, в большей степени в марийском языке. В основе марийских фитонимов *кишкевуч*, *коракпуч* [125, с. 45] (мар. *кишке*, *кышке* ‘змея’; *карак* ‘ворона’; *вуч*, *пуч* ‘стебель’), используемых для номинации **дягиля** прослеживается метафорическое сходство длинного полого ствола реалии с зеленым телом змеи или с полым стволом пера птицы (вороны) [125, с. 46].

Молодые побеги дягиля поедаются скотом, в сельской местности его применяют для силосования. Ср.: рус. *коровка* [54, с. 353], *коровник*, *коровошник* [1, с. 36].

Видовое латинское название **толокнянки** *uva-ursi* в переводе означает ‘медвежья ягода (виноград)’. Ср.: латинизированное родовое название растения *arctostaphylos*, которое образовано от греческих слов *arktos* ‘медведь’ и *staphyle* ‘виноградная кисть, виноград’ [48, с. 29]. «Латинский этимологический словарь» А. Вальде отмечает перевод слов *uva* как ‘Traube (виноград)’ [82, с. 864], *ursus* – ‘Bär (медведь)’ [82, с. 861]. Ср: нем. *immergrüne Bärentraube*, *Arznei- Bärentraube* (нем. *der Bär* ‘медведь’, *die Traube* ‘виноград’) [50, с. 21]; мар. *маскавöчыж* [22, с. 16], *маскамör* [27] (мар. *маска* ‘медведь’, *пöчыж*, *мör* ‘ягода’); рус. *медвежий виноград*, *медвежья ягода* [1, с. 43]. Народные фитонимы рус. *медвежьи ушки* [40, с. 66], *ведмежье ухо* [3, с. 146]; мар. *маскавылыш*, *маскашудо* (мар. *маска*

‘медведь’, *пылыш* ‘ухо’) (п > в) [27] выявляют сходство формы листьев растения с ушами медведя, так как листья толокнянки очередные, суженные в черешок, на вершине закругленные, кожистые, с завернутыми на нижнюю сторону краями [40, с. 66].

Отдельно следует выделить группу фитонимов в составе которых есть лексемы *волк* или *собака*. Их семантика аналогична семантике вышеуказанных фитонимов. Ср: мар. *пипӧчыж*, *пийпӧчыж* (мар. *пий* ‘собака’) [125, с. 73]; рус. *волчьи ягоды*; нем. *Wolfsbeere* (нем. *der Wolf* ‘волк’) [1, с. 43]. А.С. Ефремов предполагает, что употребление в качестве эпитета лексемы *пий* ‘собака’ свидетельствует о том, что ягоды толокнянки невкусны и не находят применения у человека [125, с. 73].

Диалектные фитонимы *волчьи ягоды*, *Wolfsbeere*, *медвежьи ягоды* омонимичны для названий **толокнянки** и **вороньего глаза**.

Полынь применяется в ветеринарии для окуривания больных животных (чаще всего лошадей). Ср.: рус. *кобыльник* [142, с. 223].

Инсектонимы составляют основу фитонимов нем. *Fliegenkraut* (нем. *die Fliege* ‘муха’), *Mottenstock* (нем. *die Motte* ‘моль’; *der Stock* ‘палка’) [78]; мар. *умдылашудо*, *клопшудо* (мар. *умдыла*, *клоп* ‘клоп’) [27], так как полынь имеет острый пряный аромат и используется для уничтожения и отпугивания насекомых [122, с. 37].

Наличие двух зубчиков на семенах **череды**, которые легко прицепляются к одежде человека и к шерсти животных, обусловило образование диалектных фитонимов в русском языке *kozy рожки*, *собачки* [1, с. 65], также *кошки* [18, с. 591]. За маленькие темные семена марийцы сравнивают растение с носом мыши: *колянгергоршанге*, *колянеришудо*, *колянеркоршанге*, *колякоршанге* [27] (мар. *коля* ‘мышь’; *нер* ‘нос’; *шудо* ‘травя’; *коршанге* ‘репей’ (к > г)).

Так как основным местом произрастания череды является очень влажная или заболоченная местность, можно предположить, что именно это послужило основанием для образования марийских фитонимов с определительным компонентом *жава* ‘лягушка’: *жавашуды*, *ужавагоршанге* [27].

Небольшие плоды **пастушьей сумки** сравнивают с миниатюрными глазками птиц или рыб – рус. *воробьиное око, чижов глаз* [1, с. 82], *ершов глаз* [198, с. 160]. Не только русские, но и марийцы видели в плодах реалии схожесть с клопами: рус. *клопки* [1, с. 82], мар. *клопшудо* [47, с. 95]. Ср. тж.: нем. *Flöhseckel* (нем. *der Floh* ‘блоха’) [83, с. 38].

Кроме того, *воробьёву кашку* [45, с. 30] ‘**пастушью сумку**’ с удовольствием поедают многие птицы. Ср. тж.: рус. *воробьиная кашлица* [1, с. 82], *воробьёва каша* [40, с. 82].

Большой синонимичный ряд фитонимов для номинации **тмина**, имеющий общий мотивировочный признак – полый стебель реалии, представлен в марийском языке: *котивыч* (мар. *коти* горн. диал. ‘кошка, кот’; *выч* ‘стебель’), *шорыкпуч* (мар. *шорык* ‘овца’; *пуч* ‘стебель’) [27], *цӱнгӱвыч* (мар. *цӱнгӱ* ‘галка’) [12, с. 41]. Строение листьев растения нашло отражение в фитониме *комбылана* букв. ‘гусиные лапки’, так как листья тмина очередные, дважды-, триждыперисторассеченные на ланцетные и нитевидные доли.

Чистотел цветет все лето, однако для сушки, приготовления сока или экстракта его собирают только весной, в начале цветения, до появления зеленых стручков. Совпадает эта пора сбора с прилетом ласточек. Не случайно латинское родовое название травы *chelidonium* произошло от древнегреческого слова *chelidon* ‘ласточка’. Еще древними эллинами было подмечено, что чистотел расцветает с прилетом ласточек, а с их отлетом увядает [149, с. 252]. В народных названиях растения нем. *Schwalbenkraut* букв. ‘ласточкина трава’, *Schwalbenwurz* букв. ‘ласточкин корень’ (нем. *die Schwalbe* ‘ласточка’); рус. *ласточкина трава* [4, с. 51], *ластовичная трава, ластовица* [1, с. 94] также присутствует орнитоним *ласточка*.

За прямостоячий длинный стебель **цикория** марийцы называют его *прэзенуч*, *прэзывуч* (мар. *прэзе* ‘теленок’) [125, с. 77], *ушкыжвоч* (мар. *ушкыж* ‘бык’) [125, с. 90]. Строение стержневого корня реалии представлено, в свою очередь, в названиях растения рус. *крысиный корень*, нем. *Rattenwurz* букв. ‘крысиный корень’ [50, с. 39].

Спорынью в народе из-за ее сильных ядовитых свойств называют *волчий зуб*. Тифы гриба спорыньи плотно срастаются вместе и превращаются в удлиненный, выступающий наружу из колоса ржи черный рожок, напоминающий по форме острый клык диких животных. Ср. тж.: нем. *Wolfzahn* букв. ‘волчий зуб’ [50, с. 41] (нем. *der Wolf* ‘волк’; *der Zahn* ‘зуб’).

Большие, темно-зеленого цвета продолговато-эллиптической формы листья **ландыша** отражены в русских диалектных фитонимах *заячьи уши*, *кокушкины уши*, *собачий язык*, *свиной язык* [1, с. 106]. Фитоним *собачий язык* употребляется одновременно для обозначения **ландыша** и **первоцвета**.

Наличие определительного компонента *волк* в русском фитониме *волчьи ягоды* [1, с. 108] и компонента *ворона* в фитонимах рус. *воронец* [1, с. 105] и мар. *коракмёр* [27] букв. ‘воронья ягода’, служащих для обозначения **ландыша**, предположительно свидетельствуют о непригодности употребления ягод денотата в пищу и о ядовитости самого растения.

Красная окраска ягод ландыша представлена в марийском фитониме *кўдыронҕыр* букв. ‘тетеревиный колокольчик’ (мар. *кўдыр* ‘тетерев’, *онҕыр* ‘колокольчик’) [121, с. 65] и отражает сходство ягоды денотата с красным опереньем на голове птицы.

Присутствие орнитонима *петух* в фитонимах мар. *агытанора* (мар. *агытан* ‘петух’; *ора* ‘ворох, груда, куча’), рус. *петушьи ягоды* [148, с. 254], *петуховы ягоды*, *петушиные ягоды* [32 с. 765] для номинации **боярышника** выявляет общий цветовой признак плодов денотата и гребешка птицы.

Голубая окраска и заостренная форма цветка **живокости** представлена в латинском видовом названии растения *Delphinium* (греч. *delphis* ‘дельфин’). В то же время существует еще одна точка зрения, описанная в красивом древнегреческом сказании: когда-то в Древней Элладе жил необыкновенно одаренный юноша, который по памяти изваял свою усопшую возлюбленную и вдохнул в изваяние жизнь. А боги за столь необыкновенную дерзость превратили его в дельфина. Каждый вечер подплывал дельфин к берегу, каждый вечер подходила к берегу возроденная им девушка, но повстречаться они не могли.

Однажды, стоя на скалистом берегу, девушка увидела дельфина: во рту он держал нежный цветок, излучающий лазоревый свет. Величественно и грациозно подплыл дельфин к берегу и положил к ногам девушки цветок, который оказался цветком *дельфиниума*.

Для избавления от глистов, в том числе ленточных, активно используют **папоротник**. С этим связаны фитонимы рус. *глистник*, нем. *Wurmfarn* [85, с. 693], *Bandwurmwurzel* (нем. *der Bandwurm* ‘ленточный глист’) [50, с. 57], мар. *сӱсанкӱртньышудо* (мар. *сӱсан* ‘глист, цепень’; *кӱртньӧ* ‘железо’; *шудо* ‘травя’). **Полынь** находит такое же применение, что и отражено в фитонимах рус. *глистник* [3, с. 92], нем. *Wurmkraut, Würmlekraut* (нем. *der Wurm* ‘глист, червь’) [50, с. 24].

Русское название **хвощ** дано растению из-за формы его соцветия, которое напоминает хвост лошади [10, с. 184]. Ср.: рус. *хвошь* [1, с. 134], *хвощун* [4, с. 27]. Сходство растения с пучком волос, хвостом лошади отражено во многих фитонимах разносистемных языков. В ряде названий растения прослеживается сравнение с хвостом кошки. Ср: латинское родовое название *Equisetum* (лат. *equus* ‘конь’, ‘лошадь’, *setia* ‘хвост’), рус. *лошадиный хвост* [71, с. 34], *кошачий хвост, конский хвост* [1, с. 134]; нем. *Pferdeschwanz* (нем. *das Pferd* ‘конь’) [85, с. 666], *Katzenschwanz* (нем. *die Katze* ‘кошка’) [50, с. 59].

В луговом наречии марийского языка растение **хвощ** называют *урвоч, пасу урвоч*, а в горном – *урвач, урвац, урнац* (мар. *ур* ‘белка’, *поч* ‘хвост’). Как считает А. С. Ефремов, в основе наименования лежит сходство реалии с пучком волос, хвостом белки [125, с. 35].

В латинском видовом названии *Erodium* (греч. *erodius* ‘Reiher’) [77, с. 235], в фитонимах рус. *аистник, журавелка* [2, с. 18], *сорочьи иглы, утина журавлиная* [1, с. 136], мар. *турняшорвондо* (мар. *турня* ‘журавль’; *шорвондо* ‘грабли’) [27], нем. *Reiherschnabel* букв. ‘нос цапли’ (нем. *der Reiher* ‘цапля’), *Reiherkraut* букв. ‘журавлиная трава’ [50, с. 61], *Storchschnabel* букв. ‘нос аиста’ (нем. *der Storch* ‘аист’) [74, с. 248] орнитонимы подчеркивают внешнее сходство вытянутых плодов **аистника** с длинным клювом птиц [2, с.19].

Для лечения заболеваний желудочно-кишечного тракта, органов полости рта широко применяют отвар *заячьей крови* ‘**зверобоя**’. В русском названии растения отражается также красный цвет настоя и сока растертых лепестков реалии.

Наиболее известные названия травы *зверобой*, *зверобойник* [2, с. 91] произошли, по одним предположениям, от казахского *джерабай* ‘целитель ран’, по другим – из-за способности **зверобоя** вызывать заболевание овец. Причем заболевают не все животные, в корм которых попадает зверобой, а только белые или пестрые, и только в яркий солнечный день. На голове у таких животных образуются припухлости, разрастающиеся в язвы, появляется сильнейший зуд. Но стоит заболевшей овце перейти в тень, через некоторое время все болезненные явления исчезают. Оказывается, в зверобое есть вещества, которые повышают чувствительность кожи к ультрафиолетовым лучам [149, с. 86]. При распространении фитонима *зверобой* отмечается множество видоизменений – рус. *веробой*, *взорбой*, *жеребей*, *зверобат*, *зверобец* [142, с. 156].

Форму соцветия **пустырника**, напоминающую кончик львиного хвоста, характеризуют фитонимы в разносистемных языках с общей лексемой *лев*: латинское видовое название растения *Leonurus* букв. ‘львинохвостик’ (греч. *leon* ‘лев’; *ura* ‘хвост’) [48, с. 144], рус. *львиный хвост* [1, с. 191], нем. *Löwenschwanz* (нем. *der Löwe* ‘лев’; *der Schwanz* ‘хвост’) [78].

Донник имеет характерный запах кумарина, усиливающийся при высушивании, такой же сильный запах имеют клопы. Возможно, поэтому данный инсектоним послужил основанием для марийского названия травы *умдылашудо* [27] (мар. *умдыла* зоол. ‘клоп’). Кроме того травой и цветками донника посыпают одежду с целью защиты ее от моли – рус. *мольная трава* [1, с. 213]; нем. *Mottenkraut* [78], *Mottenklee* [1, с. 123] (нем. *die Motte* ‘моль’).

Наличие инсектонима *пчела* в фармакофитонимах объясняется тем, что растение привлекает пчел своим запахом [48, с. 153]. Существует мнение, что пчелы охотно садятся в улы, смазанные этой травой [45, с. 202], поэтому **мелиссу** называют мар. *мүкипеледыш* (мар. *мүкиш* ‘пчела’; *пеледыш* ‘цветок’) [14, с. 126],

рус. *пчельник* [18, с. 316], *пчелиная трава*, *лист пчельный* [25, с. 135], нем. *Bienenkraut* [1, с. 213], *Bienenfang* [78] (нем. *die Biene* ‘пчела’).

Русское название растения *мелисса* и немецкое *Melisse* являются транслитерированными фитонимами от латинизированного греческого родового названия растения *Melissa* (греч. *melissa* ‘пчела’) [10, с. 110]. В «Этимологическом словаре немецкого языка» [79, с. 614], а также в «Немецком этимологическом словаре ботанических названий растений» дается дословный перевод фитонима *Melissa* как ‘*Bienenkraut*’ букв. ‘пчелиная трава’ [77, с. 378].

Латинское видовое название *onopordum* для номинации **татарника** происходит от греч *onos* ‘осел’, считается, что растение поедается ослами. Этим же объясняется наличие зоонима *осел* в фитонимах нем. *Eseldistel* (нем. *der Esel* ‘осел’) [74, с. 425], рус. *ослиная колючка*, *онопордум колючий* [50, с. 103].

Форма плода, коробочка с многочисленными мелкими семенами, **ятрышника** представлена в русских фольклорных названиях растения *кукушкины слёзы* или *слёзки*, *кукушка* [1, с. 233], *кукушечьи слёзы* [142, с. 257], *кокушница* [54, с. 107], *кукушьи слёзки* [25, с. 115]. Пятнышки на листьях растения связывали также с календарными обычаями встреч и проводов времен года. В преддверии красного лета, на «зеленой неделе» (празднуется за неделю до Троицы), девушки отправлялись в лес завивать венки и водить хороводы, петь песни, обращенные к кукушке. А поскольку птицу эту легко услышать, но нелегко увидеть, то всё представление в честь наступающего лета устраивали возле травки, помеченной пятнышками. Верили, что пятнышки это не что иное, как следы кукушкиных слёз, которые она роняет в одиночестве [222, с. 160].

В марийском и немецком языках в составе фитонимов также присутствует орнитоним *кукушка*: мар. *кукушудо*, *кукупеледыи*, *кукувеледыи* (мар. *куку* ‘кукушка’; *пеледыи* ‘цветок’); нем. *Kuckucksblume* (нем. *der Kuckuck* ‘кукушка’; *die Blume* ‘цветок’), – указывающий на окраску и форму цветка: цветки пурпурные или фиолетовые, с продолговатым колосовидным соцветием, расположенным на концах стебля [40, с. 76]. По другой версии, разгар кукования птицы точно совпадает с периодом цветения ятрышника [142, с. 258].

Считается, что **ятрышник** служит антидотом при змеиных укусах, отсюда и фитонимы рус. *змеиная трава, гажья трава* [142, с. 249], *змеевик* [1, с. 233].

Благодаря острому и пряному аромату **душицу** используют для отпугивания различных насекомых. Указанное свойство денотата находит отражение в следующих фитонимах: мар. *кармышудо*, используемом в красноуфимском говоре восточного наречия (мар. *карме* ‘муха’; *шудо* ‘трава’) [125, с. 42], рус. *клоповная трава* [1, с. 234], *блошная трава, блошница, блошья смерть* [25, с. 34].

В «Ботаническом словаре» Н. Анненкова зафиксирован факт того, что пасечники натирают *пчелолобом* ‘**душицей**’ улья для привлечения пчел [1, с. 235].

В фитонимах **вороний глаз, воронец** [1, с. 241], *сорочий глаз, сорочья ягода* [2, с. 55]; мар. *коракшинча, кораксынзä* (мар. *корак* ‘ворона’; *шинча, сынзä* ‘глаз’); нем. *Krähenauge* (нем. *die Krähe* ворона; *das Auge* ‘глаз’) отражено внешнее сходство плода реалии с черным глазом вороны или сороки: ягода многосемянная, сизовато-черная [40, с. 107]. Следует отметить, что нем. *Krähenauge* букв. ‘вороний глаз’ и мар. *коракшинча, кораксынзä* букв. ‘вороний глаз’ полностью совпадают с научным фитонимом в русском языке *вороний глаз*.

Марийский фитоним *коракшинча* в моркинском говоре употребляется для наименований разных растений – **василька, фиалки, паслена**, что также связано с темной окраской глаз вороны. А. С. Ефремов объясняет это «сходством признаков реалий – цветки этих растений фиолетово-синего, голубоватого цвета» [125, с. 54]. Следует уточнить, однако, что цветы у паслена белые, а плоды черные, похожие на вороний глаз.

В диалектных вариантах названия растения **вороний глаз** можно встретить сравнение плода реалии с глазами диких животных (лисы, волка, дикого кабана): рус. *волчьи глазки* [1, с. 241]; нем. *Fuchsauge* (нем. *der Fuchs* ‘лиса’), *Sauauge* (нем. *die Sau* ‘дикий кабан, свинья’), *Wolfsauge* (нем. *der Wolf* ‘волк’) [50, с. 107]. Употребление в пищу ягод растения дикими животными при заболеваниях выявляется в фитонимах рус. *медвежья ягода, волчьи ягоды* [1, с. 241]; мар.

шордымодо, шарды муды (мар. *шордо* ‘лось’; *модо* ‘ягода’) [27]; нем. *Fuchstraube* [50, с. 107].

В одноязычном немецком справочнике трав и лекарственных растений при описании значения фитонимов нем. *Wolfsbeere* букв. ‘волчья ягода’, *Hundstod* букв. ‘собачья смерть’ для обозначения **вороньего глаза** отмечается: «... dass es sich um eine Giftpflanze handelt» [74, с. 438] ‘...речь идет о ядовитом растении’.

При образовании фитонимов мар. *коляпоч* [40, с. 53], *колявүкиш* (мар. *коля* ‘мышь’; *поч* ‘хвост’; *пүкиш* ‘орех’), *чывышудо* (мар. *чыве* ‘курица’) [27]; нем. *Katzenschwanz* (нем. *die Katze* ‘кошка’) [83, с. 92] подчеркивается особенность строения стебля и колоса **подорожника**. Широкояйцевидные жилистые листья реалии [40, с. 53] также заслуживают отдельного внимания и находят отражение в фитонимах мар. *шорыкпылыш* (мар. *шорык* ‘овца’, *пылыш* ‘ухо’) [9, с. 69], *казавылыш* (мар. *каза* ‘коза’; *пылыш* ‘ухо’ (п > в), *комбычана* (мар. *комбо* ‘гусь’, *чана* ‘лапки’), *пийылме* (мар. *пий* ‘собака’; *йылме* ‘язык’), *сиснапылыш* (мар. *сöсна* ‘свинья, поросенок’), *цывыкана* (мар. *цывы* ‘курица’) [123, с. 79], *коляйол* [40, с. 53] (мар. *коля* ‘мышь’; *йол* ‘нога’), рус. *собачий язык* [142, с. 200], нем. *Sauohr* [83, с. 92] (нем. *die Sau* ‘свинья’; *das Ohr* ‘ухо’).

Спорыш является питательным кормом для птицы (дикой и домашней) и домашнего скота [149, с. 64], отсюда происходят латинское видовое название *aviculare* (лат. *avicula* ‘птица’) [48, с. 188], рус. *горец птичий, галочья гречиха, куроед, свиная трава* [1, с. 263], *птичья гречишка* [88, с. 158], *гусятница* [48, с. 187], *гусиная трава* [143, с. 32], нем. *Vogelknöterich* (нем. *der Vogel* ‘птица’), *Saukraut* (нем. *die Sau* ‘свинья, свиноматка’), *Schweinegras* (нем. *das Schwein* ‘свинья’) [1, с. 263], *Ferkelkraut* (нем. *das Ferkel* ‘поросенок’) [74, с. 474], *Hühnergras* (нем. *das Huhn* ‘курица’) [50, с. 117]. За крохотные листочки растение получило название *воробьиные язычки* или *мышинные коготки* [143, с. 32].

В. А. Меркулова считает, что происхождение термина *раковые шейки* определяется, в первую очередь, индивидуальными особенностями растения **горец змеиный**. В основу сравнения положен вид красно-бурого корневища с многочисленными рубцами [160, с. 42]. Ср. тж.: рус. *рачик* [57, с. 347],

рачешейки, раковыя шейки [1, с. 264], нем. *Krebswurz* [50, с. 117] (нем. *der Krebs* ‘рак’).

Толстое змеевидноизогнутое корневище горца змеиноного [3, с. 60] отражено в фитонимах с лексемой *змея* или ее аналогов: рус. *змеиный корень* [10, с. 43], *змеевик* [3, с. 60], *ужовка* [1, с. 117], нем. *Natternwurz* (нем. *die Natter* ‘уж’), *Otterzunge* (нем. *die Otter* ‘гадюка’; *die Zunge* ‘язык’), *Drachenwurz* (нем. *der Drache* ‘дракон’) [50, с. 117], *Schlangenknoäterich* (нем. *die Schlange* ‘змея’) [74, с. 475], мар. *кишкышемшыдан*, *кишкышыдан* (мар. *кишке* ‘змея’; *шемшыдан* ‘гречка’, *шыдан* ‘пшеница’) [22, с. 10].

Горец змеиный иногда называют *телячий язык* за продолговато-ланцетную форму его листьев. Ср. тж.: нем. *Kalbzunge* (нем. *das Kalb* ‘теленка’; *die Zunge* ‘язык’) [50, с. 117]

Видовые названия растения в латинском языке *arserine* (лат. *anser* ‘гусь’) и русском *гусятник* для обозначения растения **лапчатка** связаны с тем, что данное растение хорошо едят гуси [87, с. 159]. В большом количестве фитонимов разноструктурных языков встречается орнитоним *гусь*: рус. *гусятник* [3, с. 20], *гусятная трава* [1, с. 269], нем. *Gänse-Fingerkraut* [83, с. 46], *Gänserich-Fünflblatt* [74, с. 480], *Gänsekohl* [50, с. 119] (нем. *die Gans* ‘гусь’), мар. *комбийол*, *комбычана* [27] (мар. *комбо* ‘гусь’; *йол* ‘нога’, *чана* детск. ‘ножка’).

Марийский фитоним *комбычана* является омонимом к слову **первоцвет** и, возможно, символизирует собой морщинистую поверхность листовой пластины денотата [40, с. 142]. Ср.: мар. *комбийол*, *комбылана*, *комбийолишудо* [125, с. 51].

На Руси **примулу** благодаря её волнистым и опущенным листьям часто называли *баранчики* [156, с. 146], *барашки* [19, с. 32], *баранья трава* [1, с. 273], *бараньи медушки* [142, с. 195]. Можно предположить, что русское название растения *коровьи слёзы* связано с яйцевидной многосемянной формой коробочки-плода.

Весной медведей чаще можно встретить там, где появляется первая зелень, особенно такая вкусная как **медуница**. За особое внимание со стороны медведей

к этой траве её и стали называть *медвежьей травой* [143, с. 78], *медвянкой* [160, с. 106].

Наличие орнитонима *петух* в русском фитониме *петушьи ягоды* свидетельствует о сравнении окраски плодов **шиповника** с яркой пестрой окраской данной птицы.

В народе **конский щавель** величают рус. *конятником, кобыльником, конским чувелем*. Наличие зоонима *конь* в ряде фитонимов разносистемных языков может быть объяснено тем, что растения достигают 1,5 м. в высоту [92, с. 164] – рус. *коневник* [40, с. 163], *конский чай* [4, с. 60], *коневая кислица* [54, с. 250], *кобылки* [134, с. 49], *лошадиный щавель* [134, с. 48]; мар. *чомавуч* [40, с. 163], *чомашопышудо* [125, с. 134] *цамавыч* [47, с. 311], *чомавылыш* [27] (мар. *цама, чама, чома* ‘жеребенок’; *пылыш* ‘ухо’ (п > в); *пуч* ‘хвост’ (п > в); нем. *Roßampfer* (нем. *das Roß* ‘конь’) [50, с. 129].

Корни и корневище **мыльнянки** содержат сапонины, которые входят в состав моющих средств для шерсти и шелка, отчего растение называют *собачье мыло* [45, с. 109]. Ср.: нем. *Hundsnelke* букв. ‘собачья гвоздика’ [50, с. 131]. Марийские фитонимы *тараканишудо, тараканишуды* также используются для обозначения **мыльнянки**. Это, по мнению А. С. Ефремова, связано с тем, что «растение может являться надежным средством в борьбе с различными насекомыми» [125, с. 127], в данном случае с тараканами.

А.С. Ефремов сравнивает форму белых, мелких цветков **звездчатки** с куриными глазками, именно эта особенность способствовала появлению оригинальных названий в марийском языке: *цывысынзашуды, чывышуды* (мар. *цывы, чывы* ‘курица’; *сынза* ‘глаза’) [125, с. 91]. Аналогичное сравнение ярко прослеживается и в других языках: рус. *пташья мята, курячья трава* [1, с. 343]; нем. *Vogelsternmiere, Vogelkraut* (нем. *der Vogel* ‘птица’), *Hühnermiere* (нем. *das Huhn* ‘курица’), *Gänsemiere* (нем. *die Gans* ‘гусь’; *die Miere* бот. ‘звездчатка’) [50, с. 143].

Названия растения в русском языке *коровник, коровняк* [142, с. 188] и в немецком *Kuhblume* [74, с. 586] букв. ‘коровий цветок’ для обозначения

одуванчика свидетельствуют о наличии во всех частях реалии млечного сока. Горький вкус млечного сока одуванчика представлен в русском фитониме *гадючье молоко* [142, с. 193]. Некоторые болезни, которые лечили одуванчиком, отразились в русской фитонимике [142, с. 192] – *куриная слепота, куричья слепота* [3, с. 63]. Зубчатый край листьев одуванчика в народе сравнивается с зубами животных – рус. *львиный зуб* [45, с. 112], *Löwenzahn* [83, с. 122] букв. ‘львиный зуб’, *Hundszahn* (нем. *der Hund* ‘собака’) [1, с. 350]. Сходство лишенного семянок цветка одуванчика с пауком отражено в диалектном фитониме русского языка *навки* [105, с. 101] (диал. *навка* ‘паук’) [69, с. 218].

Компоненты *керге* в марийских фитонимах *кергевуйшудо, кергевуй* (мар. *керге* ‘черный дятел’; *вуй* ‘голова’; *шудо* ‘трава’), и *дятел* в русских фитонимах *дятла, дятловина* [1, с. 359], *дятловник* [160, с. 89] подчеркивают цветовой признак **клевера**: головки клевера бывают тёмно-пурпурного или красного цвета. В моркинском говоре лугового наречия марийского языка фитоним *кергевуй* обозначает **вахту** [125, с. 44].

На Руси клевер называли иногда *котиком*, так как головка растения мягкая и пушистая. В то же время растение является прекрасным медоносом и привлекает насекомых, в частности, бабочек своим сладким нектаром – рус. *бабочкин хлеб* [143, с. 94].

В сельской местности в летний период часто **крапивой двудомной** кормили домашний скот, в том числе свиней. Ср.: рус. *крапива свинячая* [2, с. 135]; нем. *Saunessel* (нем. *die Sau* ‘свинья’). **Крапива малая (жгучая)** более низкорослое однодомное растение, обладающее большей жгучестью по сравнению с крапивой двудомной [16, с. 229]. Жгучесть растения представлена в русском фитониме *змеиное жало* [2, с. 134]. Низкорослость крапивы в марийском языке определяют названия растения *калянуж* [8, с. 40], *колянуж* [22, с. 5] (мар. *коля, каля* ‘мышь’; *нуж* ‘крапива’).

Синонимичный ряд русских фитонимов *кошачий корень, мяун* [45, с. 242], *кошкина трава* [1, с. 372], а также фитонимы мар. *пырышудо* [22, с. 25] (мар. *пырыс* ‘кошка’); нем. *Katzenwurzel* [83, с. 98], *Katzenkraut* [50, с. 155]

(нем. *die Katze* ‘кошка’) для обозначения **валерианы** указывают на способность растения «приводить кошек в ласкательное состояние» [153, с. 80]. Ряд фитонимов в разносистемных языках имеет абсолютно идентичную внутреннюю форму. Ср.: рус. *кошачий корень* и нем. *Katzenwurz* букв. ‘кошачий корень’. (нем. *die Katze* ‘кошка’; *die Wur(t)zel, die Wurz* ‘корень’); мар. *пырышудо* букв. ‘кошачья трава’ (мар. *пырыс* ‘кошка’; *шудо* ‘трава’) и нем. *Katzenkraut* букв. ‘кошачья трава’ (нем. *die Katze* ‘кошка’; *das Kraut* ‘трава’). Фитоним *Katzenkraut* является омонимичным для слова **мята**. Растение оказывает возбуждающее действие на кошек.

Названия растений, образованные от орнитонимов, связаны в первую очередь с периодом цветения (*chelidonium, кукувеледыш, ласточкина трава, Schwalbenkraut,*), формой цветка (*чывышудо, кошечки*), окраской цветка (*кергевуй, дятловина, дельфиниум*) и плода (*агытанора, петуховы ягоды, вороний глаз, Kuckucksblume,*) или его строением (*Erodium, турняшорвондо, журавелка, кукушкины слёзы, Reiherkraut*).

Наличие в составе фитонимов отдельных фаунистических лексем свидетельствует о внешнем сходстве растения в целом или его отдельных частей с частями тела животных, птиц, рыб или насекомых. Такое сходство представлено в названиях растений, отражающих строение листа (*uva-ursi, маскавылыш, овечий язык, Schafzunge*), стебля (*Equisetum, шорыкнуч, урвац, коневник, Pferdeschwanz*), соцветия (*Leonurus, пырысчана, львиный хвост, Katzenpfötchen*), корня (*кишкышыдан, крысиный корень, рачик, Rattenwurz, Schlangenwurz*), семян или плодов (*коляшудо, ершов глаз, воронец*).

На протяжении многих столетий растения являются незаменимым кормом для животных и птиц, поэтому в фитонимах могут содержаться названия животных или птиц, которые ими питаются (*onopodrum, aviculare, arserine, крапива свинячая, гусятник, воробьева кашка, Eseldistel, Saukraut, Ganskraut,*).

Место произрастания некоторых растений совпадает с местом обитания животных, что и отражается в фитонимах *лягушачья кислица, жавашуды*.

Выявление параллельной мотивемы «применение в быту» в названиях растений разноструктурных языков свидетельствует о бытовом использовании растений (*собачье мыло, Hundsnelke*), в том числе для уничтожения или отпугивания насекомых (*тараканшудо, клопшудо, мольная трава, Mottenklee, Mottenstock*) или их привлечения (*Melisse, мўкинпеледыш, пчелиная трава, пчелолоуб, Bienenfang*).

Наличие инсектонимов и зоонимов в названиях лекарственных растений сопоставляемых языков может быть обусловлено и следующими факторами: растение излечивает от паразитов (*сõсанкўртньышудо, глистник, Wurmkraut, Wurmfarn*), является незаменимым лекарством при укусе рептилий (*гажья трава, змеевик*), само является причиной заболевания (*зверобой, веробой*).

В названиях растений, содержащих фаунистические лексемы, встречается наибольшее количество омонимичных фитонимов (*собачий язык, волчьи ягоды, медвежьи ягоды, Wolfsbeere*).

Количественное соотношение названий лекарственных растений для данной группы представлено следующим образом: русский язык – 369 фармакофитонимов (54,7 %); немецкий язык – 148 (21,9 %); марийский язык – 147 (21,8 %); латинский язык – 11 (1,6 %).

2.9. Мотивема «Народные поверья, суеверия»

Лекарственные растения применяли в заговорах на удачу, любовь, здоровье, богатство, подвязывали к одежде на дорогу путникам и на войну солдатам. Познавая окружающий мир, люди всегда пытались любому загадочному непонятному явлению приписать особую потустороннюю силу. Толчком к приписыванию растениям магических свойств, созданию легенд, поверий могли послужить их отдельные необычные и редкие свойства.

В армии русского полководца А. В. Суворова от ран умирало меньше солдат, чем в предыдущие и последующие времена. Это можно объяснить тем, что великий полководец требовал, чтобы сухой **тысячелистник**, который он называл *солдатовой травой*, был в ранце каждого солдата его армии. При помощи этого

растения, солдаты лечили свои раны, полученные в боях [157, с. 166]. Ср.: рус. *солдатское растение, трава солдатских ран, солдат-трава*. Возле лагеря любого из римских легионов можно было обнаружить специально посеянный тысячелистник. Древние римляне привыкли, чтобы свежая трава была всегда под рукой, а в случае необходимости можно было наложить повязку из тысячелистника на открытую рану, чтобы сначала остановить кровь, а потом и ускорить общий процесс выздоровления получившего ранения воина. В народе тысячелистник стали называть *военная трава*. Ср.: нем. *Militärkraut* букв. ‘военная трава’ [73, с. 247].

Использование фольклорных фитонимов *татарник, татарская трава* [48, с. 12], *татарский сабельник* или *татарское зелье* [1, с.8] для номинации **aira** можно объяснить следующим образом: *aur* был завезен во времена татаро-монгольского ига, поэтому в составе указанных фитонимов ярко проявляется национальный компонент. Татары верили, что *aur* очищает воду, и были убеждены: там, где он растет, можно пить воду без риска для здоровья [149, с. 23]. В одноязычном немецком справочнике также упоминается схожее поверье: нем. «...die Mongolen schreiben ihm eine wasserreinigende Kraft zu und pflanzen ihn auf ihren Streifzügen durch Europa überall an den Tränken der Pferde...» [80, с. 124] ‘Монголы наделяли его способностью очищать воду и сажали везде в период набегов на Европу, чтобы напоить коней’.

В старину верили, что *нечуй-ветер* ‘**кошачья лапка**’ растет по берегам рек и озер. Собирают ее в глухозимье, под Васильев вечер, который празднуется в ночь с 31 декабря на 1 января (по старому стилю). Причем найти *нечуевуку* могут лишь слепцы. Наступая на сказочную траву, слепцы якобы чувствуют, как она колет их слепые глаза. Если нашедший возьмет нечуй-ветер не руками, а ртом, он обретает способность останавливать ветер.

Возникновение немецкого фитонима *Beifuss* букв. ‘около ноги, при ноге’ связано с народным поверьем: путник не уставал, если привязывал к ноге букетик **полыни** [149, с. 209]. В немецком этимологическом словаре «Duden. Das Herkunftswörterbuch» можно встретить схожее поверье: нем. «...nach

dem Volksglauben, dass der Wanderer nicht ermüdet, der sich die Pflanze an der Fuß bindet» [76, с. 78]. ‘...по поверью, чтобы странник не уставал, он привязывал к ноге растение’.

Старинная легенда о пучке полыни, вразумившем беглеца, рассказана еще на страницах Волынской летописи. Но только после вдохновенного переложения Аполлоном Майковым в произведении «Емшан» она стала поистине знаменитой. В том, что *емшан* – полынь, сомнения нет. Ведь и сам поэт примечает: «Емшан – название душистой травы, растущей в наших степях, вероятно, полынок» [197, с. 159].

В легендах и преданиях встречается *трава забвенья*, так в старину называли полынь. На Украине полынь нарекли *забудьками*. О возникновении этих названий повествует следующее сказание. Однажды чумак ехал с работником и остановился на ночлег в поле. Они разожгли костер, чтобы приготовить пищу. Чумак отошел в сторону и свистнул. Тотчас же со всех сторон к нему сползлась огромная стая змей. Чумак собрал их в котел и стал варить. Когда вода в котле закипела, он слил ее на землю и заменил новой. Лишь в третью воду чумак положил пшено. Потом он поел каши и велел работнику вымыть котелок и ложку, наказав ни в коем случае не пробовать змеиной каши. Работник, однако, не послушался, наскреб на дне полную ложку и съел. Тотчас же он услышал разговор трав друг с другом о том, какая из них от какой болезни помогает. Когда же работник направился к возу, то услышал, как волы разговаривают между собой. Хозяин заметил, что работник не послушался его запрета и, чтобы лишить его дара понимать язык растений и животных, предложил ему съесть очищенный стебель полыни. Едва работник съел его, как тотчас же перестал слышать то, что говорили друг другу травы и животные, и забыл, о чем говорили они ранее [91, с. 158].

можно предположить, что в сфере народной магии **василёк** употребляется в приворотных целях, о чем свидетельствуют названия *приворот*, *приворотник* [142, с. 152].

У древних славян существовала легенда о девушке, чьи русые волосы часто были украшены венком из **боярышника**. У нее был возлюбленный, и скоро они должны были пожениться. На беду влюбленную красавицу страстно полюбил приезжий иноземец. Однажды он выследил ее и захотел овладеть ею силой, но, не желая нарушать клятву, данную любимому, девушка выбрала смерть. С тех самых пор боярышник считается символом девственности и целомудрия, а девушек в честь их гордой сестры стали называть барышнями или боярышнями [157, с. 32]. Ср.: рус. *боярка красная, барыня* [2, с. 40], *барыня-дерево* [157, с. 32].

С давних времен **дурман** применялся магами и колдунами в качестве чудодейственного лекарственного растения, яда или же сильнейшего галлюциногена. Индейские колдуны использовали наркотический эффект дурмана для массовых видений, а ацтеки клали его семена на алтарь. Чтобы управлять сознанием людей, ведьмы средневековой Европы готовили свои мази, добавляя в них сок и толченые части белладонны и дурмана. Втирая эти мази в свое тело, колдуньи летали на шабаши, встречались с чертями. В немецких аутентичных справочниках лекарственных растений можно встретить схожее описание магических свойств денотата: «Die stark giftigen Stechapfel-Arten galten wegen ihrer berausenden und in hoher Dosierung auch halluzinogenen Wirkung früher in vielen Regionen als Zauber- oder Hexenpflanzen» [74, с. 217] ‘Сильно ядовитые разновидности дурмана, обладающие опьяняющими свойствами и при высокой дозировке также галлюциногенным воздействием, считались раньше во многих регионах магическим или колдовским растением’. Ср.: нем. *Fliegenkraut* (нем. *fliegen* ‘летать’), *Teufelsapfel* (нем. *der Teufel* ‘черт’; *der Apfel* ‘яблоко’), *Rauschapel* (нем. *rauschen* ‘вызывать опьянение’), рус. *водопьян, одурь-трава, шальная трава* [1, с. 123]; мар. *орадышудо* (мар. *ораде* ‘дурень, глупец’), *уш колтышо шудо* (мар. *уш* ‘ум’, *колташ* ‘отпускать, упускать’, *шудо* ‘трава’) [27].

Об этимологии фитонима *семибратная кровь* [1, с. 172] для обозначения **зверобоя** рассказывает народное поверье о семи братьях-богатырях и их сестре. Жили они дружно, делали все вместе; сестра вела хозяйство. Хорошо жили

братья, но однажды они решили отправиться по белу свету счастье искать, показать людям удаль свою молодецкую. Сколько ни отговаривала их сестра, не послушались они ее. Простились братья с сестрой, пообещали скоро вернуться и уехали.

Вот проходит время назначенное, но не возвращаются братья. Горько стало сестре, чувствует она, что братья ее в беде, попросила помощи у матери-сыра-земля и солнца-батюшки. В тот же миг превратилась она в траву кустистую с крупными желто-оранжевыми цветами. Качается трава в поле широком и видит, лежат в этом поле все семеро братьев порубленные, кровью истекают. Наклонилась трава всем своим желтым соцветием над младшим братом и шепчет ему: «Трава зверобойная от девяносто девяти недугов, семи братьев богатырей верная подруга».

Очнулся младший брат от забытья и вдруг почувствовал приятный бальзамический запах от желто-оранжевых цветов, что над его лицом качались. Сорвал он один цветок и сразу почувствовал, как сила в нем прибавляется. Тогда он цветок тот попробовал да на раны свои наложил, и тут же раны его зажили. Понял тогда младший брат, что это сестра родная их спасать пришла. Встал на ноги и травой волшебной всех своих братьев вылечил. Когда ожили братья, на краях листьев травы зверобоя и на лепестках венчиков появился ярко-красный цвет – кровь семерых братьев. С тех пор, куда бы ни поехали братья, всюду за ними трава зверобой следовала и от всех бед и болезней их спасала [155, с. 124]. Ср. тж.: рус. *молодецкая кровь* [1, с. 172].

Для лечения бесплодия принимали настой *чизышудо* (мар. *чизы* ‘женская грудь, сосок’; *шудо* ‘травя’). Марийцы верили, что если у женщины долгое время не наступала беременность, то после приема отвара **вахты** она вскоре должна зачать ребенка [142, с. 138].

О **татарнике** говорили, что он отгоняет чертей, преследующих человека. С глубокой древности использовали эту траву для очистки помещений от злых духов, от напущенной порчи и болезней, от черной зависти и от ночных кошмаров (ставили в спальне или клали под подушку и зашивали в плотную

ткань). Пучок чертополоха, повешенный над входом, не пустит в дом никакую нечисть. Неспроста его называли *чертогоном*, *чертополохом*, *чертогон-травой*, *шишибаром* или *шишебарником* (диал. *шиш* ‘бес, черт’, *бара* ‘борьба’) [160, с. 96-97]. Стоит только встать там, где растет *чертополох*, и бросить его шишки в нечистых, как они сразу отстанут. Если пригнуть чертополох к земле ветками, приговаривая: «Сгони чертей с моей скотины – отпущу» – любая напасть со скотины сойдет. Дымом этого растения марийцы окуривают цыплят. Считается, что после этого они защищены от хищных птиц. А цветок, принесенный в дом, защитит жилище от стихийных бедствий, а животных – от дурного глаза и болезней. Ср.: мар. *шайтаншорвондо*, *иявондо*, *ияпелчан* [22, с. 7] (мар. *шайтан* миф. ‘черт, дьявол’; *ия* ‘дьявол, черт’, *шорвондо* ‘грабли’; *вондо* ‘стебель’). В. А. Меркулова предполагает, что русские фитонимы *дедовник*, *дед*, *дедовина*, *дедки* могут скрывать в себе эвфемистическое название черта [160, с. 99].

Адонис восточные марийцы называют *ия шудо* букв. ‘трава черта’, так как верят, что это растение способствует облегчению симптомов при появлении шишек на ногах. А их появление объясняется действием злого духа.

Существовало поверье, что девушка, которая первой на пасхальные праздники найдёт цветок **примулы**, несомненно, в этот же год выйдет замуж [149, с. 192]. Ср.: рус. *ключи замужества* [133, с. 104], нем. *Heiratsschlüssel* букв. ‘ключи для замужества’ [83, С. 70].

По старому обычаю, новобрачным под подушку кладут траву *колдунью* ‘**медуницу**’, чтобы жизнь супругов была долгой, а дети росли здоровыми. Существует легенда, что синие цветки медуницы – это цветки Адама, первого мужчины, а розовые – Евы, первой женщины. Две различные расцветки на одном растении символизируют единство противоположностей [168, с. 19]. С этим поверьем связаны следующие фитонимы – *Großvater und Großmutter* букв. ‘бабушка и дедушка’, *Fleisch und Blut* букв. ‘мясо и кровь’, *ungleiche Schwestern* букв. ‘непохожие сестры’ [83, с. 72], рус. *брат и сестра* [1, с. 279].

В марийской мифологии злой дух болезни Асера мог проникать в человека и вызывать резкую боль [204, с. 65]. Поэтому марийцы принимали отвар **кровохлебки** для лечения колик в животе, способность травы отгонять злых духов отражена в марийских фитонимах *асыра-шудо* [125, с. 26], *асырашудо* [22, с. 5], *асрашудо* [40, с. 38] (мар. *асыра* диал. ‘острые боли в животе, колики’).

Марийские девушки принимали настой *сырт пеледыш* (мар. *сырт* горн. миф. ‘фея, лесная красавица’; *пеледыш* ‘цветок’) ‘**фиалки**’, чтобы стать красивой, так как считалось, что это растение обладает магической силой превращать девушек в красавиц [125, с. 137].

В старину верили, что **анютины глазки**, подаренные возлюбленному перед долгим расставанием, символизируют верность и любовь дарившей девушки [157, с. 12]. С этим поверьем могут быть связаны фитонимы рус. *цветок на память* [157, с. 12] и нем. *Gedenkenblumen, Denkblümchen* [1, с. 382] (нем. *denken* ‘думать, помнить, вспоминать’).

С давних времен **анютины глазки** символизируют верность в любви. Ср.: нем. диал. *Liebgsichtli* букв. ‘облик (отражение) любви’ [83, с. 40] (нем. *die Liebe* ‘лицо’; *das Gesicht* ‘лицо, облик, вид’).

Немцы **фиалку** называют *Stiefmütterchen* ‘мачеха’, объясняя это название следующим образом: нижний, самый крупный, самый красиво испещренный лепесток представляет собой «мачеху». Справа и слева от нее располагаются «ее родные дочери», также не менее красиво окрашенные лепестки. Два самых верхних однотонных лепестка – «падчерицы» [73, с. 260]. Предание говорит, что прежде мачеха находилась наверху, а бедные падчерицы внизу, но Господь сжалился над бедными забитыми и заброшенными девочками и повернул цветок, причем злой мачехе дал шпорец, а ее дочерям – ненавистные им усики [133, с. 143].

Юрьевой росой называют многие первые весенние травы, среди них **фиалка**, **чистотел** и др. Фитоним связан с обычаем собирать на Юрьев день (23 апреля) росу с травы и протирать ею глаза и другие больные части тела, а также

окроплять домашний скот. Считалось, что если скот поест траву с *Юрьевой росой*, то станет тучным [25, с. 214].

2.9.1. Фитонимы, связанное с обрядами праздника Ивана Купалы

В народе праздник Ивана Купалы называют Иван Травник, Иван Колдовник, Иван Гулящий, Иван Градобой. Считалось, что в Иванову ночь расцветает папоротник, колдуны и ведьмы ходили за тирлич-травой (золототысячником), умывались росой, затевались игры, зажигались купальские огни.

Сказание гласит, что **папоротник**, или, как его еще называют, *царь-цвет*, *светицвет*, *жар-цветок*, *огнецвет*, *кочедыжник*, якобы цветет только в ночь на Ивана Купалу. Между листьями, похожими на крылья орла, поднимается, как светящийся уголек, цветочная почка. В полночь почка с треском раскрывается, появляется огненный цветок, озаряющий все вокруг. Некоторые добавляют, что при этом раздается гром и сотрясается земля [149, с. 262]. За быстроту, с которой ударяет молния и раскрывается почка, цветок папоротника называют *перелет-травя*. Ср. тж.: рус. *спрыг-травя*, *прыгун* или *скакун-травя* [96, с. 73]. Название *скакун* [216, с. 273] объясняется немецким поверьем, согласно которому огненный цветок, расцветающий в ночь на Купалу, не стоит на месте, а прыгает [171, с. 415]. Ср.: нем. *Springwurz* букв. ‘прыгающий корень’.

Марийский народ на Ивана Купалу, мар. *Йыван кече*, тоже ищет магический цветок *кўртньышудо пеледыш*, букв. ‘цветок железной травы’ (мар. *кўртнӧ* ‘железо’, *шудо* ‘травя’; *пеледыш* ‘цветок’). У марийцев, по поверьям, если кто-то сможет добыть *кўртньышудо пеледыш*, то он приобретает магические знания, сверхъестественные способности [204, с. 143].

В других источниках для номинации папоротника в марийском языке встречается фитоним *пушудо* (мар. *пу* ‘дерево’, *шудо* ‘травя’). Целебными свойствами пермские марийцы также наделяли коноплю. Согласно их поверьям, *пушудо* или белая бабочка, севшая на полотенце в 12 часов ночи в коноплянике, могли сделать человека невидимым [213, с. 405].

Славяне свято верили в то, что волшебный цветок *жар-цвет* стережет Жар-Птица, об оперение которой можно легко обжечься. До принятия христианства на Руси папоротник был посвящен богу грома и молнии – Перуну [149, с. 261]. Связь папоротника с Перуном свидетельствует о том, что *перунов цвет* или *перунов огнецвет* предохраняет от громового удара [80, с. 218] и обладает могучей древней силой: тот, кто им владеет, не боится ни воды, ни огня; все его желания немедленно исполняются; он понимает язык цветов и птиц, деревьев и зверей; он не подвержен влиянию злых чар.

Перунов цвет, по народным сказаниям, отверзает облачные скалы и криницы и потому служит как бы ключом к скрытым в них сокровищам солнечного цвета (небесного золота) и дождя (дорогого вина). В зимние холода прекрасная богиня Лада скрывается за густыми тучами и туманами и остается за их мрачными затворами до тех пор, пока не расцветет весной пламенный *цветок Перуна* и не отопрет темницы.

Весной, после того как золотой ключ-молния отопрет замкнутое небо, появляются росы и дожди – небесные слезы. Поэтому папоротник, низводящий эти слезы на землю, получил еще одно название – *плакун-трава*. Плакун открывает клады и заставляет демонов плакать, т. е. вынуждает тучи проливать дожди. Кому посчастливится найти и выкопать корень *плакун-травы*, тот производит заклятие.

Дева Заря выводит поутру ясное солнце и прогоняет темную ночь. Так и *Перунов цвет-молния* силой разгоняет тучи и проясняет дневное светило. *Перунов цвет* разит демонов и чертей и заставляет их в трепете разбежаться в разные стороны, потому его еще называли *чертополохом*, *одолень-травой* и *прострел-травой* [96, с. 76].

Для поиска земляных богатств кладоискатели бросают цвет кочедыжника вверх. «Если где есть клад, этот цвет будет носиться над ним, как звезда, и прямо упадет на землю» [186]. Способность обладателя цветка **папоротника** открывать спрятанные клады, видеть прошлое и будущее, становиться невидимым,

счастливым и богатым [149, с. 262] отражена в фитонимах рус. *золотник*, нем. *Glückshand* (нем. *das Glück* ‘счастье’; *die Hand* ‘рука’) [83, с. 20].

Цветку папоротника приписываются свойства *разрыв-травы*. Тождественность папоротника и разрыв-травы становится очевидной из великорусского поверья: разрыв-трава достается только тому, у кого есть цвет папоротника и корень плакуна [186]. По преданию, если приложить *разрыв-траву* к запертой двери или замку, они немедленно разлетятся на части, а если бросить в кузницу, то ни один кузнец не сможет сварить и выковать железо – хоть работу бросай!

Разрыв-трава ломает и разрывает даже металл. Воры, когда им удастся добыть эту траву, разрезают себе палец, вставляют ее внутрь разреза, а потом заживляют рану. От одного прикосновения такого пальца замки отпираются и сваливаются с дверей и сундуков. Если прикоснуться пальцем к человеку, тот скоропостижно умирает. Сказывают, чтобы достать ее, надо в полночь накануне Иванова дня забраться на дикий пустырь и косить траву, пока не переломится железная коса. Этот перелом и служит знаком того, что лезвие косы ударилось о *разрыв-траву*. В месте, где упадет коса, нужно собрать срезанную зелень и бросить ее в ручей или в реку. Обыкновенная трава поплывет вниз по воде, а *разрыв-трава* – против течения [96, с. 75].

Способность человека управлять нечистой силой благодаря **папоротнику** в немецком языке закреплена в фольклорном фитониме *Teufelsleiter*, букв. ‘повелитель нечисти (чертей)’ (нем. *der Teufel* ‘черт, нечистая сила’; *der Leiter* ‘руководитель’). В фитониме *Schnackenkraut* выражена уникальная способность человека понимать язык птиц (нем. *schnacken* ‘болтать, разговаривать, трещать (о сороках)’; *das Kraut* ‘травя’) [83, с. 20].

Связь папоротника именно с купальскими празднованиями и представления об огненном облике его цветка, вероятно, послужили основой для возникновения в местных говорах такого его названия, как *купоротник*. Это слово, по всей видимости, родственно имени Купалы, которое, в свою очередь, восходит к

индоевропейскому корню *kip-* со значением ‘кипеть, вскипать, страстно желать’, и соотносится с понятием огня [31].

Согласно поверью, **девясил** собирают до восхода солнца в канун дня Ивана Купалы. Освященный на девяти заутренях *девятисильник* дает человеку «девять сил» [149, с. 105]. Ср.: *девятисил*, *дивосил* [157, с. 60], *дивочил*, *девятибрат*, *девятиха*, *девятуха*, *девятильник*, *девясильник* [2, с. 74], нем. *Neunkraft* (нем. *neun* ‘девять’; *die Kraft* ‘сила’) [160, с. 104]. Марийцы тоже верят в чудодейственную силу этого растения. Эта уникальная способность девясила отражается в марийском фитониме *куатшудо* (мар. *куат* ‘сила, мощь’; *шудо* ‘трава’). Ср. тж.: рус. *стосил*.

В ночь на Ивана Купалу магические свойства приобретал и *трипутник* ‘*подорожник*’, сначала девушка должна прошептать: «Трипутник-попутник, живешь при дороге, видишь старого и малого. Покажи мне моего суженого-ряженого». Сорвав **подорожник** зубами, девушки приносили его домой, клали под подушку. Они верили, что ночью обязательно приснится жених [152, с. 57].

Праздник Ивана Купалы был особым временем для беременных и тех женщин, которые только планировали зачатие ребенка. Они собирали *купальские травы*: **крапиву, ромашку, чабрец, череду, любисток, полынь**. Когда ребенок родится, у мамы уже будут купальские заговоренные травы, наполненные родовой силой и энергетикой. Из них заваривали чай, настаивали его и добавляли в купель. Так с самых первых дней мама помогала малышу обрести здоровье. Если продолжить купать девочку до трёх лет, используя эти травы, она вырастет красавицей, которую будут любить все окружающие [215].

В эту ночь принято спускать на воду венки. Как поплывет венок – такая судьба и ждет его хозяйку. Плывет, не касаясь берегов, – девушка выйдет замуж. Закрутится или утонет – жди беды. Поэтому венок считался самым древним и самым непростым украшением. Круг обозначал Солнце, символизировал одновременно Жизнь и Смерть. Девушки плели волшебные венки из 12, 24 и даже 40 трав, обращаясь к ним с просьбой. В них вплетали **папоротник, иван-дамарью, ивановскую траву ‘зверобой’, иванов цвет ‘ромашку’, тысячелистник,**

богородицкую траву ‘**тимьян**’, **полынь**, **кувшинку**... Где-то добавляли **укроп**, **мокрицу**, **аир** и другие травы, которые могли помочь человеку. Верили, что одни травы защищают от неудач и колдовства, другие – избавляют от болезней. К третьим обращались с просьбой подарить красоту. Четвертые должны были привлечь жениха и помочь выйти замуж. Пятые помогали защитить дом от пожара [143, с. 133].

Кроме того, на Иванов день мариинцы всегда старались приготовить баню, чтобы попариться ивановскими вениками и использовать для лечения запаренные «волшебные» травы [216, с. 405].

В течение Русальной недели, на Ивана Купалу для защиты от злых духов, особенно от русалок, **полынь** не только носили за пазухой, но и клали на окна и пороги домов [142, с. 208]. Также полагали, что если проглотить три шарика из размятых листьев полыни, то можно стать невидимым для русалок [49, с. 159]. Девушки плели венки, а также опоясывались ими, чтобы уберечь себя на целый год вперед от нечистой силы, колдовства и болезней [149, с. 211]. Ср.: нем. *Johannesgürtelkraut, Gürtelkraut* [83] (нем. *das Johannis* религ. ‘Иванов день’; *der Gürtel* ‘пояс’; *das Kraut* ‘трава’).

В четверг после Троицы девицы рвут **полынь** и вплетают ее в косы или носят у себя под мышками: русалка не станет щекотать ту девушку, у которой полынь. В этот день русалки считались наиболее опасными, а четверг на Руси назывался русальчин велик день [31].

Особенную силу имеет полынь, которую на Троицу разбрасывают по хате и под столом. Накануне Троицы бросают в избах *явир* ‘**аир**’, *зорю* ‘любисток’ и непременно полынь для предохранения от русалок (лоскотавок).

В деревнях и селах вешают по хлевам **крапиву** и венки из освященных трав, чтобы русалки и ведьмы не отнимали молока у коров. По старинному народному верованию, русалки, как и ведьмы, всего более боятся крапивы и осины. На этом основании обычай жечь друг друга в «крапивное» (всехсвятское) воскресенье крапивою считается остатком древних «русальных проводов» [131, с. 214].

В марийской мифологии **попыню** отпугивали духа воды Вуд удыр букв. 'водяная девушка'. Чаще всего она описывается как обыкновенная женщина, а упоминания о рыбьем хвосте вообще не встречаются [204, с. 81].

Когда в ночь на Йыван кече марийцы ходили в глубь леса за магическим цветком, кроме ладанки и Пасхальной свечи они обязательно брали с собой веточку *ведьминой травы*, так в народе называли **попынь** или **крапиву** за способность отгонять русалок и ведьм [152, с. 225]. Считается, что **попынь** охраняет также от ведьм дом и двор [21, с. 58]. В старину говорили «хорошо носить при себе *божье деревце*, чтобы быть защищенным от колдовства» [142, с. 222]. Ср. тж.: рус. *святое деревце* [49, с. 159]

Фитонимы *Sonnenwendkraut*, *Besenkraut* [83] (нем. *der Besen* 'веник') в немецком языке и в русском *трава святого Ивана* для номинации **попыни** отражают духовную культуру и наследие многих поколений. Название *Sonnenwendkraut* является омонимичным для зверобоя.

Таким образом, основываясь на предрассудках и предубеждениях, в народе лекарственным растениям пытались найти дополнительное, зачастую неординарное применение. Из них изготавливали обереги, раскладывали растения в доме или носили с собой, чтобы отогнать нечистую силу и защитить свой дом, себя и родных от напастей, болезней или смерти (*шайтаншорвондо, асырашудо, чертогон, дед, Beifuss*).

Особое место отводили растениям при совершении различных обрядов, когда заходила речь о любовной магии, замужестве или создании семьи (*чизышудо, приворотник, цветок на память, Heiratsschlüssel, Libgsichtli*).

Но вместе с тем, какими бы волшебными и потусторонними свойствами ни наделяли люди лекарственные растения, основная их ранозаживляющая и целебная функция доминирует даже в суеверных представлениях (*солдат-трава, татарник, семибратная кровь*).

Семантика фитонимов связана с историко-культурными и религиозными особенностями праздника Ивана Купалы, а также с явлением «народной этимологии» (*купоротник*). Разнообразие традиций и обычаев определяет наличие

синонимических рядов для множества фитонимов. Так, папоротник в русском языке называют *царь-цвет, светлицет, прыг-трава, скакун-трава, скатерник-кочедыжник, одолень-трава, прострел-трава, золотник*. Цветок папоротника называют *перелет-трава*. В марийском языке папоротник именуется *кўртньышудо пеледыш* или *пушудо*. Для немецкого языка характерны фитонимы *Johanniswurzel, Glückshand, Teufelsleiter, Schnackenkraut*, внутренняя форма которых отражает уникальные способности, приобретаемые человеком, нашедшим растение в волшебную ночь.

Обряды, проводимые на Ивана Купалу, поверья и суеверия, связанные с этим праздником, функционируют в народных названиях многих лекарственных растений: крапивы (*ведьмина трава*), зверобоя (*Johanniskraut, Ивановская трава, Святоивановская трава*), полыни (*Johannesgürtelkraut, божье дерево*), девясила (*девясильник, Neunkraft, куатшудо*).

Количественное соотношение названий лекарственных растений для данной группы представлено следующим образом: русский язык – 109 фармакофитонимов (67,7 %); немецкий язык – 33 (20,5 %); марийский язык – 19 (11,8 %).

Отсутствие в представленной группе научных ботанических латинских названий лекарственных растений объясняется тем, что этноисторические и лингвокультурные особенности народов и языков наиболее полно отражают именно народные фитонимы.

2.10. Мотивема «Религиозные представления»

Понятия святости и сакральности всегда были важными для сознания верующего человека, поэтому в процессе устроения и организации жизни, при ономастической номинации людьми движут осознанные ментальные, духовно-нравственные представления [102].

По преданию, к лекарственным свойствам **тысячелистника** нередко обращался св. Иосиф. Работал он плотником и довольно часто повреждал свои руки. А с помощью тысячелистника Иосиф мог быстро вылечить свои раны и

вернуться к работе [153, с. 438]. Ср. тж: рус. *трава святого Иосифа, плотничья трава* [143, с. 64].

Считается, что **дягиль** обладает мистическими силами – отгоняет болезни и злых духов. По легенде, эта трава получила латинское название *Archangelica* в честь Архангела Рафаила, который в X в. во Франции раскрыл местному монаху мистические свойства *анжелика* и то, как излечить этой травой город от чумы [157, с. 74]. Славяне же нередко отождествляли этого небесного посланника с архангелом Михаилом, так как считалось, что дягиль расцветает в день его именин – 8 мая [153, с. 171]. Ср.: нем. *Angelikawurzel* [50, с. 11], *Engelwurz* (нем. *der Engel* ‘ангел’; *die Wurz* уст. диал. ‘корень’) [83, с. 100], *heiliger Geistwurz* (нем. *heilig* ‘святой’; *der Geist* ‘дух’) [1, с. 36].

Страдания Христа может символизировать **полынь**. Согласно Библии, полынь – символ суда Божия за отступничество и непослушание. По поручению Господа истинные пророки предостерегали израильтян от отступления от Божьих заповедей, призывая обратиться к вере и повиноваться Богу. В то же самое время истинные пророки боролись с пророками ложными, так как последние активно вмешивались в политику, внушая тем самым народу ложные надежды. В конечном итоге их ожидало Божье наказание, и полынь выступила здесь как его символ: «Посему так говорит Господь Саваоф о пророках: вот, Я накормлю их *полынью* и напою их водой с желчью, ибо от пророков Иерусалимских нечестие распространилось на всю землю» (Иеремия, 23:15) [193, с. 282]. Ср.: рус. *святое деревце* [49, с. 159].

О появлении **васильков** повествует позднее русское сказание, связанное с именем известного московского юродивого Василия Блаженного. Рассказывают, что когда Василий Блаженный умер, его тело нашли среди пахучих голубых цветов. Сначала думали, что этот запах издает тело святого, но потом убедились, что благоухала трава, в которой оно лежало. Поэтому цветы, прозванные *васильками*, пахнут ладаном [152, с. 142].

Отпуская грехи Марии Магдалины, Иисус Христос подарил ей букет из дивных невинных цветов – **ромашек** [115]. Ср.: нем. *Mariamagdalenkraut* (нем. *Maria* ‘Мария’; *das Kraut* ‘трава’) [78].

Ряд фитонимов восходит к поверьям об Апостоле Петре (св. Петре), который в народном культе святых наделен чертами пастуха и хранителя полей. В период хождения Христа по земле Петр отгонял от Христа стеблем **цикория** детей и затем бросил стебель на землю. Мальчики подняли его, назвав цикорий *Петровым батогом* (батог уст. ‘трость, посох’) [142, с. 231]. По другой из версий, Апостол Петр гнал своих овец на пастбище, но забыл взять с собой хворостинку. По дороге он увидел бурьян с длинными стеблями, сорвав один из них, он погнал ими овец. Ср.: рус. *Петров батог* [1, с. 98], *Петровы розги* [160, с. 121], *Петров кнут* [142, с. 231]. Внешность Петра находит отражение в немецком фитониме *Kapuzienerbart* (нем. *der Kapuziener* ‘монах’; *der Bart* ‘борода’), который используется для номинации **цикория**.

В христианской мифологии **ландыши** – это *горючие слёзы Богородицы*, которые она проливала, стоя у креста распятого сына. Слезы эти, падая на землю, превращались в прекрасные цветки, которые, отцветая, становились красными плодами, похожими на кровь [156, с. 14]. В Германии существует поверье, что в светлые лунные ночи, когда земля объята глубоким сном, Дева Мария с венцом из блестящих, как серебро, **ландышей** на голове появляется перед немногими избранными праведниками, которым готовит нечаянную радость [149, с. 122]. С этим поверьем связаны фитонимы рус. *колокольчики Марии* и нем. *Marienglöckchen* букв. ‘колокольчики Марии’ [78].

По предрассудкам старообрядцев, ягоды *богошника* грешно есть, так как иглистые ветки **боярышника** «послужили венком на главу Иисуса Христа, отчего и ягоды имеют кровавый цвет» [1, с. 118]

По одной из легенд черт гнал водку из **дурмана**. Господь с апостолами пришли к нему в гости. Черт предложил гостям выпить водку: Господь отказался, а апостолы Петр и Павел согласились. Им нечем было расплатиться, и Господь

пообещал отдавать черту души людей, которые умрут от водки [152, с. 146]. Ср.: *трава дьявола* [139].

В основе русских фитонимов *богородичина трава, богородица, богородичица, слёзы Божьей Матери* [142, с. 157] функционируют поверья о богородице. По одной из легенд, кровь Богородицы капала на листья **зверобоя**. По другой версии, замесив хлеб, Богородица вымыла руки, и от капель, которые упали на это растение, листья получили свои пятна. Основой для фитонимов нем. *Jesuswundenkraut* (нем. *Jesus* ‘Иисус’; *die Wunde* ‘рана’; *das Kraut* ‘трава’), *Unser Herr Gott's Wunderkraut* [1, с. 173], *Herrgottsblut* (нем. *das Blut* ‘кровь’; *der Herrgott* ‘Господь, Господь Бог’; *das Wunder* ‘чудо’) [83, с. 42], рус. *трава иисусовых ран* могла послужить легенда об Иисусе Христе: зверобой вырос под крестом, на котором распяли Христа, и получил целебную силу от его крови [142, с. 157].

В средние века появилась такая легенда: Апостолу Петру принадлежала связка золотых ключей, он ими отпирал дверь в царство небесное. Однажды к нему подбежал Ангел и взволновал страшной вестью о том, что будто бы кто-то подделал ключи от рая и собирается впустить туда разную нечисть. Апостол страшно перепугался, руки у него задрожали, и он выпустил из них настоящие ключи от рая. Ангел метнулся за ними, но не успел перехватить. Ключи упали на землю, где из них выросли золотые цветы **примулы** [149, с. 191] – *цветы Святого Петра, ключики Петра*; нем. *St. Peterschlüssel, St. Paulusblume* [1, с. 273], *Petriblume* [78].

В древнегерманских сагах примула считалась *ключами богини весны Фрей*; ожерельем ей служила радуга, и там, где она касалась земли, падали на землю золотые ключи, способные открывать спрятанные сокровища [149, с. 190].

Самый известный миф о **клевере** связан с именем св. Патрика, который использовал три листа клевера на одном стебле для объяснения концепции святой Троицы: листья изображали Бога-отца, Бога-сына и Святого Духа. Ср.: рус. *троица, троян* [1, с. 360].

В средние века **фиалка** начинает играть особую роль в христианском мире и получает название *цветок Святой Троицы, троицкая трава, троицын цвет* [1, с. 382]. Средневековые христиане видели в находящемся в середине цветка пятне треугольник и сравнивали его с Всевидящим оком, а в окружающих его разводах – идущее от него сияние. Треугольник, по их мнению, изображает три лица св. Троицы. Этому наименованию соответствует немецкое название *Dreifaltigkeitsblume, Dreifaltigkeitskraut* [1, с. 382]. Термин *die Dreifaltigkeit* в «Большом толковом словаре немецкого языка» трактуется, в соответствии с христианским учением, следующим образом: «Die Einheit von Gott Vater, Gott Sohn (Christus) und dem Heiligen Geist, die zusammen Gott sind» [80, с. 146] ‘единство Бога-Отца, Бога-Сына (Христа) и Святого Духа, которые вместе являются Богом’.

Фиалку считают *сердечной усладой*, её преподносят влюбленные друг другу в *День св. Валентина* [157, с. 12].

Наличие агионимов в составе латинских, немецких и русских названий лекарственных растений свидетельствует о том, что католическая и православная церковь наделяли ряд лекарственных растений божественной силой исцеления (*Mariamagdalenaakraut, трава святого Иосифа, васильковый цвет, Петров батог, Archangelica*).

Количественное соотношение названий лекарственных растений для данной группы представлено следующим образом: русский язык – 37 фармакофитонимов (19 %); немецкий язык – 27 (40,3 %); латинский язык – 3 (4,5 %).

Отсутствие названий лекарственных растений с элементами религиозных (православных или католических) представлений в марийском языке связано с многовековым языческим вероисповеданием народа: поклонением природным богам и (или) языческим культам, ритуальными посещениями молельных рощ.

2.11. Мотивема «Антропоним»

Наличие антропонимов в составе фитонимов может быть связано с первобытными мифическими представлениями народа о врачевании или возникшим чувством крепкой или запретной любви между девушкой и юношей.

Родовое латинское название *Achillea* **тысячелистник** получил в честь Ахилла, ученика мудрого кентавра Хирона, который применял эту траву для лечения ран [48, с. 10]. Ср.: рус. *алилл, ахиллея* [1, с. 5], *ахиллесова трава* [157, с. 166] нем. *Achillenkraut* [1, с. 5], *Achilles* [50, с. 9] (нем. *Achill* миф. ‘Ахилл, Ахиллес’; *das Kraut* ‘трава’).

Свадебные церемонии на протяжении многих столетий отличаются особой торжественностью, а украшение алтаря, свадебного наряда невесты красивыми цветами и растениями является неотъемлемым атрибутом образа. Немецкий фитоним *Augenbraue der Venus* букв. ‘брови Венеры’ восходит к VI веку и определяется красивой формой цветков. По преданию, название связано с богиней любви и, вероятно, с применением тысячелистника для украшения свадебной церемонии. Ср. тж.: нем. *Venusaugenbrauen* [1, с. 5].

Латинское родовое название растения **горицвет** *Adonis*, также русский фитоним *адонис*, немецкие – *Adonisröschen* [50, с. 11], *Frühlingsadonisröschen* [74, с. 30] связаны с именем древнегреческого юноши Адониса, сына царя Кипра, возлюбленного богини Афродиты [48, с. 12]. Из крови убитого любимого Афродита вырастила прекрасный цветок, который распускается каждую весну. По другой легенде, цветок получил название **адонис** в честь финикийского и ассирийского бога солнца Адона, который ежегодно умирал осенью и воскресал весной [153, с. 5].

Родовое название **василька** *Centaurea* связано с кентавром Хироном, древнегреческим мифологическим персонажем. Хирон считался зачинателем искусства исцеления, врачевания, был воспитателем и наставником знаменитых героев – Ахилла, Ясона, Эскулапа. Плиний рассказывал, что он использовал наряду с другими травами также сок этого растения для лечения ран [48, с. 57].

Этимологию фитонимов *васильчик* [1, с. 90], *василёк* [2, с. 46] связывают еще с древнерусской легендой о зверском ослеплении Василько Ростиславича, князя Теробовльского. Злые люди оклеветали его перед старшим братом Святополком, князем Киевским, уверив его, что Василько замышляет что-то недоброе. Закованный в оковы Василько был доставлен в Белгород, где Давидом, князем Волынским, было принято решение ослепить князя Теробовльского. В день казни шел Василько под стражей через поля, покрытые колосившейся рожью и плакал горькими слезами. Отчаянно бился князь со своими врагами, но все было тщетно. Повалили его на землю и вырезали ножом оба глаза, оставив на месте прекрасных синих очей зияющие кровавые раны. На другое лето, когда заколосилась рожь, появились на ней прекрасные синие цветы. Говорили, будто они выросли от слез Василька, которые он проливал, идя на казнь [156, с. 75].

У древних славян **ромашка** являлась одним из семи священных растений, наряду с дубом, орешником, вербой, хмелем, омелой, плакуном. В одной из славянских легенд объясняется происхождение фитонима *ромашка*. Давным-давно в одной далекой деревушке жила девушка по имени Мария. Она была прекрасной, как утренняя заря, нежной, как дуновение ветра, и стройной, как березка. Эта девушка была безумно влюблена в парня по имени Роман из соседней деревни. Их чувства были взаимны, и молодые люди практически не расставались. Однажды Роману приснился сон, будто старец в какой-то неведомой стране преподносит ему до этого невиданный цветок с ярко желтой сердцевинкой и белыми вытянутыми лепестками вокруг. Когда Роман пробудился ото сна, то увидел, что на его кровати действительно лежит этот цветок. Он ему настолько понравился, что Роман сразу же подарил его своей возлюбленной. От цветка исходила нежность, и девушка была в восторге от столь необычного подарка и решила назвать его ласковым именем – *Ромашка*. Она никогда раньше не видела такого простого и в то же время нежного цветка. Девушке стало грустно оттого, что не все влюбленные могут наслаждаться красотой ромашки, и она попросила Романа собрать целый букет этих удивительных цветов. Роман не смог отказать любимой и на следующий день отправился в путь. Долгое время

он бродил по просторам Земли и наконец на краю света отыскал царство сновидений. Его правитель согласился подарить девушке целое поле ромашек, только если Роман навсегда останется в его владениях. Юноша был готов на все ради своей любимой, и он навсегда остался в стране снов. Девушка несколько лет ждала возвращения Романа, но он все не стучал в ее дверь. И когда однажды утром она увидела ромашковое поле у своего дома, то поняла, что ее любовь жива... [153, с. 414] Ср.: рус. *романов цветок, романник, роман* [160, с. 103], *романец* [1, с. 209].

День Рождества святого Иоанна Предтечи является одним из особо почитаемых праздников не только в славянском мире, но и почти по всей Европе [135, с. 506]. В народе он известен как праздник Ивана Купалы. В Германии с V века католической церковью 24 июня отмечается день рождения Иоанна Крестителя – *Johannestag* [29, с. 478].

В праздновании дня Ивана Купалы соединились христианские и языческие верования: Иван – Иоанн Креститель, который «купал», т.е. крестил Христа, и Купала – языческий бог, которому поклонялись в древности и приносили благодарения и жертвы в начале периода жатвы [149, с. 20].

Считалось, что до дня Ивана Купалы сила трав была в листьях, а после него уходила в корни. Об этом свидетельствуют немецкий фитоним *Johanniswurzel* для обозначения **папоротника** и *Johanniswurz* (нем. *das Johannis* религ. ‘Иванов день’; *die Wurzel* ‘корень’) – для номинации **зверобоя**.

Время цветения и сбора **зверобоя** в День Иоанна Крестителя ярко отражено в немецких фитонимах *Johanniskraut* букв. ‘Иванова трава’ (нем. *das Johannis* религ. ‘Иванов день’; *das Kraut* ‘трава’), *Sonnenwendkraut* (нем. *die Sonnenwende* ‘солнцестояние’) и в русских *Ивановская трава, Святоивановская трава, Светоянское зелье, Св. Ивана зелье* [1, с. 172].

Хотя следует отметить, что «*Иванова трава*» в каждой местности Германии была своя, чаще всего это, конечно, **зверобой**. В Тюрингии «*Ивановой травой*» называли **арнику**, которую использовали для приготовления мазей [29, с. 479].

Выявить этимологию фольклорного фитонима *ерофей* для номинации **зверобоя** не представляется возможным. Указанное имя собственное проявляется также в марийском фитониме *йоротишудо* (мар. *йороти* ‘Ерофей’; *шудо* ‘трава’) [100]. Хотя бытует мнение, что Ерофеичем называли настойку на травах, которая получила название в честь виноторговца Василия Ерофеича. В состав этого спиртного напитка входит трава *ерофей* [70, с. 26].

Предполагают, что **девясил** вырос из слёз Елены Прекрасной, дочери Зевса и Леды, которую похитил сын троянского царя Парис, что, собственно, и послужило предлогом для начала Троянской войны. Когда Елена сидела в осажденной греками Трое, она с горечью и раскаянием вспоминала о своем муже Менелее и плакала. Слезы ее падали на землю, превращаясь в чудесные желтые цветы. Позднее в честь Елены Троянской их назвали *очищением Елены* [157, с. 60]. Ср.: рус. *Еленина трава*, нем. *Helenenkraut* букв. ‘трава Елены’ [50, с. 83], латинское видовое название растения *helenium* [48, с. 132].

Научное название **мяты** *Mentha* связано непосредственно с именем богини Менты, олицетворяющей в древнеримской мифологии человеческий разум. Согласно древнегреческому мифу, бог подземного царства Аид, супруг богини Персефоны, полюбил наяду (наяда – нимфа рек, ручьев и озер) *Менту*. Там, где жила Мента, воздух был всегда сказочно чист и прозрачен. Узнав о неверности мужа, ревнивая повелительница подземного царства и плодородия обратила свою соперницу в лекарственное растение – **мяту** [157, с. 124]. Ср.: мар. *мятй шуды*.

По древнегреческому преданию, **примула** возникла из тела умершего от любви юноши Паралисуса, которого боги из сострадания превратили в ароматный цветок; поэтому верили, что этот цветок излечивает от паралича, и в медицине его до недавнего времени называли *параличной травой*.

В некоторых случаях причина переноса личного имени на название растения заключается в фонетическом сходстве, когда непривычное слово или сочетание подвергается изменению, искажается и сближается с личным именем схожего звучания [142, с. 86]. Ярким примером описанного фонетического сходства служат фольклорные фитонимы для обозначения **валерианы** в русском языке

аверьянка, аверьяновка, аверьянова трава, верьяновка [2, с.45], *балдырьян, булдырьян, аверьян, оверьян* [1, 372], *балдырь, балдриан* [45, с. 242] и немецком – *Baldrian* [50, с.155], *Bullerian, Ollerjan* [83, с. 98].

Русское название **фиалки иван-да-марья** связывают с легендой о парне и девушке, горячо полюбивших друг друга и поженившихся, не зная, что они брат и сестра [149, с. 237]. Ср. тж.: рус. *брат-и-сестра*.

Еще одна древняя легенда повествует о том, что жила на свете красавица Анюта. От всей души она полюбила своего хладнокровного соблазителя. Юноша разбил ее сердце, Анюта умерла от горя и тоски. На могиле бедной Анютки выросли фиалки, окрашенные в три цвета. Каждый цвет символизирует три чувства, которые она испытывала: надежду на взаимность, удивление от несправедливой обиды, печаль от неразделенной любви [157, с. 12]. По другому поверью, растение получило название *анютины глазки* в честь девушки, превращенной в цветок за лишнее любопытство к чужой жизни и подглядывание [149, с. 238]. Ср. тж.: рус. *анюткины глазки, анютки, анюточка*.

В период становления и зарождения первых медицинских знаний людям было сложно объяснить этиологию заболеваний и процесс лечения, поэтому способность растений излечивать связывали, в первую очередь, с античных времен с мифологическими персонажами, которых было принято считать искусными знахарями и лекарями. Особенно ярко данная черта проявляется именно в латинских фитонимах и производных от них русских и немецких названиях растений (*Achillea, Centaurea, Adonis, Mentha, ахиллесова трава, Achilles*).

Имена возлюбленных определяют процесс номинации большинства русских названий растений (*ромашка, романец, анюточка, Иван-да-Марья*).

Единичный случай употребление имени собственного в марийском фитониме говорит, очевидно, о бытовом применении растения (*йоротишудо*).

Количественное соотношение названий лекарственных растений для данной группы представлено следующим образом: русский язык – 55 фармакофитонимов

(64,7 %); немецкий язык – 23 (27,1 %); латинский язык – 5 (5,8 %); марийский язык – 2 (2,4 %).

Выводы по второй главе

Представленные основные принципы номинации фармакофитонимической лексики в разносистемных языках, естественно, не могут выявить все мотивационные признаки, которые лежат в основе номинации. Результаты сопоставительных исследований названий лекарственных растений в разноструктурных языках дают возможность дифференцировать фармакофитонимы по принципам номинации данных растений. Статистический анализ обозначенных принципов номинации фитонимов в разноструктурных языках наглядно проиллюстрирован в виде таблицы (Приложение 1) и в виде диаграммы (Приложение 2). Но вместе с тем представленный анализ носит условный характер, так как с семантической точки зрения все обозначенные фитонимы можно классифицировать на две подгруппы: фитонимы с ярко выраженным мотивационно-номинационным признаком и фитонимы с затемненной этимологией. У фитонимов второй подгруппы связь между исходным значением и основой номинации была утрачена, в связи с этим отнести их к определенной мотивеме не представляется возможным.

В фитонимической системе анализируемых языков наиболее продуктивными являются номинации:

1) по внешнему виду (24,5 %), так как, основываясь на ярко выраженных внешних признаках растения, травники на протяжении многих столетий находят нужное им растение среди множества аналогичных;

2) по наличию фаунистических компонентов в составе названий лекарственных растений (22,5 %). Названия растений, образованные от орнитонимов, связаны в первую очередь с периодом цветения, окраской цветка и образованием плодов (*кергевуй, дятельник, агытанора, ластовина, кукувеледыш, Kuckucksblume*). Зоонимы и орнитонимы используются при номинации фитонимов, когда прослеживается сходство части тела животного

или птицы со строением и размерами реалии по форме и строению листа, строению стебля (*equisetum*, *маскавылыш*, *кошачьи лапки*, *Wolfzahn*), местом произрастания (*лягушачья кислица*), употреблением в пищу (*коневник*, *Saunnessel*). Нередко зоонимы, наряду с инсектонимами, используются для образования фитонимов, объединенных мотивационным признаком «причина заболевания» и «пригодность для человека» (*клопшудо*, *умдылашудо*, *глистник*, *Wurmkraut*, *Bandwurmwurzel*).

3) по использованию лекарственных растений в медицинской практике (15 %). Фитонимы отражают медицинские знания народа о растении, указывают на конкретную область применения лекарственных растений в народной медицине, выявляют особенности их использования.

В основу номинации лекарственных растений легли 11 мотивов. Для каждого анализируемого языка можно выделить самые продуктивные:

1. Мотивема «Время цветения» (7,8 %) в **латинском языке** представлена видовыми названиями денотата, так как период цветения является основополагающим фактором для определения периода сбора растения. Видовые фитонимы выявляют также фитоморфологические признаки растения – строение стебля, листьев, корней и т.п. (3,2 %). Латинские родовые фитонимы содержат в своем составе значительное количество антропонимов: имен богов греческого и латинского пантеона, имен мифических персонажей, героев баллад и легенд (5,8 %), что свидетельствует о значительном влиянии религии на жителей античного мира.

2. Ведущими принципами номинации для **русского языка** являются мотивемы «Внешний вид» (72,6 %), «Вкус и запах» (72,2 %) и «Цветобозначение» (70,4 %). Все перечисленные мотивемы тесно связаны друг с другом, так как выявляют фитоморфологические признаки денотата, способствуя тем самым быстрому распознаванию растения.

3. Для **марийского языка** самое большое количество фитонимов представлено в группе с мотивемой «Фаунистическая лексика» (21, 8%). Они указывают на бытовое использование растений по уничтожению или

отпугиванию паразитирующих насекомых, а также выявляют морфологическое сходство сравниваемых биологических объектов. Поэтому вторым по продуктивности стал принцип номинации «внешний вид» (12, 5 %). Так как марийский народ на протяжении многих столетий очень трепетно относится к явлениям и символам природы, чтит и обожествляет ее и даже процесс христианизации не искоренил, а лишь трансформировал языческую веру марийцев, именно этот неотъемлемый этнорелигиозный компонент обусловил продуктивность мотивемы «народные поверья и суеверия» (11, 8 %).

4. Продуктивность номинационных моделей в **немецком языке** является исторически обусловленной. В античности Римом проводилась жесткая военная политика, целью которой являлось покорение новых земель (территория современной Европы, в том числе Германии). Естественно, что процесс латинизации завоеванных территорий проходил очень динамично, поэтому для немецкого языка, так же как и для латинского, ведущей мотивемой является «Период цветения» (47, 1 %). В средневековой Европе католическая церковь оказывала большое давление на государство и религиозные мировоззрения прихожан, поэтому в немецких диалектных названиях растений встречается большое количество сакральных лексем, что отразилось в мотивеме «религиозные верования» (40, 3 %). Ареал произрастания денотата помогал травникам определить наиболее подходящее место сбора и заготовки растения, данный признак представлен в мотивеме «место и условия произрастания» (30, 0 %).

Заключение

Длительные исследования языка демонстрируют интерес лингвистов к вопросу определения основных языковых функций, в том числе номинативной. Многозначность термина «номинация» свидетельствует о том, что номинация может рассматриваться одновременно как процесс и как результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми объектами.

Главным инструментом организации, порождения и передачи какой-либо информации выступает язык. Лексика языка, в том числе и фармакофитонимическая, является самой подвижной частью языковой системы и наиболее подвержена изменениям.

Проведенный комплексный анализ свыше трех тысяч названий лекарственных растений показывает, что фармакофитонимия представляет собой организованную особым образом лексико-семантическую группу. В то же самое время фонд фитонимической лексики разнообразен по набору лексем, в нем преобладают названия, которые в процессе развития и модификации языка смогли сохранить свою внутреннюю форму, что позволяет определить мотив номинации и информационное содержание фитонима.

При исследовании лексико-семантической группы «названия лекарственных растений» семный анализ показывает, что признаки и свойства денотата выявляют общественный опыт носителей языка и передаются описательно или путем метафорического сравнения с другими предметами, имеющими сходное значение, например, фитонимы рус. *солдат-трава*, мар. *сарла шуды* букв. «серп-трава» описывают целебные (ранозаживляющие, кровоостанавливающие) свойства **тысячелистника**, который активно использовали в период военных действий и сельскохозяйственных работ.

Структурно-семантический анализ названий лекарственных растений в сопоставляемых языках определяет типологическую общность фармакофитонимической лексики разноструктурных языков и выявляет на основании фитоморфологических свойств, национальных и лингвокультурных признаков в ее составе общую номинационную лексему. Следует отметить, что

довольно часто такие фитонимы имеют сходное значение. Например, лексема *конь* для номинации **хвоща** отражает сходство растения с пучком волос, хвостом лошади: лат. *Equisetum* (лат. *equus* ‘конь’, ‘лошадь’, *setia* ‘хвост’), рус. *конский хвост*, *лошадиный хвост*, *кошачий хвост*, нем. *Pferdeschwanz* (нем. *das Pferd* ‘конь’, *der Schwanz* ‘хвост’).

Одним из важнейших источников обогащения анализируемой нами лексико-семантической группы является диалектная лексика, что обусловлено территориальной принадлежностью носителей отдельного говора или наречия языка не зависимо от его типа, ярко выраженными фитоморфологическими признаками, а также распространенностью и общедоступностью самого растения. Именно у наиболее известных и часто используемых в народе лекарственных растений нами зафиксирован богатый синонимично-вариативный ряд. Так, например, *василек синий*, получил свое название за яркую окраску лепестков. Данный мотивационный признак представлен в латинском языке *caeruleus*, в русском – *голубень*, *голубоглазка*, *голубой колокольчик*, *голубоцветик*, *синеглазик*, *синеголов*, *синельник*, *синенький цветок*, *синик*, *синик-василь*, *синушка*, *синька*, *синьки*, *синюга*, *синюшник*, *синявка*, *синявушка*, в марийском – *zänjär säskä*, *zänjär chäsikä*, *канде säskä*, *кандывуйпеледыш*, *кандывуйшудо* и в немецком – *Blauchrut*, *blaue Flockenblume*, *Blaumütze*, *Syane*, *Zyane*.

В ходе синхронного анализа удалось выявить особенность для номинации диалектных названий лекарственных растений, которые отличаются от соответствующих им научных биологических наименований отсутствием однозначности. Народные фитонимы, обозначающие растение одной ботанической семьи, произрастающие на определенной местности или обладающие одинаковыми ярко выраженными признаками, имеют омонимичные названия. Например, русские фитонимы *грудная трава* – для номинации **тысячелистника** (семейство астровых) и **кошачьей лапки** (семейство астровых); *серпник* для наименования **тысячелистника** (семейство астровых) и **цикория** (семейство астровых) указывают на целебные свойства растения. Марийский фитоним *незершудо* для номинации **ромашки** (семейство астровых), **василька**

(семейство астровых) и **живокости** (семейство лютиковых) свидетельствует о соседствующем произрастании данных лекарственных растений. Название растения *Wolfsbeere* в немецком языке для обозначения **толокнянки** (семейство вересковых) и **вороньего глаза** (семейство линейных) говорит о непригодности употребления ягод обозначенных растений в пищу и об осторожном их использовании в медицинских целях.

Названия лекарственных растений в разноструктурных языках номинируются по принципу их функциональной значимости. Например, об актуальном применении лекарственных растений в медицинской практике и их пагубном воздействии на организм при неправильном использовании свидетельствует употребление в структуре фитонима лексем «черный», «яд», а также элементов фаунистической лексики, например мар. *шем уржа*, рус. *ядовитое зерно* ‘спорынья’, нем. *Wolfsbeere* ‘вороний глаз’.

Принципы номинации лекарственных растений предопределены наличием большого количества различных экстралингвистических факторов. Основой процесса номинации становятся не только признаки, имеющую определенную социальную значимость (вкус, запах, целебные свойства растения и т.д.), но и признаки, которые служат лишь целям классификации (цветобозначение, фаунистическая лексика в составе фитонимов, и т.д.). Они представляют собой универсальную категорию, которая не зависит от языка, национальности и религиозных (языческих) убеждений его носителей, но, проявляясь через отдельные характерные для разных языков признаки, приобретает национальное своеобразие. В работе впервые была проведена дифференциация названия растений в русском, немецком и латинском языках, объединенные языческим праздником Ивана Купалы. Описано их применение в обрядах и волшебное воздействие на жизнедеятельность человека.

Наблюдения и исследования фитонимической лексики показывают, что в ней находят отражение фитоморфологические, географические признаки, религиозные, суеверные, этнокультурные представления носителей языка. Однако, следует отметить, что фитоним, в большинстве случаев, представляет

собой яркий результат народного творчества, обладающие особой образностью и экспрессивностью.

Представленная работа поможет лингвистам восполнить пробел в изучении флористической лексики и послужит началом для более детального исследования фармакофитонимов как в русской лексикологии, так и в уралистике в целом, а также на материале других разноструктурных языков.

Список словарей, справочников лекарственных растений

1. Анненков, Н. А. Ботанический словарь / Н. А. Анненков. – СПб: Типография императорской академии наук, 1878. – 646 с.
2. Арьянова, В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / В. Г. Арьянова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. – Т. 1: А-К. – 144 с.
3. Арьянова, В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / В. Г. Арьянова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2007. – Т. 2: Л-Т. – 160 с.
4. Арьянова, В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / В. Г. Арьянова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. – Т. 3: У-Я. Словник. – 192 с.
5. Арьянова, В. Г. Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья / В. Г. Арьянова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. – 246 с.
6. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
7. Баландин, А. Н. Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта / А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева. – Л.: Ленинградское отделение Государственного учебно-педагогического издательства Министерства просвещения РСФСР, 1958. – 228 с.
8. Балдаев, Х. Ф. Русско-марийский словарь биологических терминов / Х. Ф. Балдаев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. – 103 с.
9. Балдаев, Х. Ф. Марийско-русский словарь биологических терминов / Х. Ф. Балдаев. – 2-е изд., доп. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. – 248 с.
10. Барышникова, Т. Д. Этимологический четырехязычный словарь растений: учеб. пособие / Т. Д. Барышникова. – М.: Альфа-М, 2009. – 224 с.
11. Бойко, Т. П. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие). Suuri ven'a-karjalaine sanakniigu (livvin murreh) / Бойко Т. П., Маркианова Л. Ф. – Петрозаводск: Verso, 2011. – 400 с.
12. Бычков, В. А. Кушкыш, йән, кек, кол. Растения, животные, птицы, рыбы: кырык марла-рушла, рушла-кырык марла лымдер. Горномарийско-русский, русско-горномарийский словарь / В. А. Бычков. – ГОУ ДПО (ПК) С «Мары образовани институт», 2011. – 60 с.

13. Васильев, В. М. (Ўпымарий). Марий мутер. Тўрлө вэрэ илыше марийын мутшым тангастарэн нэргэлымэ кнага (Сравнительный словарь наречий марийского языка). – М.: СССР калык-влак рўдö савыктыш, 1926 (на обложке: 1928). – 347 с.
14. Васильев, В. М. Марийско-русский словарь / В. М. Васильев, З. В. Учаев. – 2-е изд. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2011. – 296 с.
15. Вершинин, В. И. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии / В. И. Вершинин. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева, 2011. – 794 с.
16. Волынский, Б. Г. Лекарственные растения в научной и народной медицине / Б. Г. Волынский, К. И. Бендер. – 5-е изд. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. – 360 с.
17. Давыдов, Н. Н. Ботанический словарь русско-английско-немецко-французско-латинский / Н. Н. Давыдов. – М.: ФИЗМАТГИЗ, 1962. – 213 с.
18. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Цитадель, 1998. – Т.1: А – З. – 944 с.
19. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Цитадель, 1998. – Т.2: И – О. – 1024 с.
20. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Цитадель, 1998. – Т.3: П – Р. – 896 с.
21. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Цитадель, 1998. – Т.4: С – Я. – 832 с.
22. Ермаков, А. Кушкыл, янлык, кайык... Марла-рушла мутер / А. Ермаков. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – 80 с.
23. Зайцева, М. И. Словарь вепсского языка / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. – Л.: Наука, 1972. – 747 с.
24. Иванов, И. Г. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Диалекты марийского языка / И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров; отв. ред. И. С. Галкин. – Вып. 2. – Йошкар-Ола, 1971. – 304 с.
25. Коновалова, Н. И. Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург: УГПУ, 2000. – 234 с.

26. Мазнев, Н. И. Энциклопедия лекарственных растений / Н. И. Мазнев. – 3-е изд., исп. и доп. – М.: Мартин, 2004. – 496 с.
27. Марийско-русский и русско-марийский электронный словарь МарлаМутер. Режим доступа: <http://marlamuter.com/>
28. Марийско-русский словарь. 21 000 сл. с прил. крат. грам. очерка мар. яз. / сост. А. А. Асылбаев, В. М. Васильев и др.; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – 863 с.
29. Маркина, Л. Г. Культура Германии: лингвострановедческий словарь: свыше 5000 единиц /Л. Г. Маркина; под общ. ред. Н.В. Муравлёвой. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. – 1181 с.
30. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
31. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 672 с.
32. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
33. Монографии ВОЗ о лекарственных растениях, широко используемых в Новых независимых государствах. – Всемирная организация здравоохранения, 2010. – 455 с.
34. Мутер. Русско-марийский словарь. – Краснококшайск, 1928. – 646 с.
35. Немецко-русский словарь. Deutsch-russisches Wörterbuch / под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. – 5-е изд., доп. – М.: Сов. энциклопедия, 1968. – 992 с.
36. Новый большой русско-финский словарь. Свыше 90 000 слов: в 2 т. / под ред. Куусинена М. Э. – М.: Рус. яз. , 1999. – Том 1: А-О, Том 2: П-Я
37. Новый латинско-русский и русско-латинский словарь. 100 000 слов и словосочетаний / сост. Л. А. Асланова. – М.: Дом Славянской книги, 2013. – 928 с.
38. Носаль, М. А. Лекарственные растения и способы их применения в народе / М. А. Носаль, И. М. Носаль. – Харьков: Интербук, 1990. – 208 с.

39. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.
40. Подымов, А. И. Лекарственные растения Марийской АССР / А. И. Подымов, Ю. Д. Суслов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. – 192 с.
41. Полный словарь сибирского говора / сост. В. Г. Арьянова и др.; гл. ред. О. И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991-1995 – Т. 1-4.
42. Поляков, О. Е. Касыксонь валкс: Шуфтонь, кусторксонь, тишень и пангонь лепне мокшень кяльса. Словарь мокшанских названий деревьев, кустарников, трав и грибов / О. Е. Поляков. – Саранск, 1998. – 112 с.
43. Ракин, А. Н. Краткий коми-русский и русско-коми ботанический словарь / А. Н. Ракин. – Сыктывкар: Коми кн. из-во, 1989. – 88 с.
44. Ромбандеева, Е. И. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский: пособие для учащихся начальной школы / Е. И. Ромбандеева, Е. А. Кузакова. – Л.: Просвещение, 1982. – 360 с.
45. Рытов, М. В. Русские лекарственные растения. Полное практическое руководство для хозяев и для преподавания. Том 1: Дикорастущие и возделываемые лекарственные растения / М. В. Рытов. – Петроград: Издательство П. П. Сойкина, 1918. – 256 с.
46. Саваткова, А. А. Словарь горномарийского языка / А. А. Саваткова; под ред. Н. П. Егорова. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. – 236 с.
47. Саваткова, А. А. Словарь горномарийского языка / А. А. Саваткова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008. – 404 с.
48. Светличная, Е. И. Этимологический словарь латинских ботанических названий лекарственных растений / Е. И. Светличная, И. А. Толок. – Харьков: Изд-во НФаУ: Золотые страницы, 2003. – 288 с.
49. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т.; под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. – Т.4: П (Переправа через воду) – С (Сито). – 656 с.

50. Словарь лекарственных растений (латинский, английский, немецкий, русский): ок. 12000 терминов / сост. А. Ю. Болотина. – 2-е изд., стереотип. – М.: АБВУУ Press, 2010. – 249 с.
51. Словарь русских народных говоров; под ред. Ф. П. Филина. – Л.: Наука, 1972. – Вып. 7. Гона – Депеть. – 356 с.
52. Словарь русских народных говоров; под ред. Ф. П. Филина. – Л.: Наука, 1972. – Вып. 8. Дер – Ерепениться. – 370 с.
53. Словарь русских народных говоров; под ред. Ф. П. Филина. – Л.: Наука, 1977. – Вып. 12. Зубрёха – Калумаги. – 369 с.
54. Словарь русских народных говоров; под ред. Ф. П. Филина. – Л.: Наука, 1978. – Вып. 14. Кобзарик – Корточки. – 377 с.
55. Словарь русских народных говоров; под ред. Ф. П. Филина. Л.: Наука, 1981. – Вып. 17. Леснокаменный – Масленичать. – 343 с.
56. Словарь русских народных говоров; под ред. Ф. П. Филина. Л.: Наука, 1982. – Вып. 18. Масленичек – Мутарсливый. – 368 с.
57. Словарь русских народных говоров; под ред. Ф. П. Филина. СПб: Наука, 2000. – Вып. 34. Разлуканье – Ревенька. – 368 с.
58. Словарь русских народных говоров; под ред. Ф. П. Филина. – СПб: Наука, 2002. – Вып. 36. С – Святковать. – 346 с.
59. Словарь русских народных говоров; под ред. Ф. П. Филина. СПб: Наука, 2005. – Вып. 39. Сметушка – Сопочить. – 343 с.
60. Словарь русского языка: в 4-х т.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. А – Й. – 702 с.
61. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: дополнение / сост. В. Г. Арьянова и др.; под ред. О. И. Блиновой и В. В. Палагиной. – Томск, 1975. – Ч. 1-2.
62. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский: ок. 4000 слов: пособие для учащихся нач. шк. (на яз. казымских ханты) / С. П. Молданова, Е. А. Немысова, В. Н. Ремезанова. – Л.: Просвещение Ленингр. отд-ние, 1983. – 286 с.

63. Среднеобский словарь: дополнение; под ред. В.В. Палагиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – Ч.1.; 1986. – Ч.2.
64. Татарско-русский словарь. – Казань: Татарское кн. изд-во, 2004. – 488 с.
65. Троцкий, В. Н. Черемисско-русский словарь / В. Н. Троцкий. – Казань, 1894.
66. Успенский, П. Русско-чудский словарь / П. Успенский. – СПб, 1913. – 46 с.
67. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1 (А – Д) – 576 с.
68. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2 (Е – Муж) – 672 с.
69. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3 (Муза – Сят) – 832 с.
70. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 4 (Т-Ящур) – 864 с.
71. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд, стереотип. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 2: Панцирь – Ящур. – 560 с.
72. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – 5-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2002. – 400 с.
73. Dalichow, I. Die Blütenapotheke / I. Dalichow. – 1. Auflage. – München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2011. – 320 S.
74. Das große Handbuch der Kräuter und Heilpflanzen. – Köln: Komet Verlag GmbH, 2012. – 640 S.
75. Das neue Handbuch der Heilpflanzen. Botanik, Arzneidrogen, Wirkstoffe, Anwendungen. – Stuttgart: Franckh-Kosmos Verlags-GmbH & Co. KG, 2011. – 504 S.

76. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – 4., neu bearbeitete Auflage. – Mannheim – Zürich: Dudenverlag, 2007. – Band 7. – 960 S.

77. Genaust, H. Etymologisches Wörterbuch der botanischen Pflanzennamen / H. Genaust. – Dritte, vollständig überarbeitete und erweiterte Ausgabe. – Hamburg: Nikol Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2012. – 701 S.

78. Heilkräuter – Seiten [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.heilkraeuter.de/>.

79. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. – 25., durchgesehene und erweiterte Auflage. – Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2011. – 1023 S.

80. Landenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache (Большой толковый словарь немецкого языка); Herausgeber – Prof. Dr. Dieter Prof. Dr. Günther Hänsch, Prof. Dr. Hans Wellmann. – М: Изд-во «Март», 1998. – 1218 S.

81. Needon, C. Urania-Naturführer Pflanzen / C. Needon, J. Petermann. – 1 Auflage. – Leipzig, Jena; Berlin: Urania-Verl, 1991. – 240 S.

82. Walde, A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch / A. Walde. – 2-e umgearbeitete Auflage. – Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung. 1910. – 1044 S.

83. Wendelberger, E. Heilpflanzen. Erkennen. Sammeln. Anwenden / E. Wendelberger. – 14., durchgesehene Auflage. – München, 2013. – 128 S.

84. Weymar, H. Lernt Pflanzen kennen / H. Waymar. – Leipzig: Neumann Verlag, 1979. – 570 S.

85. Wörterbuch der Biologie Russisch-Deutsch. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1974. – 900 S.

Список литературы

86. Артамонов, В. И. Одуванчик – спутник человека / В.И. Артамонов. // Наука и жизнь. – 1995. – № 5. – С. 158-160.

87. Артамонов, В. И. Лапчатка гусиная – посеребренная трава / В.И. Артамонов. // Наука и жизнь. – 1995. – № 8. – С. 158-160.

88. Артамонов, В. И. Горец птичий – трава мурава / В.И. Артамонов. // Наука и жизнь. – 1996. – № 7. – С. 158-160.
89. Артамонов, В. И. Подорожник – трава путешественников / В.И. Артамонов. // Наука и жизнь. – 1995. – № 6. – С. 158-160.
90. Артамонов, В. И. Цикорий – петровы батоги / В.И. Артамонов. // Наука и жизнь. – 1995. – № 7. – С. 158-160.
91. Артамонов, В. И. Чернобыльник – трава забвения / В.И. Артамонов. // Наука и жизнь. – 1995. – № 2. – С. 158 – 160.
92. Артамонов, В. И. Щавелек, кобыльник, квасец... / В.И. Артамонов. // Наука и жизнь. – 1996. – № 12. – С. 163-165.
93. Арьянова, В. Г. Фитонимика говоров Среднего Приобья (структурно-семантический характеристика): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Арьянова Валентина Григорьевна. – Томск, 1989. – 24 с.
94. Барышникова, Т. Д. Структурно-семантические и мотивационные свойства флоронимов в английском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Барышникова Тамара Дмитриевна. – Пятигорск, 1999. – 23 с.
95. Бахилина, Н. Б. История цветообозначения в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
96. Беляков, Г. С. Славянская мифология / Г. С. Беляков. – М.: Просвещение, 1995. – 239 с.
97. Берестнева, А. В. Названия экзотических растений в английском и русском языках (структурно-словообразовательный и номинативно-мотивационный аспекты): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.20 / Берестнева Александра Валериевна. – Майкоп, 2008. – 247 с.
98. Блинова, О. И. Светлой памяти Арьяновой В. Г. / О. И. Блинова. // Вопросы лексикографии. – 2013. – №1. – С. 102-107.
99. Блинова, О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии / О. И. Блинова. // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сорокалетов. – 1971. – С. 92-104.

100. Блинова, О. И. Словарь фитонимов Среднего Приобья / О. И. Блинова. // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 14-23.
101. Бродский, И. В. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20, 10.02.02 / Бродский Игорь Вадимович. – Спб., 2006. – 16 с.
102. Бугаева, И. В. К вопросу о структуре сакрального ономастикона / И. В. Бугаева. // Вестник МГУЛ – Лесной Вестник: Препринт № 100, 070706. – 2006.
103. Бурмистрова, Т. Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бурмистрова Тамара Николаевна. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.
104. Бусыгина, Л. В. Названия купальницы в удмуртских диалектах / Л. В. Бусыгина. // Ежегодник финно-угорских исследований / науч. ред. Н. И. Леонов; сост.-ред. А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред. Д. И. Черашняя. – 2011. – Вып. 4 – С. 63-70.
105. Войшилло, Е. К. Понятие / Е. К. Войшилло. – М.: МГУ, 1967. – 287 с.
106. Вольф, Е. М. Метафора и оценка / Е. М. Вольф. // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 52-65.
107. Гак, В. Г. К типологии лингвистических исследований / В. Г. Гак // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 230-294.
108. Гак, В. Г. Сравнительная лексикология (на материале французского и русского языков) / В. Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
109. Гафарова, Г. Т. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с зоонимами и фитонимами в таджикском, немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гафарова Кимматой Таваровна. – Душанбе, 2007. – 23 с.
110. Гинатуллин, М. М. К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гинатуллин Марат Минуллоевич. – Алма-Ата, 1973. – 27 с.

111. Голев, Н. Д. О принципе номинации и методе их исследования / Н. Д. Голев. // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. – Томск, 1972. – Вып. 5. Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. – С. 94-99.

112. Гребнева, А. М. Флористическая лексика мордовских языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.07 / Гребнева Александра Михайловна. – Саранск, 1984. – 246 с.

113. Гуляев, Е. С. О некоторых удмуртских терминах флоры и их соответствиях в коми языке / Е. С. Гуляев. // Всесоюз. совещ. по вопр. финно-угорской филологии: тез. докл.– Петрозаводск, 1961. – С. 123–127.

114. Даль, В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. – СПб: Литера, 1996. – 480 с.

115. Даниловский, Г. Мария Магдалена / Г. Даниловский. – Волгоград: Страница, 1994. – 412 с.

116. Дементьева, А. Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов (на материале английского, русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Дементьева Алевтина Геннадьевна. – Тамбов, 2012. – 185 с.

117. Дерматология. Справочник / Фицпатрик Т., Джонсон Р., Вулф К., Полано М., Сюрмонд Д. – М.: Практика, 2007. – 1248 с.

118. Дубровина, С. Ю. Христианская лексика в диалектах русского языка: автореф. дис.... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Дубровина Светлана Юрьевна. – Тамбов, 2006. – 48 с.

119. Ефремов, А. С. Этимология некоторых марийских названий растений / А. С. Ефремов. // Советское финно-угроведение. – 1984. – № 2. – С. 99-103.

120. Ефремов, А. С. Заимствованная флористическая лексика марийского языка / А. С. Ефремов. // Тезисы докладов на конференции молодых ученых МарНИИ. – Йошкар-Ола, 1985. – С. 20-22 .

121. Ефремов, А. С. Параллельно бытующие названия растений в марийском языке / А. С. Ефремов. // Вопросы марийской ономастики. – Йошкар-Ола, 1985. – Вып. 5. – С. 63-71.

122. Ефремов, А. С. Структурно-семантический анализ марийских названий растений / А. С. Ефремов. // Вопросы марийского языка. Грамматика и лексикология. – Йошкар-Ола, 1986. – С. 33-45.

123. Ефремов, А. С. Варианты названий растений в диалектах марийского языка / А. С. Ефремов. // Вопросы марийского языка: Материалы и исследования по марийской диалектологии. – Йошкар-Ола, 1987. – С. 68-86.

124. Ефремов, А. С. Структура, историческое развитие некоторых марийских названий растений / А. С. Ефремов. // Вопросы марийской ономастики. – Йошкар-Ола, 1987. – Вып. 6. – С. 62-71.

125. Ефремов, А. С. Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.07 / Ефремов Аркадий Семенович. – Тарту, 1987. – 233 с.

126. Ефремов, А. С. Принципы номинации травянистой и ягодной флоры в марийском языке / А. С. Ефремов. // Вопросы марийской ономастики. – Йошкар-Ола, 1990. – Вып. 7. – С. 113-139.

127. Ефремов, А. С. Флористическая лексика марийского языка (словообразовательный анализ) / А. С. Ефремов // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательской работы МарНИИ в 1986-1990 гг. – Йошкар-Ола, 1991. – С. 7-10.

128. Ефремов, А. С. История изучения марийских фитонимов / А. С. Ефремов. // Вопросы марийской ономастики. – Йошкар-Ола, 2001. – Вып. 9. – С. 26-35.

129. Журавлев, А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А. Ф. Журавлев. // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 48-108.

130. Журина, М. А. Типологическая классификация языков / М. А. Журина // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия. 1998. – С. 511-

512.

131. Зеленин, Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / Д. К. Зеленин. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.

132. Зинченко, В. П. Восприятие, движения, действие / В. П. Зинченко. // Образ и деятельность. – М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 608 с.

133. Золотницкий, Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях / Н. Ф. Золотницкий. – Киев: Довира, 1993. – 255 с.

134. Иванов, В. А. Названия растений средней полосы России (на материале калужских говоров): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Иванов Виктор Александрович. – М., 1985. – 221 с.

135. История русской культуры. – М.: Эксмо, 2006. – 832 с.

136. Казанцев, Д. Е. Типологии и универсалии языков. История и современное состояние: монография Ч.1 Синхрония / Д. Е. Казанцев. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010. – 127 с.

137. Калиткина, Г. В. Арьянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / Г. В. Калиткина. // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 1. – С. 125-132.

138. Калямшин, М. М. Ботаническая терминология в мензелинском говоре марийского языка / М. М. Калямшин. // Вопросы марийской диалектологии. – Йошкар-Ола, 1981. – С.153-164.

139. Кастанеда, К. Разговоры с Доном Хуаном / К. Кастеда. – М.: София, 2013. – 288 с.

140. Ковалева, Т.Д. Хорош в лечении ... «лошадиный хвост» / Т. Д. Ковалева. // Вестник ЗОЖ. – 2010. – № 18 (416). – С. 34-35.

141. Колосова, В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Колосова Валерия Борисовна. – М., 2003. – 181 с.

142. Колосова, В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект / В. Б. Колосова. – М.: Индрик, 2009. – 352 с.

143. Колпакова, О. В. Детский травник / О. В. Колпакова. – М.: Белый город, 2011. – 144 с.
144. Коновалова, Н. И. Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Коновалова Надежда Ильинична. М., 1993. – 20 с.
145. Копчева, В. В. Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале названий растений): дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Копчева Валентина Васильевна. – Томск, 1985. – 255 с.
146. Коппалева, Ю. Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование) / Ю. Э. Коппалева. – Петрозаводск, 2007. – 287 с.
147. Кудрявцева, Н. Б. Гетерономинативность в семантическом поле номинации фитонимов (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Кудрявцева Наталья Борисовна. – Белгород, 2004. – 21 с.
148. Кудрявцева, Н. Б. Фитонимическая лексика в аспекте межкультурной коммуникации / Н. Б. Кудрявцева. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – №1, ч.2. – С. 118-120.
149. Кузнецова, М. А. Сказания о лекарственных растениях / М. А. Кузнецова, А. С. Резникова. – М.: Высш. шк., 1992. – 272 с.
150. Куклин А. Н. Фонетическая адаптация тюркизмов в марийских фитонимах / А. Н. Куклин. // Вопросы марийской ономастики. – Йошкар-Ола, 1980. – Вып. 2. – С. 22-25.
151. Куклин, А. Н. К этимологии некоторых диалектных слов / А. Н. Куклин. // Вопросы грамматики и лексикологии. – Йошкар-Ола, 1980. – С. 177-181.
152. Левкиевская, Е. Мифы русского народа / Е. Левкиевская. – М.: ООО «Издательство Астель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. – 528 с.
153. Легенды и мифы о растениях. Легенды Древнего Востока, языческие мифы, античные предания, библейские истории / сост. Л.М. Мартьянова. – М.: Центрполиграф, 2015. – 511 с.

154. Лозовой, А. Ю. К проблеме номинации. Особенности современной эргонимии / А. Ю. Лозовой, И. А. Названова. // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2013. – № 10. – С. 25-30.
155. Лопатина, А. А. Сказочный справочник здоровья: в 3 т. / А. А. Лопатина, М. В. Скребова. – М.: Амрита-Русь, 2005. – 3 т. – 272 с.
156. Лысковский, М. В. Цветочное кружево. Легенды о цветах / М. В. Лысковский. – М.: Печатная свобода, 2013. – 319 с.
157. Маккалистер, Р. Все о растениях в легендах и мифах / Р. Маккалистер. – СПб: ООО «СЗКЭО «Кристалл», 2007. – 192 с.
158. Малинка, А. В. Лексическая номинация: ономаσιологический и когнитивный подход / А. В. Малинка, О. В. Нагиль. // Язык и культура. – 2011. – № 4 (16). – С. 44-56.
159. Меркулова, В. А. О некоторых принципах этимологии названий растений / В. А. Меркулова. // Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. – М.: Наука, 1965. – С. 72 -87.
160. Меркулова, В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Ягоды. Грибы) / В. А. Меркулова. – М.: Наука, 1967. – 260 с.
161. Меркушева, Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Меркушева Татьяна Николаевна. – Сыктывкар, 2003. – 189 с.
162. Мигирина, Н. И. Типы номинации для обозначения статусов лица в современном русском языке / Н. И. Мигирина. – Кишинев: Штиинца, 1980. – 91 с.
163. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т / Г.Ф. Миллер. – 2-е изд., доп. – М.: Восточная литература РАН, 2005. – Т. 3 – 600 с.
164. Мосин, М. В. Словообразовательный анализ ботанической терминологии эрзянского языка / М. В. Мосин. // Вопросы языкознания. – 1975. – Вып. 2. Ч. I. – С. 57–64.

165. Мудрова, И. А. Книга примет и суеверий [Электронный ресурс] / И. А. Мудрова. – М.: Центрполиграф, 2011. – 480 с. – Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=201473>

166. Мурзин, Л. Н. Текст как интерпретация текста / Л. Н. Мурзин. // Отбор и организация материала в системе профессионально-ориентированного обучения: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1985. – С. 7-14

167. Налётова, Н. И. Названия растений в псковских говорах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Налётова Наталья Иннокентьевна. – Псков, 2001. – 224 с.

168. Нестецкая, А. Царица тени медуница [Электронный ресурс] / А. Нестецкая. // Хозяин. – 2010. – № 2. – С. 19-20. – Режим доступа: <http://www.hozyain.by>

169. Панасенко, Н. И. Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики: Опыт сопоставительного анализа: автореф. дис.... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Панасенко Наталья Ивановна. – М., 2000. – 49 с.

170. Пересыпкин, А. П. Вторичная номинация: новые перспективы исследования / А. П. Пересыпкин. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 2. – Т. 1. – С. 48-54.

171. Потebня, А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потebня. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.

172. Ракин, А. Н. Перечень среднесыольских названий растений / А. Н. Ракин. // Тр. Ин-та языка, литературы и истории. – Сыктывкар, 1975. – Вып. 18: Коми филология. – С. 61-64.

173. Ракин, А. Н. О происхождении названий ягод / А. Н. Ракин. // Уровни языка и анализ. – М., 1976. – С. 155-164.

174. Ракин, А. Н. Лексика флоры коми языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.07 / Ракин Анатолий Николаевич. – 1977. – 19 с.

175. Ракин, А. Н. Заимствованная лексика коми языка (на материале названий растений) / А. Н. Ракин. // Вопросы финно-угроведения. – 1979. – С. 73.

176. Ракин, А. Н. Названия культурных растений в коми-пермяцком языке / А. Н. Ракин. // Актуальные проблемы финно-угорской филологии. Материалы

Международной научной конференции, посвященной 70-летию профессора И. С. Галкина. – Йошкар-Ола, 2003. – С. 139-145.

177. Ракин, А. Н. Зоонимический компонент в системе названий растений коми языка / А. Н. Ракин. // *Linguistica Uralica*. – 2004. – № 3. – С. 179-187.

178. Ракин, А. Н. Названия животных в составе фитонимов коми языка / А. Н. Ракин. // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 173-175.

179. Ракин, А. Н. Морфологические обозначения в системе названий растений в удмуртском языке / А. Н. Ракин. // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2014. – Вып. 1. – С. 46-53.

180. Ракин, А. Н. Названия растений удмуртского языка (морфологические обозначения) / А. Н. Ракин. // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса. Материалы IX Международного симпозиума / отв. ред. М. В. Мосин. – Саранск, 2014. – С. 81-82.

181. Родионова, И. В. Библейские мотивы в народных названиях растения / И. В. Родионова. // Живая старина. – 2002. – №2. – С. 38-39.

182. Ромбандеева, Е. И. Этимология названий деревьев и кустарников в мансийском (вогульском) языке / Е. И. Ромбандеева. // Народы Северо-Западной Сибири / под ред. Н. В. Лукиной. – Томск, 2002. – Вып. 9. – С. 46-48.

183. Рубцова, О. Г. Семантико-этимологическая характеристика народных названий лекарственных растений в разносистемных языках / О. Г. Рубцова, Л. М. Глизерина. // Материалы за 8-а международна научна практична конференция «Образованието и науката на XXI век». – София. «Бял ГРАД-БГ» ОДД. – 2012. – Т. 29. Филологични науки. – С. 73-79.

184. Рябко, О. П. Когнитивные основания теории номинации и мотивации [Электронный ресурс] / О. П. Рябко. // Электронный журнал «Современные проблема науки и образования». – 2012. – № 6. – Режим доступа: www.science-education.ru/106-7666

185. Саввина, Ю. Ю. Фитонимическая лексика елецких говоров: автореф.

дис. ... канд. филол. наук:10.02.01 / Саввина Юлия Юрьевна. – Брянск, 2009. – 25 с.

186. Сахаров, И. П. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым [Электронный ресурс] / И. П. Сахаров. – СПб: Издание А. С. Суворина, 1885. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/rusSaharov/index.htm>

187. Семёнов, В. Г. Названия василька в удмуртских диалектах и их происхождение / В. Г. Семёнов // Ежегодник финно-угорских исследований. – Ижевск, 2011. – Вып. 4. – С. 91-98.

188. Серебренников, Б. А. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1972. – 566 с.

189. Сетаров, Д. С. Номинация, мотивация и этимология слова (на материале названий животных) / Д. С. Сетаров. – Вильнюс: Минвуз ЛИТССР, 1984. – 84 с.

190. Сетаров, Р. Д. Национальная специфика образной номинации: на материале названий растений в славянских, германских и тюркских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сетаров Руслан Джаватович. – Воронеж, 2000. – 19 с.

191. Сивакова, Н. А. Лексикографическое описание английских и русских фитонимов в электронном глоссарии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / Сивакова Нина Анатольевна. – Тюмень, 2004. – 25 с.

192. Смирнова, О. В. Лексика растительного мира в говорах Воронежской области (номинативный и лингвогеографический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Смирнова Ольга Владимировна. – М., 2002. – 20 с.

193. Сокольский, И. Н. Прекрасные растения Библии / И. Н. Сокольский. – СПб.: Диля, 2006. – 304 с.

194. Соловар, В. Н. Флористическая лексика хантыйского языка / В. Н. Соловар. // Народы Северо-Западной Сибири / под ред. Н. В. Лукиной. – Томск, 2002. – Вып. 9. – С. 49-53.

195. Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. – Санкт-Петербург, 1775. – 246 с.

196. Способы номинации в современном русском языке / отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1982. – 296 с.
197. Стрижев, А. Пастушья сумка / А. Стрижев. // Наука и жизнь. – 1971. – № 12. – С. 160.
198. Стрижев, А. Полыни / А. Стрижев. // Наука и жизнь. – 1971. – № 6. – С. 159 – 160.
199. Стрижев, А. Цикорий обыкновенный / А. Стрижев. // Наука и жизнь. – 1975. – № 8. – С. 160 – 163.
200. Стрижев, А. Чистотел / А. Стрижев. // Наука и жизнь. – 1972. – № 6. – С. 160.
201. Суперанская, А. В. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов; отв. ред. А. П. Непокупный. – 2-е изд. – М.: Из-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
202. Сюръялайнен, Ю. Э. Названия растений в финских говорах Ленинградской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.07 / Сюръялайнен Юлия Эйновна. – Тарту, 1982. – 19с.
203. Телия, В. Н. Номинация / В. Н. Телия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь; гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 366-367.
204. Тойдыбекова, Л. С. Марийская мифология. Этнографический справочник / Л. С. Тойдыбекова. – Йошкар-Ола, 2007. – 312 с.
205. Токхожаева, О. Лексика фауны в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Токхожаева Орынбике. – Алма-Ата, 1991. – 18 с.
206. Ульянова, Н. П. Соотношение стихийных фактов и сознательного регулирования в механизмах языковой номинации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ульянова Нина Павловна. – М., 1983. – 26 с.
207. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А. А. Уфимцева. – 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 88 с.
208. Хатхе, А. А. Номинации растительного мира в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах (на материале русского и адыгейского

языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Хатхе Асиет Асланбечевна. – Майкоп, 2010. – 25 с.

209. Хатхе, А. А. Номинации растительного мира в когнитивном и лингвокультурологических аспектах (на материале русского и адыгейского языков): монография / А. А. Хатхе. – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2011. – 178 с.

210. Хатхе, А. А. Научные и народные названия растений в английском, немецком, русском и адыгейском языках / А. А. Хатхе, А. Н. Абрегов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – №2. – С. 107-110.

211. Хахалова, С. А. Метафора в аспекте языка, мышления и культуры / С. А. Хахалова. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 1998. – 249 с.

212. Хвощ полевой // Наука и жизнь. – 1976. – № 5. – С. 160-161.

213. Черных, А. В. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии / А. В. Черных, Т. Г. Голева, Р. И. Щукина. – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь: ОТ и ДО, 2013. – 530 с.

214. Чешейко, Н. Т. Названия крапивы в карельском языке / Н. Т. Чешейко. // Linguistics Uralica. Tallinn. – 1996. – № 2. – С. 101 – 104.

215. Чудеса на Ивана Купалу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.money-magic.ru/chudesas-na-ivana-kupala.html>

216. Чулков, М. Д. Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношении и свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч., сочиненная М. Ч. / М. Д. Чулков. – М.: Типография Ф. Гиппиуса, 1786. – 328 с.

217. Шакирова, Т. В. Определение понятий «естественное» и «искусственное» в качестве сопутствующих характеристик процесса номинации / Т. В. Шакирова. // Молодой ученый. – 2012. – № 6. – С. 289 –291.

218. Шумбасова, С. С. Английские флоронимы: способы номинации и классификации / С. С. Шумбасова. // Вестник Московского государственного

гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки – 2011. – № 3. – С. 104-114.

219. Ягафарова, Н. Г. Основные ономаσιологические понятия / Н. Г. Ягафарова // Вестник Челябинского госуниверситета. – 2010. – № 13. – С. 172-177.

220. Языковая номинация. Общие вопросы / под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1977. – 360 с.

221. Языковая номинация. Виды наименований / под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1977. – 359 с.

222. Ятрышник пятнистый // Наука и жизнь. – 1976. – № 7. – С. 160-161.

223. Kalima, J. Vepsän sanastoa. 1. sihlane „nokkonen“, 2. parh „lumikerros“, 3. rud „kuiva havupuu“ / J. Kalima. – 1927. – № 1. – S. 53 -56.

224. Kalima, J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat / J. Kalima. – Helsinki, 1936. – 252 S.

225. Kalima, J. Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisperäisistä lainasanastoa / J. Kalima. – SKST 243. – Helsinki, 1952. – 234 S.

226. Kalima, J. Die slavischen Lehnwörter im Ostseefinnischen. / J. Kalima // Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts. – Berlin, 1956. – Bd.8. – S.3-65.

227. Karelson, R. Soome-ugrilised puude nimitused läänemeresoome keeltes / R. Karelson // Tartu ülikooli toimetised. – Tartu, 1956. – Vih. 41. – Lk. 141 - 156.

228. Koponen, E. Itämerensuomen marjanimistön kehityksen päälinjoja ja kantasuomen istoriallista dialektologiaa / E. Koponen. // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – V. 83. – Helsinki, 1991. – S. 123–160.

229. Kuhn, A. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertrankes: Ein Beitrag zur vergleichenden Mythologie der Indogermanen / A. Kuhn. – Berlin: Ferd. Duemmler's Verlagsbuchhandlung, 1859. – 266 s.

230. Liro, J. I. Karjalaisia kasvinnimiä / J. I. Liro. – Helsinki, 1915. – 37 s.

231. Lönnrot, E. Flora Fennica. Suomen kasvisto [Электронный ресурс] / E. Lönnrot // SKST. 24. – 1866 – Режим доступа: <http://www.henriettes-herb.com/eclectic/elias/index.html> .

232. Reinholm, H.A. Suomalaisia kasvu-nimejä / H. A. Reinholm // Suomi. X. 1850. – Helsingfors, 1851. – S. 159–301.

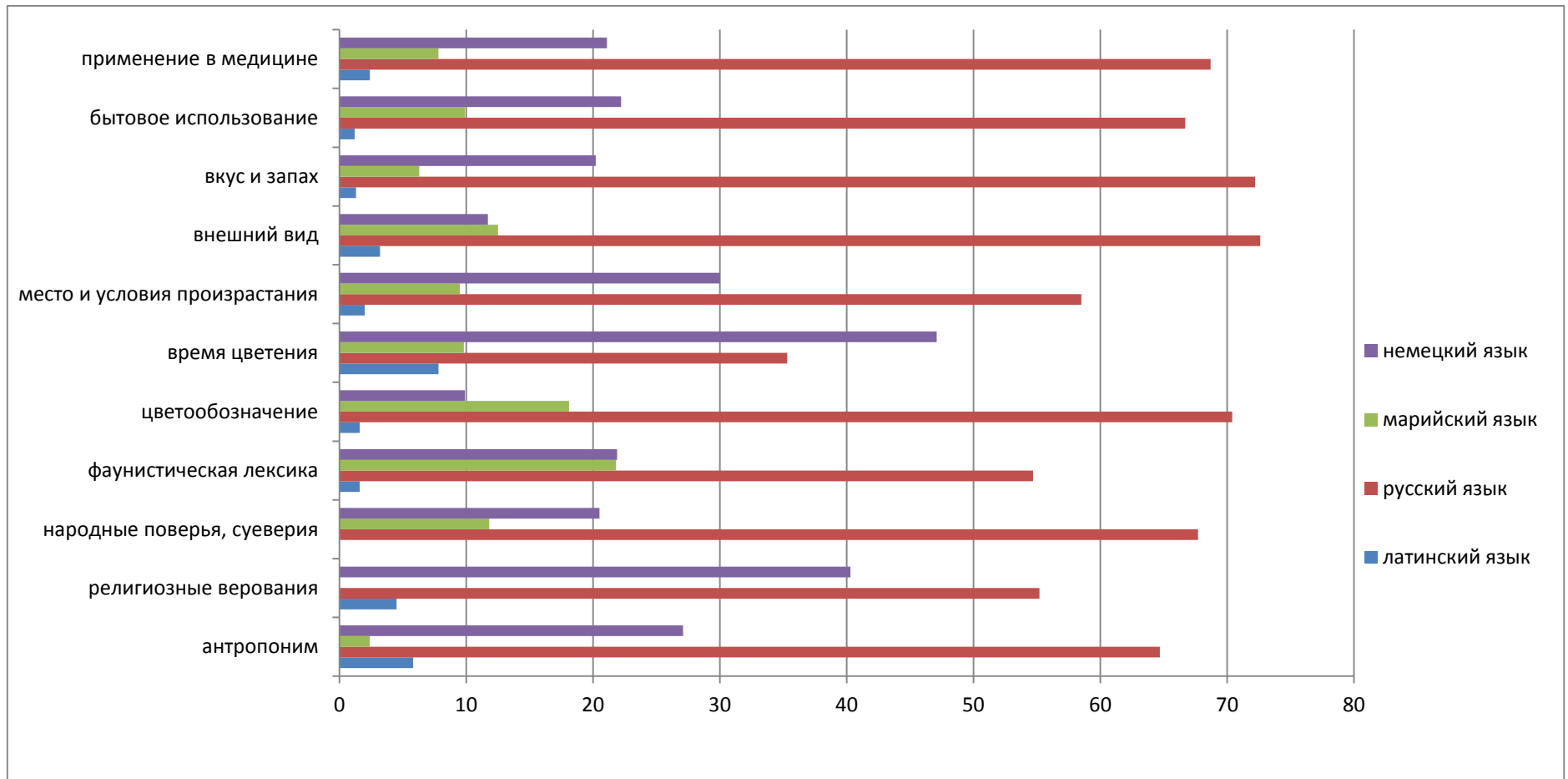
233. Suhonen, P. Suomalaiset kasvinnimet / P. Suhonen. – Annales Bot. Fenn, 1936. – 472 s.

234. Vilbaste, G. Rahvapärased taimenimesid / G. Vilbaste. – Keel ja kirjandus instituut, Emakeele Selts. – Tallinn 1960 (рукопись).

Представленность мотивем в фитонимах исследуемых языков (таблица)

Язык	Латинский язык		Русский язык		Марийский язык		Немецкий язык		всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Мотивема										
1. Применение в медицине	11	2,4	310	68,7	35	7,8	95	21,1	451	15,0
2. Бытовое использование	2	1,2	114	66,7	17	9,9	38	22,2	171	5,7
3. Вкус и запах	3	1,3	161	72,2	14	6,3	45	20,2	223	7,4
4. Внешний вид	24	3,2	535	72,6	92	12,5	86	11,7	737	24,5
5. Место и условия произрастания	4	2,0	117	58,5	19	9,5	60	30,0	200	6,7
6. Время цветения	4	7,8	18	35,3	5	9,8	24	47,1	51	1,7
7. Цветообозначение	3	1,6	128	70,4	33	18,1	18	9,9	182	6,1
8. Фаунистическая лексика	11	1,6	369	54,7	147	21,8	148	21,9	675	22,5
9. Народные поверья, суеверия	-	-	109	67,7	19	11,8	33	20,5	161	5,4
10. Религиозные верования	3	4,5	37	55,2	-	-	27	40,3	67	2,2
11. Антропоним	5	5,8	55	64,7	2	2,4	23	27,1	85	2,8
ИТОГО	70	2,3	1953	65,1	383	12,8	597	19,8	3003	100

Представленность мотивем в фитонимах исследуемых языков (диаграмма)

Краткий четырехязычный словарь фитонимов

№ n/n	латинский фармакофитоним	русский фармакофитоним	марийский фармакофитоним	немецкий фармакофитоним
1.	<i>Achillea millefolium</i>	<p>тысячелистник обыкновенный</p> <p>ахалей, ахилл, ахиллесова трава, ахиллея, бедренец, белая кашка, белоголовец, белоголовник, белоцвет, белоцветка, белошапочник, белошка, беляк, бидрик, военная трава, волосец, волосяная трава, выпадок, горчица, греча, греча дикая, гречина трава, гречиха дикая, гречиха полевая, гречка, гречушка, грудная кашка, грудная трава, грыжная трава, грыжник, гулявица, гусиная греча, гусинник, гусиные язычки, девичьи пупки, девятиха белая, девятиха белая и красная, дервей, деревей, деревейка, деревий, дикая каша, душица, душичка, душок, дыривей, еврейская трава,</p>	<p>пӱчмышудо</p> <p>вӱркучышшудо, ошвуйшудо, ошвуйшуды Г, ошвуяншудо, пӱсыршудо, пӱшыршудо, пӱкорштымошудо, пӱсыршуды Г, сарла шуды Г, тӱжемшудо, тыгыды пишол Г</p>	<p>Wiesen-Schafgarbe</p> <p>Achillenkraut, Achilles, Achilleskraut, Augenbraue der Venus, Bauchwehkraut, Bibhenderlkraut, Blutkraut, Blutstillkraut, Fasanenkraut, Feldgarbe, Feldschafgarbe, Frauendank, Frauenkraut, Gänsezungen, Garbe, Gärbe, Garbenkraut, gemeine Schafgarbe, Gerbel, Gerreworzel, gewöhnliche Schafgarbe, Gliedkraut, Gotteshand, Grillengras, Grillenkraut, Judenkraut, Jungfrauakraut, Kachelkraut, Karberkraut, Katzenkraut, Katzenschwanz, Katzkraut, Lämmerzunge, Margaretenkraut, Mausleiter, Militärkraut, Säugkraut, Schafgarbe, Schafrippe,</p>

		<p>женский тысячелистник, живучая трава, змеиная трава, золотень, кафельная трава, кашица, кашка, кашка белоголовник, кошачья лапка, красноцветка, крвавник, кровавик, кровавленник, кровавник, кровавница, крованык, кровепуск, кровник, ладан, материнка, материнки, маточник, матрёжка, матрёжки, матрёнка, матрёнки, мелкая кашка, мелкая трава, морковка, морковник, морковочка, мужской тысячелистник, носочистка, обрезная трава, овечий язык, опорезная трава, парильник, пахучая трава, плотничья трава, подбел, подбела, подбил, подорожница, порез, порезная трава, порезник, порез-трава, поубел, пуповая трава, пятидесятилистка, раневая трава, ранник, растиральник, резка, резун, рудометка, рябинка,</p>		<p>Schafzunge, Tausendblatt, Tausendblättchen, Teekraut, Venusaugenbrauen, weisses Achillenkraut, Wundheitkraut</p>
--	--	---	--	---

		сановник, сверчковая трава, серберез, серпий, серпник, серпорез, серпориз, солдатская трава, солдатское растение, солдат-трава, сорокалистник, сподбела, столистник, трава св. Иосифа, трава солдатских ран, тысячелист, тысячелистка, тысячелистник, тысячелистник белый, тысячелистник розовый, тысячелистница, тысячник, тысячулистник, урезан, урезная трава, цветки белые, чихотная трава		
2.	<i>Acorus calamus</i>	<i>аир обыкновенный</i> <i>аир болотный</i> агир, аер, аир, аир пахучий, аир тростниковый, ароматный корень, аэр, водяная трость, вонючка, гавиар, гавьяр, гаир, душиной аир, душиной ир, игир, йир, ир, ирный корень, ирод, калмус, камыш, касатик, касатник, колмус, косатик, косатка, косатник, куга,	<i>вўдокама</i> вўдкерем Г, вўдрехень Г	<i>Kalmus</i> Ackermann, Ackerwurz, Ackerwurzel, Bajonettstangen, Brustwurz, Calmus, Chalmus, deutscher Ingwer, deutscher Zittwer, echter Kalmus, gemeiner Kalmus, Gewürzkalmus, Kalmuswürze, Karmes, Karmesen, Kolmes, Magenkalmus, Magenwurz, Magenwurzel, Rohr,

		<p>лепёх, лепёха, лепёшка, лепёшник, лепешня, лещуг, лещуга, лещук, мечеко́рень, пасо́щья, пищалка, пыщалка, сабельник, сабельнюк, татарник, татарская трава, татарский сабельник, татарское зелье, татарское золье, трость благовонная, шувар, юр, явер, яверовый корень, явор, явр, яер</p>		<p>Rotting, Schwertchenwurzel, Schwertwurzel, Siggewurzel, Teichkalmus, Zehrwurzel, Zitwer</p>
3.	<i>Adonis vernalis</i>	<p>адонис весенний горицвет весенний адонис сибирский, аленький цветочек, алик, белоголовник, волосатик, волосатка, волосяная трава, вонючие огоньки, вонючка, горицвет, горицвет сибирский, еловой, жёлтотысячник, жёлтоцвет, жёлтый огонёк, запалка, запальная трава, запальник, запальный огонёк, запарная трава, запорная трава, заячий мак, златоцвет, коровий напор, купавник, мохнатик, незапальная трава, огонёк,</p>	<p>тулпеледыш ия шудо, куку пеледыш Г, кукувеледыш Г, тылвеледыш Г</p>	<p>Frühlings-Adoniströschen Adoniströschen, Bergadoniströslein, Blutauge, Christwurzel, falsche böhmische Nieswurzel, Feuerröschen, frühes Adoniströschen, Frühlingsadonis, Frühlingsadoniströschen, Frühlings-Teufelsauge, Frühlingsteufelsauge</p>

		полевой укроп, расходник, сосенка, сосонка, стародубка, стародубник, трава запальная, чёрная трава, черногорка, черnodубка, чёртов глаз		
4.	<i>Aloë arborescens</i>	алоэ древовидное алой, алойное дерево, альяс, горькоглинная трава, доктор, домашний доктор, дохтор, дохтур, колючий цветок, ранник, сабур, столетнее дерево, столетник	кояшудо алой Г, иманшудо, кайашудо, койашудо, кушмышудо, пўчмышудо, пўяншудо, шўдиаш шуды Г	baumartige Aloe Brandbaum
5.	<i>Althaea officinalis</i>	алтей лекарственный алтей, алтей аптечный, алтейная трава, алтейный корень, альетея, василистник, дикая роза, калачики, калачник, лихорадка, лихорадочная трава, мак, маковейник, маковшник, просвирка, просвирки, просвирник, просвирняк, проскурник, проскурняк, проскурняк лекарственный, рожа дикая, рожа кошачья, рожа лесная, рожа собачья, слизевик, слизняк,	туарашудо тара шуды Г	echter Eibisch Adewurzel, Allee, Alte Eh, Altee, alter Tee, Althee, Apotheker-Eibisch, Apothekerstockmalve, Driantenwurzel, echte Stockmalve, Eibsche, Flusskraut, Flußkraut, gemeiner Eibisch, Heilwurz, Heilwurz, Heimischwurz, Hilfwurz, Ibsche, Sammt-Pappel, Schleimwurzel, weiße Malve, weiße Pappel, Weißwurz

		слизь, слизь велика, слизь-трава, собачья рожа		
б.	<i>Antennaria dioica</i>	кошачья лапка двудомная антеннария двудомная анютины слёзки, анютины слёзы, бабик, бабник, белошейка, белый зверобой, бессмертник, бессмертник белый, бессмертник розовый, богородицына трава, горлянка, гречишный цвет, грудная трава, грыжевая трава, грыжная трава, грыжник, грызник, жабная трава, жабник, живучка, заячья лапка, заячья трава, змеевик, золотушник, камчук, катышка, кашка розовая, кисачьи лапки, коце лапки, кошачьи лапки, кошачья лапка, кошечки, лапка, лапки, могильник, мохнатые барашки, нечестная трава, нечуевика, нечуй-ветер, носовая трава, опухольная трава, песчаника, песчанка, печёрник, печорник, пуповник, пухлец,	пырысчана котилапа Г, пырысйолкопашудо, пырыскопашудо	gewöhnliches Katzenpfötchen Engelsblümchen, gemeines Katzenpfötchen, Hasenpfötchen, Himmelfartsblümchen, Immortellen, Mottenkraut, Ruhrkraut, Ruhrkrautblume, Sanduhrblume, Strohblume, zweihäusiges Katzenpfötchen

		распустилка, сорокаприточная трава, стократка, сухопут, сушеница, трава от сорока недугов, тропник, холодянка, шерстник		
7.	<i>Archangelica officinalis</i> (<i>Angelica archangelica</i> , <i>Angelica officinalis</i>)	дудник лекарственный дягиль лекарственный ангелик, ангелка, аптечный дягиль, болиголов, борщевик, бурулька, веретено, вершенник, веснуха, видалец, волчья дудка, вонюка, вонючий дягиль, вонючка, гигель, дегель, дедюльки, дзенгель, дигель, дидель, диделя, дидюльки, дикая полевая зоря, дикий ягель, дудел, дудель, дудилка, дудка, дудник садовый, дудочная трава, дудочник, душная трава, дюдиляшка, дягель, дягельник, дягил, дягиль, дягильник, дягильница, дягли, дяглица, дягловник, дягля, желудочная трава, женский женьшень, козелец, кокут, коровка, коровник,	шымавуч каракпыч, кишкывуч, коракпуч, курай, курайвуч, кышкывуч, мёскáвыч Г, маскавуч, чаравуч, чарапуч, шимавуч, шимапуч, шб́в́ршуды Г, шб́мáвыч Г	echte Engelwurz Angelika, Angelikawurzel, Artelkleewurz, Brustwurz, Brustwurz, Dreieinigkeitswurzel, edle Angelika, Engelbrustwurz, Engelwurz, Erzengeiwurz, Gartenangelika, Gartenengelwurz, Geistwurz, Giftwürze, Glückenwurzel, Gölк, Heiligenbitter, Heiligengeistwurz, Heiligenwurzel, heilige Geistwurz, Luftwurz, Stengel, Theriakwurz, Theriakwurzel, Tuten, Waldbrustwurz, zahme Angelika, Zahnwurzel

		<p>коровошник, красное зелье, кудрявый дягиль, купырь, кухотина, листовник, лихоманка, луговая дудка, медвежьи пучки, подраница, подрянка, путча, пучки, пушка, реут, русянка, садовый дягиль, седач, сладкий ствол, ствол, ствольник, ствольняк, стволья, стородуб</p>		
8.	<i>Arctostaphylos uva – ursi</i>	<p>толокнянка обыкновенная амприк, бруслинник, ведмежье ухо, ведмежьи ушки, вовчи ягоды, водяница ягода, водяница, волчьи ягоды, волчья ягода, грызник, козельи-рожки, костянка, костянка-толокнянка, костянки, кошки, медведельник, медвеже ухо, медвежий виноград, медвежье ушко, медвежьи ушки, медвежьи ягоды, медвежья ягода, мучаник, мученик, мученица, мученицы, мученичник, мучечник, мучинник, мучник ягоды, мучник, мучница, расходник, талаганник,</p>	<p>маскамёр маскавёчыж, маскавылыш, маскашудо, пивёчыж Г, пийвёчыж, пийпёчыж</p>	<p>echte Bärentraube Achelkraut, Arznei- Bärentraube, Bärenbeere, Bärentee, Bärentraubenblatt, Blasenkraut, Buchsbaum, Gaden, Garlen, gebräuchliche Bärentraube, gemeine Bärentraube, Granten, Harnkraut, immergrüne Bärentraube, Mehlbeere, Moosbeere, Rausch, Rauschgranten, Rauschkraut, Sandbeere, Steinbeere, Totenmyrthe, Wilder , Wolfsbeere, Wolfstraube</p>

		<p>ТОЛОКИЛИКИ, ТОЛОКНИЦА, ТОЛОКНЯНИК, ТОЛОКНЯНКА, ТОЛОКНЯНКА АПТЕЧНАЯ, ТОЛОКОНКА, ТОЛОКОНКА БОРОВАЯ, ТОЛОКОНКО, ТОЛОКОННИК, ТОЛОКОННИЦА, ТОЛОЧАННИК, ХЛЕБНИЦА</p>		
9.	<i>Artemisia absinthium</i>	<p>полынь горькая абсент, белая полынь, белица, белокорка, божье деревце, вдовья трава, ведьмина трава, вермут, глистник, горечь, горчаница, горчанка, горькая трава, горький буркун, горькуха, горькуша, дикий перец, емшан, забудька, кобыльник, мать всех лечебных трав, мужичок, нерохвощ, нехворощь, палын, палынь, пелунь, пелынь, перец дикий, полевая полынь, полинь, полынка, попынок, попыночка, попынушка, полынь, полынь белая, полынь настоящая, полынь полевая, полынь серебристая, полынь</p>	<p>арым а́рым, арымшудо, качышодошудо Г, клопшуды, клопшудо, кочшудо, кочышудо, ош арым, палин, палуншудо, шоды шуды Г, шодошудо, умдылашудо</p>	<p>Wermut Absinth, Aetsch, Alsei, Alsem, Ätsch, Bauernwermuth, Bermet, Besenkraut, Bitterals, bitterer Beifuss, bitterer Wermut, Eisenkraut, Else, Elsenkraut, Fliegenkraut, gemeiner bitterer Beifuss, Gottvergesse, Grabkraut, Gewürzbeifuß, Gürtelkraut, Hilligbitter, Johannesgürtelkraut, Jungfernkraut, Magenkraut, Mottenstock, Ölde, Schweizertee, Sonnenwendkraut, Wärmede, Weiberkraut, Wermat, Wermutkraut, Wermutbeifuss, Wiegekraut, Wolfszauert, Wörmken, Wurmbad, Wurmkraut,</p>

		сорная, полынька, полыньюшка, полыня, пырник, святое деревце, трава забвения, трава св. Ивана, травина над травинами, царская трава, чёрная нехвороша, швейцарский чай		Würmlekraut, Wurmtod, Würmut
10.	<i>Bidens tripartita</i>	<i>череда трёхраздельная</i> бадульки, болотная стрелка, двузубец, дедовы уши, золотник, золотушка, золотушная трава, золотушница, козельи-рожки, козы рожки, кошки, лепница, лопатник, остючка, остючки, прицепа, прицепка, причепа, прычепа, репёхи собачьи, репёшки, собачка, собачки, собачник, собачьи репёхи, собачьи репьи, собачьи репяхи, собашник, стрелки, товстушка, толстушка, трёхраздельный двузубец, цапки, череда, чёрнобривец, чёрнобровец болотный, шабашник	<i>ужавагоршанге</i> жавагаржангы Г, жаванергаржанге Г, жавашуды, коляннеркоршанге, коляннершудо, коляшудо	<i>dreiteiliger Zweizahn</i> dreispaltiger Zweizahn, Fieberkraut, Frauenspiegel, Gabelkraut, Kunigundenkraut, Pfauenspiegel, Strepatsch, Wasserdosten, Wasserhanf, Wassersternkraut
11.	<i>Capsella bursa pastoris</i>	<i>настушья сумка обыкновенная</i> бабки, валёк, вех, воробьёва	<i>шаргенчышудо</i> клоп шуды Г, клопшудо,	<i>gewöhnliches Hirtentäschelkraut</i> gemeines Hirtentäschel, Baurnsenf,

		<p>кашка, воробьёвая каша, воробьиная каша, воробьиное око, гирчак, гречиха полевая, грицики, грицинки, гричики, денежник, дикарка, дикий лён, ёршев глаз, ершов глаз, забируха, зозульник, карманник, клёпики, клопики, клоповник, кошелёк, кошелишка, крестьянская горчица, лебедец, ложечки, мешочки, мишочки, могильная трава, мошёночник, мошонка, мошоночник, пастушьи-сумки, пастушья сумка, пастушья трава, полёва гречка, помолочник, редечник, режуха, сердечки, сердечная трава, сердочки, серики, стрелки, сумочник, сумочник пастуший, сухотник, ташка, ташка-зелье, ташка-трава, ташник, тоткун, часики, червишник, червишник еловый, черевец, чижов глаз, ярутка</p>	<p>оксашудо, шаргеньї шуды Г</p>	<p>Bettseicherl, Beutelschneider, Blutwurz, Burenschinken, Flöhseckel, Gänsekresse, Herzel, Herzelkraut, Herzkraut, Hirtentasche, Hungerkraut, Kochlöffel, Löffeldieb, Pinkelkraut, Säckelchrut, Säckelkraut, Schelmseckel, Schinkenkraut, Schneiderbeutel, Schülersäckel, Täschel, Täschelkraut, Taschendieb, Taschenkraut</p>
--	--	---	--------------------------------------	---

12.	<i>Carum carvi</i>	<p>тмин обыкновенный</p> <p>анис, анис дикий, анис полевой, анисим, ганус, гонеба, гуньба, дикий анис, дикий укроп, кмен, кмин, козловка, королёк, темьян, тиман, тимин, тимон, тимьян, тмин полевой, тминник, хреновица, чернушка</p>	<p>каламбыр</p> <p>анисшудо, әнис шуды Г, андыж, андызь, антыз, каламбр, калачышудо, киндывуч, киндышудо, комбылапа, котивуч, котивыч Г, мачывуч, мачышудо, пырыспуч, пырышудо, цангавыч Г, чангавуч, шорыкпуч, шорыкпуч, шышерән пыч Г</p>	<p>echter Kümmel</p> <p>Brodkümmel, Brotkümmel, Carve, Chümi, Feldkümmel, Fischkümmel, gemeiner Kümmel, Kämen, Karbe, Karbei, Karbensamen, Karve, Karwe, Kiem, Kimm, Köhr, Köm, Komm, Kömmel, Kramkümmel, Kumach, Kümm, Kümmel, Kümmich, Kümmrich, Mattenkümmel, polnischer Hafer, Schwarzkümmel, Wiesenkümmel</p>
13.	<i>Centaurea cyanus</i>	<p>василек синий</p> <p>блават, блаватка, бобыльник, васёк, васележник, васелька, василёк, василёк голубой, василёк полевой, василёк посевной, василёк синий, василёчек, василёчик, василина, василиск, василиски, василистник, васильки, васильковый цвет, васильчик, васютка, вашлочек трава, висилёк, висюлёк, висюльки, волошек, волошечка, волошина, волошка,</p>	<p>кандывуй</p> <p>зәнгәр сәскә, зәнгәр чәсшкә, канде сәскә, кандывуйпеледыш, кандывуйшудо, каракшинча, клоовой шудо, клоовойшуды Г, коракшинча, коракшынца, куд вуян пеледыш Г, куд вуян пеледыш Г, кудлу Г, кудлувуянпеледыш Г, кутлукш Г, незершудо,</p>	<p>Kornblume</p> <p>Blauchrut, blaue Flockenblume, blaue Kornblume, blaue Kronblume, Blaumütze, Cyane, Hunger, Hungerblume, Kaiserblume, Kornbeißer, Kornblume, Kornflockenblume, Kornfresser, Kornmutter, Kornnägeli, Kornnelke, Kreuzblume, Pockenblume, Rockenblume, Roggenblume, Schanelke, Sichelblume, Sträpsen,</p>

		<p>глазмой, голубень, голубец, голубка, голубоглазка, голубой колокольчик, голубок, голубоцветик, голубоцветник, голубые глазки, голубые цветки, голубянка, дикий маточник, житник, житничек, звонная трава, иньки, лазоревый цветок, лоскутница, лоскутный цвет, переполох, Петровы батоги, полевой цветок, посланцы синего неба, приворот, приворотник, пуговник, ржавые синюшки, ржаная лоскутница, ржевой цвет, родовик, садовый василёк, синеглазик, синеглазка, синеголов, синельник, синенький цветок, синец, синецветка, синий житник, синий цвет во ржи, синик, синик-василь, синиль, синовник, синовница, синоцветка, синушка, синька, синьки, синюга, синюжник, синюка, синюха, синюшка, синюшки, синюшник,</p>	<p>незершуды Г, торгавуй, торгавуйшудо, чалка пеледыш, шышерын пыч</p>	<p>Trämpsen, Tremisse, Tremse, Zachariasblume, Ziegenbein, Zyane</p>
--	--	--	--	--

		синявка, синявушка, синявушки, синяк, синяя трава, сойвица		
14.	<i>Chamomilla recutita</i> <i>Matricaria recutita</i> <i>Matricaria</i> <i>chamomilla</i>	ромашка аптечная ромашка лекарственная ромашка обыкновенная аптечная ромашка, белица, белоглазка, белоголовник, белоцвет, белюшка, вонючая ромашка, вонючка, ворожка, девичий цветок, девичник, земляное яблоко, камила, купальница, лесная марьяша, лечебная ромашка, маточная трава, маточник, маточница, матрёнка, моргун, невесточка, низкая яблоня, пахучка, поповник, пупавка, рамен, рамень, роман, романец, романник, романов цвет, романов цветок, романова трава, ромашка ободранная, ромашка полевая, ромен, румянка, румянок, сестра милосердия, солнечник, сосонька	полдышвуйшудо висвис, висвисшудо, кискале, муно пеледыш, незершудо, олмашудо, онгырвуй, ош пеледыш, ош сәскә, ош шергашвуй, ошвуй, ошвуйнпеледыш, ошвуйншудо, ошо шудо, ошсаска, полдышвуй, понарвеледыш, пыдырка висвис, салтакполдыш Г, туаткалпеледыш Г, шәргәшвуй Г, шөргашшудо, шергашвуй, шергашвуйшудо, шергашшудо	echte Kamille Apfelblümlein, Apfelblümli, Apfelkraut, deutsche Kamille, Feldkamille, Ganille, Garnille, gemeiner Romey, Gramillen, Haugenblume, heilsame Kamille, Helmergen, Helmriegen, Hermel, Hermelchen, Hermelin, Herminzel, Kamelle, Kamilla, Kamillenmutterkraut, Kammerblum, Kammerblume, Kuhmelle, Kühmelle, Kümmelblume, Kummerblume, Laugenblume, Mägdeblume, Mariamagdalenakraut, Muskatblume, Mutterkraut, Remi, Romerei, Romeyenblume

15.	<i>Chelidonium majus</i>	<p>чистотел большой</p> <p>адамова голова, адамово ребро, аксамет, бородавкина трава, бородавник, бородавочник, ведьмина трава, волосник, гладушник, гладышник, глекопар, глечкопар, глечкопарь, горец, жёлтая трава, жёлтомолочник, желтушник, жёлтый молочай, жёлтый чистяк, жетлушник, живокост, жовтий чистик, завилец, золотая трава, каменный зверобой, касаточная трава, коровья трава, красномолочник, кровавик, кровник, крововик, крововишная трава, крововишник, куриная слепота, ластовина, ластовинная трава, ластовица, ластовичная трава, ластовичник, ласточкина трава, ласточкино зелье, лютик болотный, маслѐнка, маслянка, молочай жёлтый, молочай, оранжевый молочник, печѐночник, пичинково зелье, подтынник,</p>	<p>чўчышудо</p> <p>вўршудо, локтышвож, саркына, саргыне, цўцўшуды Г, шыгылешудо, шыгыль, шыгылешудо, ш0ыгыльшуды Г, эрнайшудо</p>	<p>Schöllkraut</p> <p>Aflkraut, Augenkraut, Blutkraut, Bockskraut, Gelbwurz, Gilbkraut, Goldkraut, Goldwurz, Gottesgabe, großes Schellkraut, großes Schöllkraut, Herrgottsblatt, Herrgottsgnade, Herrgottskraut, Himmelsgabe, Krätzenkraut, Lichtwurz, Maikraut, Marienkraut, Nagelkraut, Schälerkraut, Schälkraut, Schellkraut, Schindwurz, Schinnkraut, Schöllwurz, Schwalbenkraut, Schwalbenwurz, Teufelmilchkraut, Teufelsmilch, Teufelsmilchkraut, Trudenmilch, Trudenmilchkraut, Warzenkraut, Ziegenkraut</p>
-----	--------------------------	---	--	--

		<p>подынный, полевая горчица, прозорник, разлопасть, растопасть, розопасть, ростопачь, ростопашь, ростопуск, светлая трава, селиномия, серое зелье, силидонева трава, силидония, старовина, стародуб, чёртово молоко, чистая трава, чистец, чистик жёлтый, чистокол, чистоплот, чистотел, чистотельник, чистуха, чистяк, чистящая трава, шелкунец, Юрьева трава, ясковка</p>		
16.	<i>Cichorium intybus</i>	<p>цикорий обыкновенный артишок, баранья трава, батог, батогои, батожки, батожок петров, горчанка, горчанка осенняя, желтяница, крысиный корень, кульбаба, луговник, папавка, Петров батиг, Петров батог, Петров батожек, Петров кнут, Петровы батогои, Петровы розги, подорожник, попутник чёрный, придорожная трава, придорожник,</p>	<p>омылча канеп, корнывоктышшудо, кувашудо, прэзывуч, прэзыпуч, пѣзѣрнѣѣк Г, пырынзык Г, салтакполдыш Г, тераяк, тигѣтшуды Г, ѣшкыжвоч</p>	<p>gewöhnliche Wegwarte Arme-Sünder-Blume, blaue Distel, Cichorie, faule Gretl, Feldwarte, Feldwegwarte, gemeine Wegwarte, Hansl am Weg, Hartmann, Hasenmilch, Hundsläufte, Irenhart, Kaffeekraut, Kaffeewurzel, Kapuzinerbart, Rattenwurz, rauher Heinrich, Schlempekraut, Sonnendraht, Sonnenwedel, Sonnenwende, Sonnenwirbel,</p>

		пуговник, серпник, синецветка, синие батоги, синий цветок, солнцева сестра, солнцева трава, татарский цвет, цвет татарский, цикорий, цикорий дикий, цикорий полевой, цикорная трава, цихорий, цыхорная трава, шкедра, щербак		Wasserwart, Wegleuchte, Wegtritt, Wegwarte, wilder Endifi, Zichori, Zichorie, Zigeunerblume, Zigori
17.	<i>Claviceps purpurea</i>	спорынья аржанец, бодники, волчий зуб, клавицепс, крючки, матка, маточные рожки, овражек, ржанец, рожки, спорина, спорына, уж, чёрное зерно, чёрные рожки, ядовитое зерно	шем нурак äväbürcü Г, авауржа, äväyrja Г, уржава, шүчвуй, шемуржа	Mutterkorn Afterkorn, Brandkorn, Giftkorn, Hungerkorn, Schwarzkorn, Wolfzahn, Zapfenkorn
18.	<i>Convallaria majalis</i>	ландыш майский ванник, виновник, волчьи ягоды, воронец, вороновы глазки, галадушник, гладушник, гладыш, глазная трава, горючие слёзы Богородицы, заячьи уши, заячьи ушки, заячья капуста, заячья соль, кокушкины уши, колокольчики Марии, конвалия, конвалария, кукоричка, кукушкины уши,	сандалвож коракмөр, кұдыронгыр, ландыш Г, онгырвуй, ошорлангепеледыш, сандал, сандал пеледыш, сандалшудо	Maiglöckchen Augenkraut, Chaldron, Faldron, Galleieli, Glasblümli, Herrenblümli, Maiblümchen, Maiblume, Maienlilie, Maienzauken, Maiglocke, Maililie, Maizauken, Marienglöckchen, Marienriesli, Mayblume, Niesekraut, Schillerlilie, Schneetropfen, Springauf, Tallilie,

		ландиш, ландош, ландука, ландушка, ландушник, ландыш, ландышка, ландышки, ландышник, лантус, лануш, ланье ушко, лаптусь, лапуш, лапушник, лесной колокольчик, лесной язык, лоньш, лянушки, маёвка, майская лилия, майский ландыш, молодило, молодильник, мытная трава, полевая лилия, приточная трава, прострел, ранник, свиной язык, серебряник, снежные капельки, собачий язык, сорочка (вер. первонач. сорочьи глазки), уши заичьи, ушки, ушко суходольное, черёмица луговая, черёмка луговая, черёмха полевая, язык лесной, язычник		Zaucken, Zauke
19.	<i>Crataegus sanguinea</i>	боярышник кроваво-красный барыня, барыня-дерево, барыня ягода, белая колючка, богошник, боярка, боярка красная, боярыница, боярыня, боярышник, глог, глос, глос, глудина, дерево	агытанора äптнәнъял Г, алгавондо, кбїнә шуды Г	blutroter Weissdorn blutroter Hagedorn, Blutdorn

		девственности, колючка, майский кустарник, петуховы ягоды, петушинные ягоды, петушьи ягоды		
20.	<i>Datura stramonium</i>	дурман обыкновенный бешеное зелье, бодяк, болиголов, боляк, водопьян, вонючий дурман, гломуша, див-дерево, дурзелье, дуркоман, дурман, дурман вонючий, дурман-трава, дурнишник, дурнопьян, дурупьян, дурье зелье, дывдерево, дыдор, колюки, колюки-яблоки, колючие яблоки, колючка, колючки, колючье, коровки, коровяк, корольки, корюки, лопки, одурь-трава, репей, репейник, репец, репях, трава дьявола, шалей, шальная трава, яблоки колючие	орадышудо ангыртышшудо, исершудо, кершшудо, ородышуды Г, осалшудо, уш колтышо шудо, ыдыршуды Г	gewöhnlicher Stechapfel Asthmakraut, Donnerkugel, Dornapfel, Dornkraut, Fliegenkraut, gemeiner Stechapfel, Hexenkraut, Igelkolben, Judenröhe, Krötenmelde, Liebeszwinger, Rauchapfelkraut, Rauhapfel, Schlafkraut, Stachelnuß, Teufelsapfel, Tollkörner, Tollkraut, weißer Stechapfel, Zigeunerapfel
21.	<i>Delphinium elatum</i>	живокость высокая волик, грабельки, дельфиниум, дикие острожки, живокостник, живокость, кавалерские шпоры, колокольчик, мухомор, острожа, острожка трава, острожок,	салтакшудо незершудо, незер шуды Г, салтакшуды Г, шуркан кандывуй	hoher Rittersporn

		полевые сокирки, рогатые васильки, рогулька, рыцарская шпора, синичка, синовник, сокирка, сокирки, топорики, топорки, хохлатка, царь зелье, царь-сил, шпорник, шпорник посевной		
22.	<i>Dryopteris filix mas</i>	папоротник мужской щитовник мужской борода, глистник, жар-цвет, жар-цветок, золотник, колтун, кочедыжник, купирод, купоротник, огнецвет, одолень-трава, папероть, папертник, папоратник, папорник, папорот, папоротник, папороть, папортник, папортник мужской, папортъ, перекус, Перунов огнецвет, Перунов цвет, Перунов цвет-молния, плакун-трава, прострел-трава, прыгун, разрыв-трава, светицвет, скакун, скакун-трава, скатерник-кочедыжник, следовая трава, сорокозуб, спрыг-трава,	күртньышудо авага, күртньоблбдыш, күртньыйолшудо, күртньынелдыш, күртъынөлдыш, казаяк, күртнилүдыш Г, күртнилүлыш Г, күртньыпеледыш, кыртнилүлыш Г, пушудо, сүзлышудо, совлашудо, чындаран лышташ, шүрашаншудо, шупкашудо, шуркашудо, сөсанкүртньышудо	gewöhnlicher Wurmfar Bandwurmwurzel, Farnkrautmännchen, Farnkrautwurzel, Farnwurzel, Flöhkraut, Glückshand, Johanniswurzel, männlicher Schildfarn, männlicher Wurmfar, männliches Farnkraut, Natternfarn, Otternkraut, Schnackenkraut, Springwurzel, Teufelsleiter, Wanzenkraut, Wurmfar

		царь-цвет, цветок Перуна, чёртова борода, чертополох, щитник, щитовник		
23.	<i>Equisetum arvense</i>	хвоц полевой апестушки, волосец, ёлка, ёлки, ёлочка, ёлочник, земляные орехи, земляные шишки, конский хвост, кошачий хвост, лошадиный хвост, лускавец, метёлка, оловянная трава, опестыш, падиволос, пастушки, пастушок, персик, перстик, песик, песик полевой, песташки, пестиги, пестик, пестики, пестка, пестки, пестовник, песток, пестун, пестунье, пестух, пестуха, пестушки, пестушняк, песты, пестыш, пестыши, пестышки, пестье, пестюшки, печик земляной, полевая сосенка, полевой хвоц, помёлочка, пряска, скрин, скрипун, скрыпун, сосенка, сосёнка, сосёнка полевая, сосенки, сосенник, сосонка, столбец,	урвоч кукуняня, марьявуй Г, пасу урвоч, тырняня Г, урвац, урвач Г, урпац	Acker-Schachtelhalm Ackerschachtelhalm, Aschenkannenkraut, Duwock, Fegekraut, Feldschachtelhalm, Kannenkraut, Katzenschwanz, Pfannebutzer, Pferdeschwanz, Polirheu, Polirstroh, Schachtelhalm, Schaftheu, Scheuerkraut, Winterschachtelhalm, Zinnkraut

		столбичек, столбунец, тиничка, толкач, толкачик, толкачики, толкачник, хвойка, хвост конский, хвошник, хвощ, хвощ дикий, хвощ обыкновенный, хвощик, хвощун, хвошь, шатун, швабра-трава		
24.	<i>Erodium cicutarium</i>	аистник обыкновенный аистник цикutowый аистник, бусельник, буськи, грабельки, грабельник, грабельцы, грабеница, гребенники, гребеница, гребенчики, грибеньки, дикая морковка, дождовник, журавелка, журавельник, журавлиный нос, журавельник цикутный, журавельник цикutowый, иголка, игольник, клювики, косари, косарики, косарь, костолом, малые грабельки, носок, потайныя грабли, расперстница, расперстная трава, сорочьи иглы, утина журавлиная, червивец	турняшорвондо коракшорвондо, тыртняванды Г	Schierlingsreiherschnabel Ackerschnabelkraut, gemeiner Reiherschnabel, Reiherkraut, Schierlingsblatt, schierlingsblättriger Reiherschnabel, Schierlings-Storchschnabel, Storchblume, Storchschnabel
25.	<i>Helianthus annuus</i>	подсолнечник однолетний подсолнечник обыкновенный	кечывуй кечшудо, кечывөртем,	gewöhnliche Sonnenblume einjährige Sonnenblume, gemeine

		<p>вороты-солнце, подсолнечек, подсолнечник, подсолнух, подсолнух масленичный, подсолнушек, подсолнушник, поняшник, слонечник, солнечник, солнешник, солноверт, солноворот, солнух, солнушник, сонечник, сонишнык, сонях, сонячник, сояшник, трава солнца, царёвы очи, цветок солнца</p>	<p>кечывёртмё, кечывоштек, кечывуйдонг Г, кечыгалпак, кечышуды, тылзевуй, тылзывуй Г</p>	<p>Sonnenblume, Goldblume, Gottesauge, Sonnenkrone, Sonnenstern</p>
26.	<i>Hypericum perforatum</i>	<p><i>зверобой обыкновенный</i> <i>зверобой продырявленный</i> Богородица, богородичина трава, богородичица, божья милость, веробой, взоробой, диравик, дырявник, дюрavec, дюрavec обыкновенный, Ерофей, жёлтый зверобой, желтяк, жеребей, жёсткое сено, живая трава, зайчик, заячий кривец, заячья кровца, заячья кровь, заячья трава, зверобат, зверобец, зверобой, зверобой дырявленный, зверобой дырявый, зверобой жёлтый,</p>	<p><i>вўршудо</i> йоропишудо, йоропишуды Г, сарматрушка, цайшудо, чай шуды Г, чай, чайшудо</p>	<p><i>Tüpfel-Johanniskraut</i> Alfblut, Blutkraut, durchlöchertes Hartheu, durchlöchertes Johanniskraut, echtes Johanniskraut, Feldhopfen, Frauenkraut, Gartheil, geflecktes Johanniskraut, gemeines Johanniskraut, getüpfeltes Hartheu, Hartenaue, Hartheu, Heilkrauter, Herrgottsblut, Hexenkraut, Jageteufel, Jesuswundenkraut, Johannisblut, Johanniswurz, kleines Gartheil, Konradskraut, Löcherkraut, Mannsblut,</p>

		<p>зверобой перфорированный, зверобой полевой, зверобой пронзённолистный, зверобойник, здоровая – трава, здоровая трава, зелья Святоянское, золотуха, иванова кровь, иванова трава, ивановская трава, кошовник, кравник, красная травица, краснокоренка, кровавей, кроводец, кровавник, кровавчик, кровапик, кровца, кровяная трава, Матери Божией слёзы, молодецкая кровь, молодецкая трава, мужичья кровь, плакун-трава, полевой зверобой, раневая трава, Святого Ивана зелье, Светоянское зелье, Святоивановская трава, семибратная кровь, слёзы Божьей Матери, трава Иисусовых ран, трава от «девятиноста девяти болезней», хворобой, чай</p>		<p>Mannskraft, Maria Bettstroh, Siebenundsiebziglöcherkraut, Sonnwendkraut, St Conrad'skraut, Tausendloch, Tausendlöcherkraut, Teufelsflucht, Tüpfel, Tüpfel- Hartheu, Tüpfelhartheu, Unserer Herr Gott's Wunderkraut, Waldhopfen, Wundkraut</p>
27.	<i>Inula helenium</i>	<p>девясил высокий аман, девясил лекарственный, девясилинка, девясильник,</p>	<p>куатишудо андывож, андывуч, андыж, андызвож,</p>	<p>echter Alant Alantkraut, Alantwurzel, Aletwürze, Altkraut, Altwurz,</p>

		<p>девясильный корень, девятибрат, девятибратник, девятильник, девятина, девятисил, девятисильник, девятиха, девятуха, дивесил, дивосил, дивочил, дивуха, дивясил, дикий подсолнечник, дикий подсолнок, Еленина трава, жёлтый пуговальник, животная трава, колюка, кровяк, кровяница, луговой аман, майник, медвежье ухо, оман, оман луговой, омен, омон, перховник, подсолнух дикий, солнечник, сомнит, стосил, уман, умен, шершавая трава</p>	<p>нарынчывуйчача, цўцў шуды Г</p>	<p>Brustalant, Dammkraut, Darmwurz, Donarvarwurz, Donnerkraut, Edelherzwurz, Edelwurz, Galantwurz, Galantwurz, Glockenwurz, Gottesauge, Gottesaugen, großer Alant, großer Heinrich, Heilwurz, Helenenkraut, Hexenschusskraut, Krätzenwurz, Neunkraft, Odinskopf, Oltwurz, Schlangenkraut, Schlangenwurz, Ulenkwurz, Weidenalant</p>
28.	<i>Leonurus cardiaca</i>	<p>пустырник обыкновенный пустырник сердечный глуха крапива, глухая крапива, глухая татарская крапива, гусиная лапа, дикая крапива, крапивничок, львиный хвост, пустырник, пустырник волосатый, пустырник мохнатый, сердечная трава, сердечник, сердечное золото,</p>	<p>чуварнуж маскануж, пуставеледѣш Г, пустануж</p>	<p>echtes Herzgespann Bärenschweif, Heilkrauter, Herzgold, Herzheil, Herzkraut, Herzkräutel, Löwenschwanz, Löwenschweif, Mutterkraut, Mutterwurz, Schwanzchrut, wildes Mutterkraut, Wolfsfuss, Wolfskraut, Wolfstrappe, Wolfstrappkraut</p>

		собачья крапива		
29.	<i>Melilotus officinalis</i>	донник лекарственный ароматник, борконь, буркин, бурковина, буркун, варгун, воргун, ворчун, греча дикая, дикая греча, дикий хмель, дольник, донец, донник, донник аптечный, донник ароматный, донник жёлтый, дон- трава, жёлтый буркун, жёлтый донник, жёлтый цвет, жовтий буркун, заячий холодок, итальянская трава, комонница, липка, луговой буркун, медовая трава, метёлка, милот, мольная трава, окладник, седаш, томка, хрестовник	умдылашудо донник Г, сар донник Г, ундулашудо	echter Steinklee Acker-Honigklee, Ackersteinklee, Bärenklau, Bärenklee, Bärklee, Bisamklee, echter Honigklee, gebräuchlicher Stenklee, gelber Klee, gelber Stenklee, gelbes Siebengezeit, Goldklee, Güldenklee, Heilkrauter, Honigklee, Mattenklee, Melilotenklee, Modekrud, Mottenklee, Mottenkraut, Schabenklee, Schotenklee, unserer lieben Frauen Schlüssel
30.	<i>Melissa officinalis</i>	мелисса лекарственная дамское счастье, женская трава, кадило, лимонная мелисса, лимонная мята, лимонная трава, лист пчелиный, матка, маточник, медовая трава, медовка, медовый башмачок, мелиса, мелисса аптекарская, мелисса индейская,	рушвуйшудо матрушка, мўйшудо, мўкшавашудо, мўкшпеледыш, мўкшпеледыш Г, рушвуйшуды, чай шуды Г	Melisse Bergamottminze, Bienenfang, Bienenkraut, Bienensaug, Citronenmelisse, Citronenkraut, Darmgichtkraut, englische Brennessel, Frauenkraut, Frauenwohl, Gartenmelisse, Hasenohr, Herzbrot, Herzkraut,

		<p>мелисса лимонная, мелисса паточная, мята лимонная, мятка, папочная (возм. паточная) трава, пчелиная мята, пчелиная трава, пчелиный лист, пчельник, пчельник трава, пчельница, роевник, сердечная отрада, утешение сердца, цитрон-мелисса, цитронная трава</p>		<p>Herztrrost, Honigblum, Honigblume, Immenkraut, Ivenblatt, Limonikraut, Mutterkraut, Mutterwurz, Nervenkräutel, Pfaffenkraut, Riechnessel, Salatkräutle, spanischer Salbei, Wanzenkraut, Wintermelisse, Zahnwehkraut, Zitronella, Zitronenkraut, Zitronen-Melisse, Zitronenmelisse, Zitronenminze</p>
31.	<i>Mentha piperita</i>	<p>мята перечная английская мята, благородная мята, коньячная мята, мята, мята садовая, мята холодная, мята холодянка, мятная трава, перечная мята, перцовая трава, садовая мята, холодка, холодка-мята, холодная мята, холодок, холодянка, чайная мята</p>	<p>пёртньык мятй шуды Г, пўтньык, пушаншудо, ўпшан шудо</p>	<p>Pfeffer-Minze Aderminze, Balsam, echte Pfefferminze, Edelminze, englische Minze, Gartenminze, Heilkrauter, Katzenkraut, Mutterkraut, Peperminze, Pfefferminze, Pfeffermünze, Schmeckerts, Teeminze</p>
32.	<i>Menyanthes trifoliata</i>	<p>вахта трёхлистная бабенник, бобка, бобовник, бобок, бобрик, бобровица, бобровка, бобровник, вахка, вахта, вахта-</p>	<p>кумвылыш кергевуй, кумпылыш Г, кымпыльш Г, чизышудо</p>	<p>Fieberklee Bachgräslein, Bachgräslı, Biberklee, Bitterblad, Bitterblatt, Bitterklee, Bocksbohnenblätter,</p>

		<p>бобровник, вахта-трава, вехк, жабник, женский жабник, золотушная трава, зубовник, комоница, лапушник речной, лихорадочник, месячник, павун, поносная трава, стрела, тавун, татарин, третьина, третьяна, трефоль, трёхлапник, трёхлипка, трёхлиственник, трёхлистка, трёхлистник, трёхлистница, трёхфоль, трилистка, трилистник, трилистник водяной, трилитник, трифолия, трифоль, трихоль, троелипка, троелист, троелиста, троелистка, троелистки, троелистник, ушко, чахоточная трава, чахотошная трава</p>		<p>Bohnenblad, Bohnenkraut, Butterklee, Dreeblatt, Dreiblatt, dreiblättriger Bitterklee, dreiblättriger Fieberklee, Dreikohl, Feverkrut, Fröschekohl, Gallkraut, Gottvergessentee, Hasenohr, Kreuzklee, Lungenklee, Magenklee, Monatsblume, Moosklee, Scharbocksklee, Sumpfbitterklee, Sumpfdreiblatt, Sumpfklee, Wasserfieberklee, Wasserfieberkraut, Wasserklee, Wiesenmangold, Ziegenlappen, Zottenblume</p>
33.	<i>Onopordum acanthium</i>	<p><i>онопордум колючий</i> <i>татарник колючий</i></p> <p>басурманская трава, бодяк, бодяк красноголовый, будяк, волчец, дед колючий, дедки, дедовина, дедовник, драпач, жабра трава, колкий репецник, ослиная</p>	<p><i>ирпелчан</i></p> <p>аярпелчан, имән писән Г, иманписан, иявондо, ияпелчан, кого писән, маскаписан, ошписан, тәгәвисән Г, шайтаншорвондо,</p>	<p><i>Eseldistel</i></p> <p>Frauendistel, gemeine Eseldistel, gewöhnliches Eseldistel, Krampfdistel, Krebsdistel, Wegdistel, Wolldistel</p>

		колючка, осот повалотный, репей колючий, старец, татарин, татарка, татарки, татарник, царь-мурат, царь-трава, чёртогон, чертополох, шишебарник, шишобар	шайтаншуарвондо	
34.	<i>Orchis maculate</i>	ятрышник пятнистый вымечко, гажья трава, дрёма, завязный корень, змеевик, змеиная трава, кокушкины слёзки, кокушкины слёзы, кокушница, комоношник, корешки, кукушечьи слёзы, кукушка, кукушки, кукушкины слёзки, кукушьи слёзки, лихорадочная трава, любим корень, мокруха, невстаниха, плакун-трава, пятипалечная трава, пятипалешник, сердечник, собачьи языки, Соломоницина ручка, трава от ребят, чёртова ручка	ошалче ашальче, кукувеледыш, кукушудо, куку шуды Г, ошальце, кукупеледыш	geflecktes Knabenkraut Fleckenragwurz, gefleckte Kreuzblume, Glückshand, Händelkrautweiblein, kleine Orchis, Kuckucksblume
35.	<i>Origanum vulgare</i>	душица обыкновенная бабина душица, блошная трава, блошница, блошника, блошница, блошничек, блошничник, блошья	матрушка золотукшудо, кўренвуй, кармешудо, кармышудо, мätрушкä, матрушкашудо,	echter Dost Badekraut, Badkraut, Bergminze, blauer Dunst, brauner Dosten, Dosten, Felddosten, gemeiner

		<p>смерть, бобина-душица, даданка, дикий зверобой, дрок, духмянка, духовой цвет, душанка, душица, душица боровая, душичка, душка, душмянка, душная трава, душница, душничка, душок, зановка, зеновка, клоповная трава, костоломная трава, ладанка, лебёдка, лебёдушка, лесная мята, луговая душица, марынка, материнка, материнка-трава, мацеранка, мацердушка, мята, полевая душица, пчелолоб, синявка, чистик</p>	<p>туситā Г, тусита Г, цайшудо, чайшудо</p>	<p>Dorant, gemeiner Dost, gemeiner Dosten, gewöhnlicher Dost, Heilkrauter, Ohrkraut, Orant, Schmeckata, Schusterkraut, wilder Balsam, wilder Dost, wilder Majoran, Wohlgemut, Wohlgemuth, Zendwehkraut</p>
36.	<i>Paris quadrifolia</i>	<p>вороний глаз четырёхлистный бронец, волчий глаз, волчьи глазки, волчьи ягоды, воронец, воронье око, вороньи ягоды, воронья ягода, вороний глаз, вороняшник, крест-трава, кукушкины слёзы, медвежьи ягоды, натягач, ногтоедня, паридова трава, подбел лесовой, ранник, родимец-трава, сорочий</p>	<p>коракшинча караксїнзā Г, коракшинчапеледыш, коракшынцā Г, шарды муды, шордымодо</p>	<p>vierblättrige Einbeere Augenkraut, Blatternblatt, Fuchsauge, Fuchstraube, Gutblätterkraut, Hundstod, Krähenauge, Kreuzkraut, Moosbeere, Parisbeere, Pariskraut, Sauauge, Schlangenbeere, Schwarzauge, Schwarzblattkraut, Schwarzperle, Schweinsauge, Steinbeere, Sternkraut,</p>

		глаз, сорочья ягода, ускопная трава, хрест трава, чирьён-трава, ягода воронья трава		Teufelsauge, Teufelsbeere, Venusspiegel, Vierblatt, Wolfsauge, Wolfsbeere
37.	<i>Plantago major</i>	подорожник большой бабка, бабки, вытопошный лист, доктор, дорожник, железняк, жилиник, жилистый листок, жильная лапушка, жильник, жильный листок, занозная трава, конотоп, кровавник, кровепуск, кровопой, кровохлёб, лапух подорожный, лечебная трава, лечебник, опорез-трава, перетоп, подорожник, поджележник, поджележница, подлежница, попутник, попутничек, попутный лист, поранник, порезник, придорожник, придорожничек, придорожные листы, припутник, продорожник, пуповник, путик, путики, путник, путничное листьё, пыльник, ранник, семижильник, собачий язык, солдатики, сторожник, толкачики, топотел,	казавылыш пўкеншудо, йолшудо, йылмышудо, казапылыш, кольапоч, колявўкш, колявоч, коляйол, коляпўкен, коляпоч, коляшудо, комбычапа, корновоктеншудо, корношудо, корнытўршудо, корнышудо, кумсо-шудо, кушмышудо, лаптырашудо, пийылме, сиремшудо Г, сиснапылыш, тўрлемшудо, тарантасшудо, ты-шудо, цўвўйкапа, цвельшташ, чывышудо, шўншудо, шорыкпылыш, шыл кышкышы шуды Г, шўлшуды Г, шўлгуштымшуды Г, шўлгуштымошуды Г, шўл	großer Wegerich Aderkrut, Ballenkrut, Breitwegerich, Glücksmännchen, Katzenschwanz, Rothwegerich, Sauohr, Vogelbräuen, Wegbreit, Wegerich

		топтун, топтунец, трепутник, трипутень, трипутник, трипутник-попутник, тропинник, тропняк, тягунец, тягуха, тягушки, чирьевая трава	куштым (ы) шуды Г, шёлгышкышудо Г, шылгышкышшуды, шылшуды Г	
38.	<i>Polygonum aviculare</i>	горец птичий брылёна, ведьмина трава, воробьиные язычки, галочья гречиха, геморройная трава, горец, гречиха спорыш, гречуха, гусиная трава, гусиный спорыш, гусятник, гусятница, гусячья трава, зорница, колесница, конетоп, конотоп, конотопка, куриная трава, куроед, лужайка, лужок, мокрица-топтун, морожок, мурава трава, муравка, мураг, муражок, мурашка, мураш-трава, мурог, мурожик, мурошка, мурух, мышинные коготки, парыш, подорожник, подорожник мелкий, подорожник садовый, поросятник, поросьячья трава, почечная трава, почечуйная трава, правильная трава, придорожник, птичий	тошкешудо кайыкшўльё, сирем Г, такыр шуды Г, ташкешуды Г, ташкым(ы) шуды Г, шаршудо	gewöhnlicher Vogelknöterich Angerkraut, Blutgarbe, Blutkraut, Dehngras, Ferkelkraut, Hühnergras, Jungfertritt, Knicker, Knotengras, Saugras, Saukraut, Schweinegras, Schweinekruse, Tausendknöten, Tennegras, Vogelknöterich, Wegetritknöterich, Weggras, Zehrgras

		<p>горец, птичья гречиха, птичья гречишка, птичья гречка, птичья травка, пустырная трава, раковая шейка, свинарник, свиная трава, свиная травка, свиная трава, свиной буркун, свиной, свинуха, свинухи, свинюшник, свинятник, свинячий лужок, свинячий настил, свинячья трава, сердечная трава, спариж, спориж, спориш, спорш, спорынь, спорыш, спорыш-трава, спорышник, топтун, топтунец, топтун-трава, трава-мурава, трава-мурова, травка-муравка, травная зелень, травонька-муравонька, травочка-муравочка, травушка-муравушка, травынька-муравынька, узловатая трава, уразная трава, хрестик, хресцы, хрящик, чушечья трава, шпарыш, шпориш, шпорыш</p>		
39.	<i>Polygonum bistorta</i>	<p>горец змеиный богородечник, брылёна, бяшечки, вежновник, винный корень,</p>	<p>кишлешудо ир шемшыдан, йылгә шуды Г, кишкышемшыдан,</p>	<p>Schlangen-Wiesenknöterich blühende Hirschwurzel, Blutkraut, Blutkrautknöterich, Drachenwurz,</p>

		<p>гадючья трава, горец, горец аптечный, горечавка, гори-голова, горлец, горлянка, горчак, горчанка, горчик, гречиха змеевик, дикая греча, дикуша, дубровка, животный корень, жолуничный корень, завязный корень, змеевик, змеевик-корень, змеиничник, змеинник, змеиный корень, змиевик, икум, корень змеиный, кровавник красный, левурда, луговой горец, медведица, мутовое коренье, ожолуничный корень, отварочник, пестик, плесняк, почечуйник, раковая шейка, раковые шейки, раковыя шейки, рак-трава, рачешейки, рачик, рачики, рачки, рачьи шейки, сабельник, сердечная трава, сердечное коренье, собачьи столбики, степной рачек, султанчики, султаны, телячий язык, ужевник, ужик, ужовка, ужовник, узик, узковник, шаленец</p>	<p>кишкышыдан, кѣшкѣйѣлмѣ Г</p>	<p>Gänseampfer, Giftwurzel, Heilkrauter, Kalbszunge, Krebswurz, Lämmerzunge, Nattenknöterich, Natterwurz, Otterzunge, Schlangenknöterich, Schlangenwurz, Schlippenwurz, Schuppenwurz, Wiesen-Knöterich, Wiesenknöterich</p>
--	--	--	-------------------------------------	---

40.	<i>Potentilla anserina</i>	<p><i>лапчатка гусиная</i></p> <p>бедренец, горланка, горна крововичка, грызник полевой, гусеница, гусина лапка, гусиная лапка, гусиная трава, гусиница, гусинка, гусиные лапки, гусья трава, гусятник, гусятница, гусячьи лапки, дикая рябина, дорожница, дубровка гусиная, жаблик, жабник, золотник, золототысячник, кукушкины слёзки, кукушкины слёзы, куричья слепота, лапка болотная, лапка, лапник, лапочка, лапчатка, лютик, лютик ползучий, мартынова рука, могучник, могущник, морковка, морковница, поддорожник, попутник, русинка, рябинник дорожный, серебрянник, столистник, судорожная трава</p>	<p><i>комбычана</i></p> <p>йер ванга, комбийол, парняшудо</p>	<p><i>Gänse-Fingerkraut</i></p> <p>Anserine, Dreckkraut, echtes Gänsekraut, Fingerkraut, Gänsefingerkraut, Gänsekohl, Gänserich, Gänserich-Fünfblatt, Ganskraut, Gansspratzen, Handblatt, Heilkrauter, Krampfkraut, Martinshand, Maukenkraut, Saukraut, Säukraut, Sauringel, Silberkraut, Stierlichrut, Wiederick</p>
41.	<p><i>Primula veris</i> <i>(Primula officinalis)</i></p>	<p><i>первоцвет весенний</i> <i>первоцвет лекарственный</i></p> <p>баранка, баранки, баранцы, баранчики, бараньи медушки,</p>	<p><i>тылзылүңгө</i></p> <p>комбийол, комбийолшудо, комбылапа Г, комбычапа, кугулүңгө, лумйымал,</p>	<p><i>echte Schlüsselblume</i></p> <p>Allelujableaml, Arznei- Schlüsselblume, Auritzel, Auswärtsbleamal, Bärenohr,</p>

		баранья трава, барашки, белая буквица, божьи ручки, гасник, гашник, жарки, жар-цвет, желтуха, золотые ключики, ключики, ключики богини весны Фреи, ключики замужества, ключики от лета, ключики Петра, коровьи слёзы, котики, кошки, кудель, кудель-барашки, куделька, медвежье ухо, медяник, медяник-зелье, медяничка, небесные ключики, откашник, откашник, параличная трава, первенец, первоцвет, первоцвет аптечный, попутник, примула лекарственная, ряст, свербигуз, собачий язык, цветы Святого Петра	нарынзывуй Г, онгырпеледыш, ынгыр пеледыш Г, ынгырвеледыш	Batenge, Bathingen, duftende Schlüsselblume, Ehrezeicheli, Eieräuglein, Eierkraut, Fastenbleamal, Fastenbleaml, Fastenblume, Frauenschlüssel, Frühlingsschlüsselblume, Frühlings-Schlüsselblume, gelbe Zeitlose, Gichtblume, Heilkrauter, Heiratsschlüssel, Himmelschlüssel, Himmelschlüsselblume, Kraftblume, Kreuzblümchen, Lerchenblümchen, Madäneli, Marienschlüssel, Märzenblümli, Molkraut, Mundfäulkraut, Peterschlüssel, Petriblume, Schmalzschüsseli, St Paulusblume, St Petersschlüssel, Trubechnöpfli, Wiesen-Primel, wohlriechende Primel
42.	<i>Pulmonaria officinalis</i>	<i>медуница лекарственная</i> брат и сестра, брат-и-сестра, водяные ключики, волочий язык, йодная трава, колдунья, лёгочная трава, лёгочница, лёгочный	<i>мўйшудо</i> цашпўль Г	<i>geflecktes Lungenkraut</i> Ähnl und Ahnl, alte Weiber, Bauchkraut, blaue Schlüsselblume, blaues Himmelschlüssel, Bockkraut, Bockskraut,

		<p>корень, лесная медуница, медвежья трава, медвянка, меденика, мединица, медовик, медовичник, медовичок, медовник, медок, медоцвет, медуника, медуница, медуничник, медунка, медунчики, медушник, медяник, первоцвет, посечная трава, припарная трава, пятнистая трава</p>		<p>Brunenschlüssel, Brunneschüsseli, buntes Lungenkraut, echtes Lungenkraut, Fleckenkraut, Fleisch und Blut, Frauenmilchkraut, gebräuchliches Lungenkraut, gewöhnliches Lungenkraut, Grossvater und Grossmutter , Güggelhose, Händschechrut, Hänsel und Gretel, Himmelschlüssel, Hirschkohl, Hirschkoze, Hirschmangold, Hosenschiffen, Hosenschisser, Königstiefel, Lungenflechte, Lungenkraut, Lungentee, Lungenwurz, Osterblume, Schlotterhose, Schwesternkraut, Schwindsuchttee, ungleiche Schwestern, Waldochsenszunge</p>
43.	<i>Rosa cinnamomea</i>	<p>шиповник коричный гуляв, дикая роза, колоклянка, крыжовник дикий, овсянишник, петушьи ягоды, роза дикая, роза коричная, роза собачья, розоцвет, своборина, свороборина,</p>	<p>шуанвондо лõчка, лõчкаванды Г, локама, лочка, шуанванды Г, шугар-понда, шыган</p>	<p>Zimtrose Dornrose, Heckenrose, Mairose</p>

		<p>своропная трава, чипишник, шемшин, шепишник, шепшинник, шипец, шипижка, шипижник, шипика, шипица, шипичка, шипичник, шипишник, шипишняк, шипняк, шиповник, шиповник майский, шиповный цвет, шипушник, шипшина, шипшинник, шипыжник, шипышник, шишина, шуплина, шуплица, шыпшына, шюпшина</p>		
44.	<i>Rumex confertus</i>	<p>щавель конский веревчатник, горечушка, квасок, килица, киселка, кислица конская, кислица конявья, кисличка, кислушка, кисляк, кислятник, кобыльник, кобылинка, кобылилки, кобылки, коневая кислица, коневий щавель, коневики, конёвник, коневья киселка, конняк, конский чай, конский щавель, конский чувель, конюшинный щавель, коняк, конятник, лапотник, лошадиный</p>	<p>чомавуч цамавач Г, цамапац, чома козгалык, чомавоч, чомавылыш, чомашинчаланшудо, чомашопышудо</p>	<i>Rohampfer</i>

		кочеток, лошадиный щавель, лягушачья кислица, молочник, огнёвка грыжняя, путча кониная, чистотел, чистотель, щаль, щавей, щавель, щавель густой, щавель коневий		
45.	<i>Sanguisorba officinalis</i>	кровохлёбка аптечная кровохлёбка лекарственная бордоголовка, бордоголовник, выпадошная трава, геморройник, грыжник, дикая рябина, дикий конюшник, красноголовник, красноголовник обыкновенный, краснокоренник, красные коренья, крововишная трава, кровососка лечебная, кровохлёбка, лесная рябина, луговка, мышьяк, простудная трава, прутняг, радовик (вер. изм. родовик), рябинник, рядовик (вер. изм. родовик), серебряный лист, толстосерька, черноголовка, черноголовник, чернотрав, шишечки, яловый золотник	асырашудо азыреншуды Г, аршудо, асрашудо, асьра-шудо, кўренвуй, кырәнвуй	großer Wiesenknopf Bibernelke, Blutkraut, Blutkrautknöterich, Blutströpfchen, Blutwurzel, Drachenblut, falsche Bibernell, Herrgottsbart, Köbelskraut, Pferdewurmkraut, rothe Bibernell, Sperberkraut, welsche Bibernelle, Wiesenbibernell

46.	<i>Saponaria officinalis</i>	<p>мыльнянка лекарственная</p> <p>белая гвоздика, бобовник, гвоздичка, дикое мыло, кукушкино мыло, купена, мушлица, мыльная трава, мыльник, мыльница, мыльный корень, мыльный корень красный, мыльный цвет, мыльнянка, мыльчики, натяг, натягачи, полевой жасмин, пузырьник, разрыв-трава, собачье мыло, сороканедужник, сороконедужник, стягач, стягачь, суставник, татарское мыло, чистуха</p>	<p>тараканшудо</p> <p>таракан шуды Г, шавынь шуды Г</p>	<p>gewöhnliches Seifenkraut</p> <p>echtes Seifenkraut, gemeines Seifenkraut, Hundsnelke, Hustenwurzel, Madenkraut, rote Seifenwurzel, Seifenwurzel, Spatzenkraut, Wachskraut, Waschlaugenkraut, Waschwurz</p>
47.	<i>Stellaria media</i>	<p>звездчатка средняя</p> <p>водяная звёздочка, грудница, грыжная трава, грыжник, звёздочка, звездчатка, звездчатка полевая, канареечная трава, куриная звёздочка, куриный мор, куричьи черевы, куричьа трава, курослеп, мокрец, мокрижник, мокритка, мокрица, мокрица меньшая, мокрица-трава, мокриця,</p>	<p>чывышудо</p> <p>лазыра шуды Г, лазырашудо, лойзырашудо, лязы́рашуды Г, ночкышудо, цѣвѣйсѣзашуды Г, цывышуды, чывышуды</p>	<p>gewöhnliche Vogelmiere</p> <p>Feldhühnerdarm, Feldsternmiere, Gänsemiere, Hühnerbiss, Hühnerdarm, Hühnerkraut, Hühnermiere, Hühnermyrte, Hühnerschwarm, Kanarienvogelkraut, Mäusedarm, Mäuseschärfe, Sternblume, Sternkraut, Vogelkraut, Vogelmeier, Vogelmiere, Vogel-</p>

		мокричник, мокришка, мокруха, мокруша, мышье ушко, пташья мята, птичий салат, птичья звёздочка, птичья мята, сердечная трава, топтун		Sternmiere, Vogelsternmiere, Zieselkraut
48.	<i>Taraxacum officinale</i>	одуванчик лекарственный одуванчик обыкновенный бабка, бабушкина трава, баранки, болячки, бородавник, ветодуй, ветреник, ветродуйка, ветродуйки, воздушный цветок, гадючье молоко, грядунница, дойник, дуан, дуванчик, еврейская шапка, жизненная сила, жизненный эликсир, зубец, зубная трава, зубник, зубной корень, коровник, коровняк, куйбаба, куйбабка, кульбаба, куриная слепота, куричья слепота, летунок, летучки, львий зуб, львиный зуб, млечный цвет, молокавник, молокажник, молокайник, молокайчик, молокан, молоканка, молоканщик, молокенница, молоковник,	мамыкшудо кокша шудо, кокшавуйаншудо, кокшавуйшудо, кокшавуяншудо, кукугынзалаванды Г, мамькшудо Г, мамыквуй Г, оварчыкшудо, понар пеледьш Г, понарвеледыш Г, понаршуды Г, поранвуй, пораншудо, пунвуйшудо, пунвуяншудо, сөремшудо, шергашшудо, шөр шудо, шөрписан, шөршудо, шөргашвуй, шүрашаншудо	gewöhnlicher Löwenzahn Augenwurz, Bettseicher, Bettseichkraut, Butterblume, Dotterblume, echter Löwenzahn, gebräuchliche Kuhblume, gemeine Hundebblume, gemeine Kuhblume, gemeiner Löwenzahn, Hundebblume, Hundszahn, Kuhblume, Löwenzahn, Maiblume, Milchblume, Mönchsplatte, Pfaffenkraut, Pfaffenohrlein, Pustebblume, Saublume, Schmalzblümchen, Sonnenwurz, Wiesen-Löwenzahn

		<p>молокоед, молосная трава, молочажник, молочай, молочайник простой, молочая, молочная трава, молочник, молочница, одуайчик, одуанчик, одуван, одуванник, одуванчик, одуйплеш, одуй-трава, одунчиваки, павки, плешаки, плешивец, плешаки, поддувальник, поддуванчик, подойник, подойница, подойнички, подорожник, подорожник жёлтоцветный, подоянка, полая трава, половка, поп, попова, попки, попова плеш, поповник, прешивец, придорож, придорожник, пустодуй, пух, пухар, пухлянка, пуховая трава, пуховичок, пуховка, пуховка трава, пушица, пушица круглая, пушки, пушник, пушок, пыхалка, раздуванчик, русский цикорий, сдуванчики, солнце-гляд, фонарики, шапочка – дунуть</p>		
--	--	---	--	--

		плешка		
49.	<i>Trifolium pratense</i>	<p>клевер красный клевер луговой</p> <p>бабочкин хлеб, бобовник, божий хлеб, детелина, дятелина, дятельник, дятельник красный, дятельник лесной, дятельник, дятельник-подорожник, дятла, дятлевина, дятлицина, дятлик, дятлина, дятлина красная, дятлица, дятловина, дятловка, дятловник, дятля, заячьи соски, золотушная трава, калачики, кашешник, кашка, кашник, клевер, клевер розовый, конюшина, котик, красная кашка, красная коврига, красная коврижка, красноголовка, красноголовник, красный клевер, красный кливер, красный куньяк, лихорадочная трава, мёд, медовая кашка, медовая трава, медовик, медовики, медовка, медовник, медовый цвет, медок, медуница, медуничник, медуничник,</p>	<p>клевер</p> <p>йошкар клевер, кергечевуйшудо, кергивуй Г, кергевуй, кергевуйшудо, кергивуйшудо Г, клевыр Г, кумпылыш, кылевёр Г, мўшуды Г, мўйвуй, мўйшудо, мўйшуды Г, чевер клевер, яшкар клевер Г</p>	<p>Wiesen-Klee</p> <p>Ackerklee, Dreiblatt, Feldknoppeln, Fleischblume, Fleischklee, Futterklee, gemeiner roter Kopfklee, Himmelsbrot, Honigblume, Honigklee, Hummelklee, Hummellust, Kleber, roter Kopfklee, Rotklee, Sügerli, Weissklee, Wiesenklee, Zuckerblümli, Zuckerbrot</p>

		мышерепка, мышья репка, мякушечки, мякушечник, мякушка, папачки, папки, папушки, папушник, папынька, пчельный хлебник, сладки соски, сладкий цветок, смоктуши, сосульки, сосунчик, сусяк, сусянка, треушник, трёхлистник, трилистник, троезелье, троелистка, трой зелье, троица, троян, хлебушка, хлебцы		
50.	<i>Urtica dioica</i>	крапива двудомная большая крапива, борщёвая крапива, ведьмина трава, жалива, жалюга, жгучка, жегала, жегало, жигала, жигалка, жигучка, костичка, кострива, кострика, костричка, кострыка, костырка, крапива большая, крапива жгучая, крапива крупная, крапива лечебная, крапива обыкновенная, крапива простая, крапива свинячая, крапива стрекучная, крапивка, крапивница, кропива	нуж нужер Г, нужшудо, ныж, почкалдыш, почкалтыш	große Brennessel Donnernessel, große Nessel, Hanfnessel, Nettel, Saunessel, Scharfnessel, Sengnessel

		<p>жолюча, крупная крапива, крупнолистная крапива, обыкновенная крапива, одолень- трава, остяцкая крапива, остяцко коноплё, простая крапива, стракива, стрекава, стрекавина, стрекавка, стрекаша, стрекива, стрекиша, стрекучка, струкучка, стрякашина</p>		
51.	<i>Urtica urens</i>	<p>крапива жгучая жаглица, жалива, жалюча крапива, жалючка, жгуча крапива, жгучка, жигавица, жигавка, жигалица, жигалка, жигучая крапива, жигучка, жигушка, жижка, жыжуха, злюча крапива, змеиное жало, крапива жигушка, крапива малая, крапива маленькая, крапива мелкая, крапива-жгучка, кусачка, малая крапива, мелколистная крапива, огонь-крапива, ожалка, ожальник, озжиха, русская крапива, стрекава, стрекавица, стрекавка, стрекива, стрекучка</p>	<p>аярнуж айярнуж Г, каля нуж Г, кокшануж, кокшапелчан, кокшачкалтыш, колянуж</p>	<p>kleine Brennessel Haarnessel, Hafernessel, Hanfnessel, kleine Nessel, Saunessel, Scharfnessel</p>

52.	<i>Valeriana officinalis</i>	<p>валериана лекарственная</p> <p>аверьянка, аверьянова трава, аверьяновка, аломатник, аптечный мяун, ароматник, балдриан, балдырь, балдырьян, белголовник, бидрец, болячник, булдырьян, булюголова, валдриан, валериан, валериана аптечная, валерьяна, валерьянка, варагуша, велерьяновка, верьяновка, врагушник, глесник, грудовка, дигиль, домобыльник, земляной ладан, каташник, катыр, козелок, копровник, коровец, кошачий корень, кошачий ладан, кошачья трава, кошкина трава, ладан, ладанница, ладая, лесной ладан, лихорадочная трава, лихорадочный корень, мариан, марьянка, маун, маун аптечный, маун лекарственный, мяун, оверьян, оделян, одеян, очный корень, переполох, полевой грыжник, пятношник, рябинка,</p>	<p>пырышудо</p> <p>валериан, котишуды Г</p>	<p>großer Baldrian</p> <p>Arzneibaldrian, Arznei-Baldrian, Augenwurz, Augenwurzel, Baldrian, Bullerian, Dammarg, Dreifuß, echter Baldrian, gebräuchlicher Baldrian, Katzenkraut, Katzenwurtzel, Katzenwurz, Marienwurz, Mondwurz, Ollerjan, Stinkwurz, Viehkraut, Wendwurz, Katzenwurz</p>
-----	------------------------------	---	--	---

		<p>семяшник, смердючка, сорокоприточная трава, сорокоприточник, стоян, трясовичная трава, трясовичное коренье, тысячелиственник розовый, уразница, хадрейник, чемер, чёртове ребро, ягиль</p>		
53.	<i>Viola tricolor</i>	<p>фиалка трёхцветная Анютины глазки, Анютки, анюткины глазки, анюточка, бабочки, бесопрогонная трава, брат и сестра, брат с сестрою, брат-да-сестричка, братики, братки, Ванька-да-манька, Ваня- да-маня, веселые глазки, волосник, воробьиное семя, глазки сорочьи, глистник, землецветка, золотуха, Иван-да-Марья, краски, крупенька, куричья слепота, мачимачиха, метляк, милоцвет, мохвицы, полуцвет, полуцветки, сердечная услада, сороконедужная трава, сорочье семя, сорочьи глазки, трава трицветная,</p>	<p>кишкышинча караксѣнзѣ Г, коракшинча, коракшинчапеледыш, коракшѣнцѣ Г, кышкышинча, ошкандепеледыш, сѣрт Г, сѣртпеледыш Г, сѣртпеледыш Г, фиалка Г, фиалкы Г</p>	<p>wildes Stiefmütterchen Ackerstiefmütterchen, Acker- Stiefmütterchen, Ackerveilchen, Denkanblümlein, Denkblümchen, Dreifaltigkeitsblümchen, Dreifaltigkeitsblume, Dreifaltigkeitskraut, dreifarbiges Veilchen, echtes Stiefmütterchen, Feldstiefmütterchen, Freisamkraut, Gedenkblume, Gedenkemein, gewöhnliches Stiefmütterchen, Jelängerjelier, Jesusblümchen, Kathrinchen, Liebesgesichtli, Liebgsichtli, Mädchenaugen, Muttergottesschuh, Sammetblümeli, Sammtveilchen, Samtblümlein, Sämtblümlein,</p>

		трёхцветка, троецветка, троечная трава, тройцвет, троицкая трава, троицын цвет, троичный цвет, фиалка, фиалочка, цветок на память, цветок Святой Троицы, Юрьева роса		Samtveigerl, Samtveilchen, Schöngesicht, Siebenfarbenblume, Stiefkinder, Stiefmütterchen, Tag und Nacht, Tag- und Nachtblümlein, Theeveigerl, unnütze Sorge
--	--	--	--	---